

"Татьяна Полякова - Охотницы за привидениями"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

* * *

Женька, сидя напротив меня, торопливо уминала торт и время от времени ухмылялась, весело поглядывая по сторонам. Дураку ясно, у нее припасена какая-то сногсшибательная новость, однако я из принципа вопросов не задавала. По-моему, это ужасное свинство — заставлять людей изнывать от любопытства. Женька запихнула в рот кусок торта, вытерла руки салфеткой, уставилась в потолок и вдруг заявила:

— Старичок объявился.

— Какой старичок? — не сразу поняла я.

— Ну этот, из Анапы, помнишь?

Тут я, конечно, вспомнила. Женька отдыхала в Анапе полтора месяца назад и там умудрилась познакомиться с подозрительным типом. Во всяком случае, лично мне он сразу показался таковым. Но Женька, распинаясь со мной по телефону битый час, утверждала, что он душка, премилый старикан, так красиво ухаживает за ней, рук не тянет и вообще — джентльмен. На мой же прямой вопрос: «Сколько лет старцу?» — она отвечала весьма туманно, и я всерьез забеспокоилась, потому что Женька пребывала в затяжной депрессии в связи с тем, что ее очередной любовный роман приказал долго жить. В таком состоянии она запросто могла выскочить замуж за какого-нибудь слабоумного старичка просто из вредности.

Когда я уже готова была лететь в Анапу, чтобы разузнать на месте, что за чертовщина там происходит, Женька, позвонив в очередной раз, с некоторым недоумением в голосе сообщила, что старец предложил ей работу.

— Пошли его к черту, — рявкнула я в ожидании самого худшего, но Женька миролюбиво попросила:

— Да уймись ты, Анфиса. — И добавила: — Он хочет, чтобы я написала его автобиографию.

— Автобиографию? Ведь автобиографию пишут сами... — озадачилась я.

— Ну... Сейчас мало кто сам пишет, так что нечего дурочкой прикидываться. Я излагаю за дядьку поучительную историю его жизни, а он мне платит бабки. Дядьке хорошо, мне хорошо, человечество вообще в восторге.

— Поймай, а кто он такой, этот старец? Политик, артист?

— А черт его знает? По-моему, жулик, хотя говорит, что бизнесмен. Какая разница?

— Особой разницы я между бизнесменом и жуликом действительно не вижу, но для тебя разница все-таки есть.

— В самом деле? Интересно, — съязвила Женька, хотя отлично знала, что я имею в виду.

— Делай что хочешь, — отрезала я, а подружка принялась канючить:

— Ну чего ты, Анфиса, там даже имени моего не будет, а бабки приличные.

— Делай что хочешь, — повторила я и бросила трубку.

На следующий день Женька позвонила опять, но о старичке больше не заговаривала, и я понемногу успокоилась, а потом вовсе думать о нем перестала. Хотя, когда Женька вернулась из Анапы и я выспросила ее как следует, дала задание своему супругу, полковнику спецназа, разузнать, что за старичок такой отдыхал в Анапе. Ромка задание выполнил, но обилием сведений не порадовал. Сморщив нос, он заявил:

— Тот еще тип. — И удалился, оставив меня изнывать от беспокойства и любопытства.

К тому моменту Женька помирилась со своим возлюбленным и даже заявила, что вновь хочет выйти за него замуж. Я окончательно успокоилась и о старичке больше не вспоминала. И вот теперь она говорит, что он объявился, и это через день после того, как Женька в очередной раз поссорилась с возлюбленным. Теперь вы поймете, отчего я так разозлилась и даже испугалась, но, стараясь держать себя в руках, спросила как можно спокойнее:

— И что ему нужно?

— У него навязчивая идея оставить потомкам свою автобиографию.

— Вот пусть сам ее и пишет, — не выдержала я.

Женька кивнула, точно соглашаясь, уставилась в окно и вдруг заявила:

— У меня отпуск до десятого сентября. Делать мне, сказать по правде, совершенно нечего, а деньги очень приличные. Вот я и подумала, не махнуть ли мне к дядечке? Книгу я, может, и не напишу, зато отдохну на дармовщинку.

— Полетишь в Анапу? — нахмурилась я.

— Не-а, у него дом где-то на Ладогe. Прикинь, русский Север, острова, озера, Валаам, Кижы.

— При чем здесь Валаам? — начала паниковать я.

— При том, что ты меня не слушаешь. У дядьки дом на одном из островов Ладожского озера. Их там тьма-тьмущая, и дядя взял да и прикупил один.

— Остров прикупил? — вытаращила я глаза.

— Анфиса, ты сейчас на филина похожа. Ну, может, не прикупил, но дом на острове построил. Ты когда-нибудь была на Валааме?

— Нет, — испуганно пожала я плечами, потому что в географии была не сильна и русский Север для меня заканчивался в окрестностях Петербурга.

— Говорю, остров там полно, и дядька на одном из них купил или построил дом. Пригласил в гости, мол, поговорим по душам, он мне свою жизнь красочно обрисует, а уж там решим: берусь я за его биографию или нет.

— По-моему, это чушь какая-то, — не выдержала я.

— Почему чушь? — обиделась Женька. — Я что, по-твоему, могу только про кошек и собак

писать? Между прочим, я журналист в родном городе не последний и биографию любого хмыря состряпаю в лучшем виде.

— Но, Женечка, — испуганно втянув голову в плечи, пролепетала я, — этот дядька жутко подозрителен. Ромка сказал: тебе надо держаться от него подальше, а Ромка знает, что говорит.

— Заколебала ты меня со своим ментом, — грозно насупилась подружка. — Надо собственным умом жить. И вообще...

— Ты уедешь на этот русский Север, а я здесь свихнусь от беспокойства, — накинулась я на Женьку и даже хлопнула ладонью по столу, да так, что чашка подпрыгнула. — Если тебе совершенно наплевать на мое...

— Ты можешь поехать со мной, — вкрадчиво заметила подружка, лучисто улыбнулась и торопливо продолжила: — Рукопись в издательство ты отправила, новую повесть не начала, Ромка твой в Моздоке и явится не скоро, сидеть дома тебе вовсе без надобности, а новые впечатления дадут толчок твоей писательской фантазии, ты придумаешь что-нибудь потрясающее. Представь: остров, одинокий дом — и вдруг убийство. Подозреваются все, а тут еще буря, и герои отрезаны от всего мира.

— Какая буря? — скривилась я. — Там же озеро.

— Ну и что, озеро большущее, это тебе не наше Глубокое, и бури там есть, точно есть, обязательно должны быть бури. — В этом месте Женька совершенно неожиданно заголосила: — «Эй, баргузин, пошевеливай вал, слышатся грома раскаты...»

— Баргузин — это ветер, — разозлилась я. — Действие происходит на Байкале, и при чем здесь буря?

— А гроза? Грозы тебе мало? — рывкнула Женька, и мы примерно с полчаса препирались по этому поводу и пытались блеснуть друг перед другом знанием географии, выдохлись и далее пили чай молча.

Все, что говорила Женька, казалось мне страшно глупым. Но, сообразив, что подружка от дурацкой затеи не отступится, я начала подумывать, что ничего особенного меня в родном городе действительно не держит. Ромка в Моздоке и раньше чем через две недели не вернется, работа над очередной детективной повестью в самом деле закончена, повесть получилась, на мой взгляд, удачной, и не грех мне недельку отдохнуть. Да и Женька будет под присмотром.

— Я сказала, что мы вдвоем приедем, — разливая чай, сообщила подружка. — Расписала тебя в лучшем виде, мол, известная писательница, автор детективных повестей...

— Я не поеду, — сразу же разозлилась я.

— Ромку своего боишься? — съязвила Женька.

— При чем здесь это?

— При том. Твой муж — ревнивый сукин сын, а ты, раба божья Анфиса, ему еще и потакаешь. Он на тебя пояс верности не надевает?

— Прекрати немедленно, — рассвирепела я. — Ромочка мне доверяет и вообще... просто у него

характер...

— Вот-вот. Спорим, как только ты ему скажешь, что уезжаешь, он заорет так, что телефонная трубка пополам переломится.

— А вот и не заорет, — возразила я, не подумав о последствиях, а подлая Женька подвинула мне телефон и ядовито предложила:

— Давай проверим.

Закусив губу, я торопливо набрала номер и ждала до тех пор, пока на том конце провода грозно не рявкнули:

— Громов слушает.

— Ромочка, — пискнула я. — Это Анфиса.

— Где тебя носит? — заворчал муж. — Я звонил два раза, в десять ноль-ноль и в двенадцать тридцать.

— В десять я была в магазине, а в половине первого ходила к стоматологу. Ты забыл, у меня же зуб болел.

— Как зуб? — поинтересовался Ромка, немного понизив голос и уже гораздо ласковее. Мы поговорили о моем зубе, после чего я тихо сказала:

— Ромочка, я ужасно скучаю.

Муж вздохнул так, что на моих глазах мгновенно выступили слезы.

— Я тоже. Вот так бы все бросил и с первым же самолетом... Потерпи, солнышко, две недели — самое большое, Михалыч твердо обещал. И месяц отпуска. — Ромка стал расписывать, как мы проведем отпуск.

Женька ухмылялась, а я покраснела, но сообщить Ромке, что подружка сидит напротив и все слышит, не рискнула. Евгения Петровна действовала на Ромку, как красная тряпка на быка, а волновать его сейчас не следовало, поэтому программу отпуска я полностью одобрила, всхлипнула и заявила:

— Мне без тебя очень плохо. — Что с моей стороны было форменной гнусностью: мне плохо, а Ромке в Моздоке хорошо?

— Детка, ну потерпи, — чуть не плача попросил он. — Звони мне почаще, и я тебе звонить буду. Погода у вас хорошая? Сходи на пляж, съезди в Москву к маме, Женьку с собой возьми, ей все равно заняться нечем, слышишь, зайчонок?

— Слышу, — вздохнула я. — Женька звала меня к друзьям, на Валаам. Русский Север, говорит, красота, я там никогда не была...

— Тебе хочется поехать?

— Не знаю... — Я вторично вздохнула.

— А что за друзья?

— Я не расспрашивала.

— А позвонить оттуда можно? — насторожился Ромка.

— Наверное.

— Вот что, зайди к Витальке, возьми у него сотовый. Я ему позвоню. Черт знает, может, на этом Валааме отродясь про телефоны не слышали. Когда поедешь?

— Я еще ничего не решила, — торопливо сказала я и добавила: — Я люблю тебя. — Ромка охотно поддержал тему, и мы еще болтали минут пять, после чего тепло простились.

Я повесила трубку, Женька с усмешкой пожала мне руку:

— Можешь, когда хочешь. Ну что, завтра отчалим?

— Почему завтра? — запаниковала я.

— А чего тянуть? Раньше отчалим, раньше вернемся. Это ты свободный художник, а у меня отпуск не резиновый.

Я печально разглядывала стену напротив. Выходило, что ехать в самом деле придется, раз уж Ромка против обыкновения благословил меня, разумные аргументы исчерпаны, да Женька их все равно не стала бы слушать. В общем, я согласно кивнула, правда, без видимой охоты.

— Собирай вещи, — засуетилась подружка и вскоре отбыла к себе.

Правда, в течение вечера она раз пять звонила по телефону, и мы провели расширенные консультации на тему: что следует взять в дорогу? В результате вещей набралось предостаточно, поэтому я ничуть не удивилась, когда Женька появилась у меня в восемь утра в сопровождении рослого молодого человека, оказавшегося водителем такси, руки которого оттягивали два устрашающего объема чемодана. На лбу парня выступил пот, дышал он с трудом, а от чемоданов избавился с заметным облегчением и тут же испарился.

Я уставилась на два кожаных монстра, один был ядовито-зеленого цвета, другой ярко-желтого — и мысленно скривилась: Женькины вкусы неизменно вызывали у меня недоумение.

— Барахло собрала? — проявила она интерес, включив электрочайник.

— Собрала, — кивнула я и вздохнула, пытаюсь сообразить, как мы все это потащим, потому что и у меня стояли наготове два чемодана, правда, значительно меньшие по объему и приличного темно-синего цвета, но, к сожалению, жутко тяжелые. И тут меня озарило. — А как мы будем добираться до этих самых островов? — задала я вполне здравый вопрос.

— Я все устроила, — осчастливила меня Женька. — Позвонила старичку, он жуть как обрадовался. Прикинь, он твои книжки читал... ни за что бы не подумала...

— Почему это? — на всякий случай нахмурилась я.

— Ну... не похож он на человека, который книжки читает, если эта самая книжка не его собственная автобиография, но ведь она-то еще не написана. Короче, он рад и счастлив. Высылает за нами тачку, на ней мы прибудем в город... черт, забыла, как называется, название вроде финское, а может, не финское, у меня на бумажке записано... В общем, приезжаем туда, а на остров, само собой, на катере или на пароходе, его тоже за нами пришлют. Скажи, класс.

А твоя тачка постоит в Питере на стоянке, и это не будет стоить тебе ни копейки, потому что дядя за стоянку сам заплатит.

Из всей Женькиной тирады я услышала лишь «твоя тачка» и сразу же запаниковала. Мой «Фольксваген» был подарен мне отчимом, депутатом Российского парламента, и хоть машина новой не была, но выглядела вполне прилично и я ею очень дорожила, неизменно пресекая все попытки подружки использовать мою собственность в корыстных целях. (Свою машину Женька давно разбила, и у меня всякий раз ныли зубы, когда она садилась за руль моего «Фольксвагена». К счастью, случилось сие исключительно редко.) Меня даже оторопь взяла, и я спросила немного невпопад:

— При чем здесь моя машина?

— А на чем мы в Питер поедем? — удивилась Женька.

— На поезде, — ответила я, покосилась на наши чемоданы и опять запаниковала.

— Вот-вот, — вздохнула Женька. — Куда мы с этим барахлом? Нет, голуба, двигаем на твоей тачке.

— Мы могли бы... — пискнула я, но под строгим подружьиным взором враз присмирела и обреченно кивнула.

С великим трудом мы спустили вещи вниз. Я не приминула заметить, что Женькины чемоданы таскать туда-сюда было без надобности, и подогнала свой «Фольксваген» к подъезду. Мы загрузили чемоданы, и я поехала к Витальке, Ромкиному приятелю и сослуживцу, который с тяжким вздохом и без видимой охоты вручил мне свой сотовый со слезной просьбой его не потерять. Мы устроились в машине вторично, Виталька вышел нас проводить, а Женька, махнув ему рукой, сказала:

— Ну, с богом.

Как выяснилось впоследствии, господь своего благословения на эту поездку не давал, должно быть, в тот момент занятый делами поважнее, но, отбывая из нашего славного города, мы об этом еще не знали, хотя нечто напоминающее предчувствие шевельнулось во мне, но Женька по обыкновению принялась трещать, и я как будто успокоилась.

Поездка прошла без приключений, и на следующий день Санкт-Петербург встретил нас проливным дождем.

— Вот чертова погода, — пробурчала подружка, морща нос и глядя в окно.

— А что там, на русском Севере, так же скверно? — проявила я интерес.

— А я почем знаю, — вздохнула Женька. Такое ее заявление вызвало у меня недоумение: обычно она все лучше всех знает.

— Где нас ждет твой дядька? — спросила я.

— На Васильевском острове. Только торопиться ни к чему, у нас еще полно времени. Можно взглянуть на город, Северная столица все-таки.

Где-то через полчаса дождь кончился и выглянуло солнышко, мы заметно приободрились и

провели обзорную экскурсию. Пообедали в кафе на улице Пестеля и дружно взглянули на часы. До встречи оставалось еще больше часа.

— Здесь Русский музей неподалеку, — подумав, заявила Женька. Про Русский музей я знала не хуже ее, потому что в Питере бывала неоднократно и с местными достопримечательностями знакомилась.

— Может, сразу на Васильевский, вдруг машина раньше прибудет? — внесла я разумное предложение.

— У человека должна быть тяга к прекрасному, — фыркнула Женька.

— Что ты там увидишь за час? — разозлилась я.

— Уж что-нибудь ухватить успею, — упрямылась подружка, и она, конечно, победила.

Через десять минут мы тормозили у ступеней музея, пристроившись в хвосте вереницы машин таких же, как мы, любителей искусства.

По музею подружка носилась как фурия и умудрилась обежать все залы, потратив на это ровно час. Мы встретились в вестибюле, Женька изрекла что-то вроде того, что шедевры бессмертны, а рукописи не горят, и мы покинули храм искусства, а через пять минут стояли возле ступенек все того же музея с открытым ртом, потому что моего «Фольксвагена» на месте не оказалось.

— Ни фиги себе, — шаря вокруг взглядом, присвистнула Женька, а я жалобно пискнула, втайне надеясь, что «Фольксваген» возьмет да и появится.

Но не тут-то было: красные «Жигули» стоят как ни в чем не бывало, и черная «Волга» тоже стоит, а вот мое родное железо... Я пискнула вторично и опустилась на ступеньки, собираясь позвонить Ромке и пожаловаться: пока он в Моздоке наводит порядок, у меня из-под носа увели машину. Но намерениям моим не суждено было осуществиться, потому что подружка, вырвав у меня из рук телефон, развила прямо-таки фантастическую деятельность. Позвонила в милицию, сообщила об угоне, а также о том, что муж у меня полковник спецназа, человек с паршивым характером и лучше им проявить чудеса расторопности и тачку найти, иначе мало не покажется. Позже выяснилось, что она машинально набирала код нашего города и вся ее бурная деятельность сводилась к нулю.

На том конце провода заверили, что машину непременно найдут, просили не волноваться и ждать на ступеньках музея, где мы в настоящий момент находимся, милиция к нам сейчас подъедет. Женька дала отбой, удовлетворенно кивнула и устроилась рядом со мной.

— Не бойсь, — сказала она бодро. — Найдут твою тачку. Машина приметная, номера иногородние.

— Да тут в каждом доме пяток подворотен, — жалобно возразила я, но скорее из вредности, потому что на самом деле не могла смириться с мыслью, что простилась с «Фольксвагеном» навсегда, и питала в глубине души надежду, что его непременно отыщут.

— Ладно, сиди здесь, жди ментов, а я пойду за сигаретами, — сказала Женька. — Надо нервишки успокоить.

Она ушла, а я таращила глаза, в напрасной надежде увидеть подарок отчима.

За сигаретами Женька ходила никак не меньше пятнадцати минут, что меня, признаться, возмутило, но выговаривать ей я не стала. Подумала и тоже взяла сигарету, мы курили, сидя на ступеньках, ожидая появления милиции с утешительными новостями, а Женька сказала:

— Слышь-ка, видно, твой Ромка большой человек, как назвала его фамилию, так мент запел совсем другим голосом.

— Ромочку уважают, — вздохнула я и неожиданно всхлипнула, вожделенно глядя на телефон, Женька хмуро осадил меня:

— Не вздумай Ромке звонить. Сами справимся. Какой от него толк, если он за тысячу километров? Справимся, — повторила подружка, саму себя успокаивая.

Я шмыгнула носом и затихла. Время шло, а милиция все не приезжала, Женька стала проявлять нетерпение.

— Где их носит? — фыркнула она. — Ну, менты, ничего путно сделать не могут.

— Может, они машину ищут, — вступилась я за стражей порядка.

Прошел час, потом второй, подружка наливалась краской и вдруг принялась материться.

— Они что, про нас забыли?

Начал накрапывать дождик, мы перебрались под козырек над дверью, а подружка, окончательно рассвирепев, набрала номер.

— Вы спите, что ли? — осведомилась она, лишь только бодрый голос отозвался: «Дежурный слушает». — Долго нам еще на ступеньках сидеть?

— Девчонки, — виновато сказал страж порядка. — Мы весь город обкатали, только такого музея у нас нет.

— Как это нет, — возмутилась Женька, — если мы торчим здесь два часа, вот и вывеска...

— Может это какой-то другой музей? Вы лучше адрес скажите.

Немного пробежавшись, мы выяснили адрес, он поверг нашего собеседника в глубочайшее уныние.

— Инженерной улицы у нас тоже нет, — вздохнул он. — Вы поточнее узнайте.

Я захлопала глазами, и тут Женька, почесав в затылке, спросила:

— А в Питере телефонные номера семизначные?

— Конечно, — нахмурилась я.

— А чего ж мне шестизначный дали?

— Да ты куда звонила? — рявкнула я.

— Ноль два, естественно, а потом по телефону, который мне эти лохи дали...

— Они не лохи, — обреченно заметила я, — ты домой звонила.

Женька трижды моргнула и покосилась на телефон в своей руке.

— Чего ж ты раньше?.. — прорычала она, а я только рукой махнула.

— Кто ж знал, что ты такая дура?

На «дуру» Женька обиделась, но тут же вновь принялась звонить. Дождь понемногу расходился, я зябко поежилась и подумала, что «Фольксваген» я вряд ли еще когда увижу.

Санкт-Петербургские менты оригинальностью не блеснули, предложили дожидаться все на тех же ступеньках и прибыли ровно через два часа, когда мы оставили всякую надежду их увидеть.

Подъехал милицейский «газик», и из него появились двое: девушка приятной внешности и молодой человек с лучезарной улыбкой.

— У вас машину угнали? — весело спросил он, я кивнула, а Женька, хмуро разглядывая вновь прибывших, принялась излагать нашу историю.

История молодых людей не впечатлила, да и мне она показалась довольно глупой, так что даже сделалось неловко, оттого что мы по пустякам беспокоим людей. Молодой человек извлек из «газика» фотоаппарат и зачем-то сфотографировал белый «Мерседес», который стоял как раз на том месте, где несколько часов назад красовалась моя машина. Меня его поведение заинтересовало, и я собралась задать ему вопрос, но подружка все испортила, неожиданно зарывчав:

— Машину найдут?

— Вряд ли, — вновь улыбнулся молодой человек, и я как-то сразу успокоилась, затихла и никаких вопросов не задавала. Симпатичная девушка, борясь с легким ветерком, что-то торопливо писала, время от времени повторяя:

— Вы не волнуйтесь.

Так как я совершенно не волновалась, а сидела на ступеньках и пыталась вспомнить, что из своего гардероба смогла сохранить, оставив дома, то адресовалась данная просьба одной лишь Женьке, которая, кстати сказать, тоже не волновалась, а впала в тоску и выглядела вялой, даже отрешенной. Если учесть, какой величины были ее чемоданы, нетрудно было догадаться, что шифоньер в ее квартире в настоящий момент радовал глаз пустыми полками. Я сочувственно вздохнула и ухватила подружку за руку, но она этого даже не заметила.

Девушка закончила писать, мы загрузились все в тот же «газик» и вскоре выходили возле отделения милиции. Именно в этом месте я и лишилась остатков своего оптимизма. Узкая лестница вела на второй этаж, в крохотных клетушках, невероятно грязных и обшарпанных, с распахнутыми настежь дверями, сидели люди и с тоскливым видом курили. Судя по выражению лиц, это и были сотрудники отделения. Слева мелькнула дверь с надписью «услуги у нас платные» и груда окурков, мы прошли дальше и оказались в узкой камерке, где прибывшая с нами девушка вновь принялась что-то писать, а ее симпатичный спутник пил чай и интересовался нашими впечатлениями от посещения Русского музея. У меня впечатлений не было, а вот у Женьки их оказалось пруд пруди, и она их высказала. Парень заметно скис и далее продолжал пить чай в молчании.

Через некоторое время нас попросили подождать в коридоре, где мы и просидели час двадцать пять минут, отрешенно разглядывая стену напротив. Тут вновь появилась девушка и, заметив нас, страшно удивилась.

— А что, в семнадцатом кабинете никого нет? — грозно спросила она, мы дружно замотали головами, потому что доподлинно знали: семнадцатый кабинет необитаем, мы скреблись, стучались в облезлую дверь, а Женька дважды в сердцах пнула ее ногой без всякого, впрочем, толка, но девушка рассудила иначе, стукнула кулаком и зычно крикнула: — Сашка, открой, тебя люди ждут. — Ответом ей было молчание, и мы не без удовлетворения переглянулись, а девушка вернулась в четырнадцатый кабинет, бормоча под нос: — Где его черти носят?

И тут как по волшебству дверь семнадцатого кабинета приоткрылась, и мы увидели физиономию молодого человека, немного помятую, но веселую, я бы даже сказала озорную.

— Вы ко мне? — заговорщицки прошептал он. Мы опасливо кивнули, дверь распахнулась, и парень предложил: — Заходите.

Кабинет был чуть больше предыдущего, мы устроились на диванчике, а молодой человек за столом. Возле его ног что-то звякнуло, он пожал плечами и улыбнулся еще шире.

Вдруг он сорвался с места и исчез, оставив нас в некотором изумлении, но через пять минут явился с какими-то бумагами в руках, уткнулся в них, сосредоточенно морща лоб, а я в это время пялилась на плакат, висевший над его письменным столом. На плакате крупными буквами было написано: «Отсутствие у вас судимости — это не ваша заслуга, это наша недоработка». Как видно, Женька тоже обратила на плакат внимание, ткнула меня в бок локтем, и мы опасливо переглянулись. Молодой человек поднял голову от бумаг и деловито начал выпрашивать об обстоятельствах дела.

Я в который раз пересказала нашу историю, про себя удивляясь, почему парень никак не может запомнить, какого цвета был мой «Фольксваген».

Все-таки Женька соображала лучше меня, она поднялась с дивана, наклонилась к парню и сурово спросила:

— Что ж это водкой-то от тебя за версту несет?

Молодой человек сделал попытку покраснеть, прикрыл рот рукой, бормоча:

— Пардон.

В конце концов с нашей помощью он составил необходимую бумагу, я написала «с моих слов записано верно» и поставила залихватскую подпись, а парень в знак признательности предложил нам выпить, пояснив, что стресс надо снимать, а ничто не снимет его лучше нашего национального напитка, и выставил на стол поллитровку.

Мы с Женькой, переглянувшись, дружно потянулись за стаканами, решив, что с нашим стрессом действительно надо что-то делать, и выпили.

Сашка оказался на редкость милым парнем, утешал нас как мог и просил особо не переживать, потому что машину вряд ли найдут. Это утверждение у меня сомнений не вызвало, и я согласно кивала.

Бутылка опустела, а наш стресс куда-то испарился. Беседа меня увлекла, правда, ее несколько

раз прерывали, в кабинет время от времени кто-то заглядывал, особенно настойчивой была дама с девочкой лет одиннадцати, у которой украли фотоаппарат. Сашка вежливо просил подождать, и наша беседа возобновлялась, но водка все-таки кончилась, и Сашка загрустил.

— Придется работать, — сказал он обреченно и повел нас на первый этаж к дежурному, который долго записывал что-то каллиграфическим почерком в толстом журнале.

За это время Сашка успел уснуть, устроившись на скамейке рядом с мужчиной монгольского типа, на коленях которого стоял большой лоток с разноцветными безделушками. Мужчину задержали на Невском, по-русски он говорил плохо, милиционеры с ним намучились и в конце концов незаметно смылись, а он продолжал сидеть, точно памятник Чингис хану, с прямой спиной, затуманенным взглядом и Сашкиной головой на плече.

Я расписалась, и дежурный сказал, что мы свободны. Женька из вредности спросила, отыщут ли машину, и дядька нараспев ответил:

— Всякое бывает. — И громко кашлянул, косясь на Сашку. Но тому чей-то кашель был как слону дробина.

Мы простились и совсем уже собрались покинуть отделение, успевшее стать родным, но Женька вдруг замерла перед дверью и сказала:

— Надо его в кабинет перетащить. — И я с ней согласилась.

Мы простились и совсем уже собрались покинуть отделение, успевшее стать родным, но Женька вдруг замерла перед дверью и сказала:

— Надо его в кабинет перетащить. — И я с ней согласилась.

Мы вернулись, подхватили Сашку под руки, буркнув Чингисхану «извините», а он в ответ что-то залопотал, должно быть, Сашка ему тоже понравился и он не хотел с ним расставаться. Но мы рассудили иначе и по узкой лестнице потащили Сашку на второй этаж. Возле семнадцатого кабинета народ уже не толпился, лишь настырная дама с ребенком продолжала сидеть у стены, гневно сверкая глазами.

— Он что, пьян? — спросила она, повышая голос.

— Да вы что? — возмутилась Женька. — Парень тяжело ранен, доктора ждем.

— Так он сегодня принимать не будет?

— Вам лучше в четырнадцатый кабинет зайти.

— Там нет никого.

— Тогда в пятнадцатый.

Мы устроили Сашку на диване, вымыли стаканы и стряхнули со стола крошки печенья. Больше родной милиции помочь нам было нечем, и мы покинули отделение с чувством выполненного долга.

На улице вновь накрапывал дождь, переулок, где находилось отделение, узкий, грязный, забитый машинами, выглядел уныло, и я затосковала. Дождь расходился, а зонт остался в

машине, и мы, достигнув первой же подворотни, закурили, глядя на облезлого кота, устроившегося по соседству.

— Ну хоть водки выпили, — заметила Женька-оптимистка.

— Ага, — кивнула я, — с хорошим человеком познакомились. Надо бы его на ключ запереть, вдруг начальство хватится? А ключ оставить дежурному.

— Может, вернемся? — предложила Женька, на мгновение высунувшись из подворотни, но тут же юркнула назад. — Вот черт, что за погода...

— Нормальная питерская погода, — вздохнула я и перешла к насущному: — Ты лучше скажи, что делать?

— А чего тут сделаешь? Дождемся, когда дождь стихнет, и на Московский вокзал.

— А как же моя машина?

— Машина, я думаю, в хороших руках, и беспокоиться о ней дело зряшное.

— Не найдут? — вздохнула я.

— Сашка способен найти только бутылку, и то при условии, что она под столом стоит. Анфиса, отнесись к происшедшему философски, ты же автор детективных произведений, вот тебе сюжет из жизни.

— Барахло жалко, — заметила я, и Женька согласно кивнула:

— Жалко.

Мы присели на корточки и опять закурили, Женька обнаружила в сумке бутерброды, и мы поужинали, угостив кота, который сразу же подобрел и позволил себя погладить.

Дождь шел не переставая, стемнело, мы так успели привыкнуть к подворотне, что покидать ее не хотелось.

— Хорошо хоть документы и бабки в сумке, а ты хотела их в чемодан засунуть, — заметила подруга.

— В чемодане безопаснее, — вяло возразила я, — сумку потерять можно.

— Ага. Ну что, потопали на вокзал? — предложила Женька, поднимаясь. Дождь наконец-то стих, и этим обстоятельством следовало воспользоваться. Не успели мы покинуть подворотню, как услышали знакомый голос:

— Девчонки! — Обернулись и увидели Сашку, который весело шлепал по лужам. — Вы чего здесь, от дождя прячетесь?

— Прячемся. Зонты в машине остались.

— А я свой где-то потерял... Куда намылились? — поинтересовался он.

— На вокзал, конечно.

— Ага... Пожили бы пару деньков, вдруг повезет и тачка отыщется. Остановиться есть где? А то ко мне можно. Тут недалеко, на Короленко, живу в коммуналке, но как-нибудь разместимся.

— Ничего вы не найдете, — неожиданно зло заявила Женька, разглядывая помятую физиономию Сашки.

— В принципе можно, — вяло возразил он, — но это не к нам надо, а к братишкам, однако стоять будет штуку баксов, никак не меньше.

— А где их взять? — рассвирепела Женька, Сашка пожал плечами и миролюбиво предложил:

— Здесь в трех шагах кафешка дешевая, посидим, согреемся и в спокойной обстановке все решим. Поезда на Москву каждые два часа отправляются, так что уехать всегда успеете. Потопали?

— Потопали, — согласно кивнули мы и зашагали по узкому тротуару.

Но нашему намерению культурно провести досуг не суждено было сбыться. Не успели мы пройти и сотню метров, как из-за угла дома вывернул мужчина в ветровке, задел плечом идущего с краю Сашку, извинился и торопливо зашагал прочь. Казалось бы, пустяковый инцидент исчерпал себя на этом, но Сашка вдруг повел себя неадекватно: замер посреди тротуара, морща лоб, обернулся, и мы обернулись вслед за ним. Парень в ветровке к тому моменту испарился, наверное, исчез в ближайшей подворотне. Сашка продолжал стоять на месте, тарача глаза, а мы недоумевали, отчего его так разбирает.

— Вот что, — заявил он, — вы идите, а я вас догоню.

— Куда идти? — не поняла Женька.

— Прямо. Кафешка вон там, вывеску видите? Я мигом. — И Сашка бросился в подворотню, куда, должно быть, свернул парень.

— Ну и что? — спросила Женька, хмуро глядя на меня.

— Откуда я знаю? Может, он в туалет захотел?

— Может, — пожала плечами подружка. — Идем, что ли?

Но вместо того чтобы отправиться в кафе, мы продолжали стоять на месте.

Прошло минут пять, так что, если Сашка покинул нас по нужде, пора ему было бы вернуться. Выходило: либо нужда у него большая, либо вовсе не за тем он в подворотню бросился. А зачем тогда? Мы переглянулись и, резко потрусили в том направлении и через минуту опасливо заглядывали в эту самую подворотню. Ничего особенного. Нормальная подворотня в лучших питерских традициях, мрачная, пахнущая туалетом. Дальше — двор-колодец с еще одной подворотней, скорее всего двор был проходным. В подворотне горела подслеповатая лампочка.

— Сашка, — громко позвала Женька, и он немедленно откликнулся:

— Здесь я. — И вскоре предстал нашим очам, почему-то пошатываясь и держась за голову. То, что Сашку мотало, меня не удивило, и голова у него вполне могла трещать, потому что было с чего, но тут он приблизился, и мы дружно ахнули: из-под Сашкиной ладони на лоб стекал кровавый ручеек.

— Ты башкой, что ли, треснулся? — пролепетала Женька, а Сашка сказал:

— Анфиса, дай мобильник.

Я торопливо протянула телефон, он набрал номер, чертыхнулся, потому что про код забыл, как недавно Женька, и, исправляя свою ошибку, торопливо заговорил:

— Значит, так, девчонки, шагайте на вокзал, потому что лучше вам в это дело не лезть, пользы никакой, а неприятностей может быть сколько угодно.

— Что? — пискнула я, но Сашка в этот момент заговорил по телефону:

— Серега, это Лукьянов, да я, я... Слушай, сегодня ориентировка пришла, этот, как его... из тюрьмы сбежал, рожа его прямо напротив твоего места... ну... так я его сейчас в трех шагах от отделения встретил... Не привиделось, точно он. По башке мне дал, гад. И вовсе нет... да я серьезно. Что ты дурака валяешь, — заорал Сашка, а мы от неожиданности подпрыгнули. — Посылай ребят, пусть район переключат. Как машин нет, была же машина... вот черт... — Сашка сунул мне в руку телефон и потрусил в сторону родного отделения, а мы продолжали хлопать глазами, потом кинулись за ним, но Сашка, обернувшись, махнул свободной рукой и рывкнул: — Уезжайте, вас здесь только не хватало...

Мы замерли как по команде, а потом побежали в другую сторону, и тут точно нагло дождь полил как из ведра, мы добежали до конца улицы и юркнули в очередную подворотню.

— Ты чего-нибудь поняла? — спросила Женька.

— Поняла. У меня машину угнали, — проблеяла я.

— С машиной все ясно, тачка твоя накрылась, а вместе с ней мои шмотки.

— И мои.

— А я что, спорю? Этот тип в ветровке — опасный преступник, сбежал из тюрьмы. Сашка его как-то умудрился узнать и теперь побежал ловить.

— Лучше б он мою машину искал.

— Да послушай ты, дурища, Сашка поступил исключительно благородно, не стал нас во все это дерьмо впутывать.

— Чего нас впутывать, я, кроме ветровки, ничего не видела, да и то не разобрала: то ли серая, то ли синяя... А Сашка твой опохмеляться побежал, — зло ответила я.

— Тоже не грех. Но я сейчас не об этом, Сашка смылся, а беглый каторжник, который ему по башке съездил, где-то здесь бродит.

Точно в ответ на ее слова за нашими спинами раздались шаги, но через мгновение стихли. Мы вцепились в локти друг другу и застучали зубами, вглядываясь в полумрак подворотни. Однако очень скоро я отпустила Женькин локоть. Двор впереди выглядел вполне безопасно.

— Идем, — сказала я решительно. — Двор проходной, выйдем на соседнюю улицу и напрямую к вокзалу. — И зашагала, не дожидаясь Женькиных возражений.

Стук каблучков весело отдавался под сводами, Женька припустилась за мной, и через минуту

мы вошли во двор, где одиноко стояла старенькая «копейка» рядом с деревянным ящиком неизвестного назначения. В этот момент хлопнула дверь подъезда, и оттуда показался молодой человек в кожаной куртке, щелкнул зонтом и направился к «копейке».

— Эй, красивые, вы чего под дождем мокнете? — спросил он.

Парень улыбался и посматривал на нас с интересом, физиономия его выглядела добродушной и очень симпатичной. Ко всему прочему парень был блондин, а Женька с ума сходит по блондинам, оттого она мгновенно превратилась из мокрой курицы в принцессу в изгнании и певуче ответила:

— Мы к вам издалека приехали, а про зонты забыли. В нашем родном городе сегодня двадцать восемь тепла и без осадков.

— Без осадков это здорово, но не про нас. — Он открыл машину и предложил: — Садитесь, подвезу, что ж дорогим гостям понапрасну мокнуть.

Женька бросилась к «Жигулям», и мне ничего не оставалось делать, как последовать ее примеру. Одной ногой я уже была в кабине, когда обратила внимание на деревянный ящик, точнее не на ящик, а на мужской ботинок, который нахально торчал из-за него.

— Там кто-то есть, — вытягивая шею, сказала я.

— Где? — нахмурилась Женька.

— За ящиком.

Парень удивленно поднял брови и переспросил:

— За ящиком?

— Да. Ботинок, мужской.

— Зачем тебе ботинок? — разозлилась Женька, а я не удержалась и рявкнула:

— Понадобился. — И сделала пару шагов в сторону ящика. Парень присоединился ко мне, а вслед за ним и Женька, и вскоре очам нашим предстало довольно странное зрелище: мужчина лет пятидесяти лежал на асфальте между ящиком и стеной дома, руки сложены на груди, голова запрокинута.

— Труп, — ахнула Женька и попятилась, наступая мне на ноги. Я шарахнулась в сторону, готовясь заорать во все горло, а парень проявил чудеса героизма, склонился над женщиной и тут же отпрянул, морща нос:

— Водярой-то как прет, с ума сойти.

— Так он пьяный? — обрадовалась Женька.

— Конечно. Он не из нашего дома, должно быть, приблудился. А может, бомж какой... Ладно, поехали...

— А как же он? — растерялась я.

— Полежит, очухается и домой пойдет. Если у вас есть желание с пьяным нянчиться — пожалуйста, а меня увольте. — Парень занял водительское место, и мы с Женькой торопливо устроились в кабине, он завел машину и покинул двор.

А я принялась мучиться сомнениями: дядька, устроившийся за ящиком, на бомжа никак не походил, одет был в костюм и даже галстук нацепил, хотя, конечно, напиток и в костюме можно. Но за ящиком-то он как оказался? Прятался, что ли? Боялся, что его в вытрезвитель заберут?

Неизвестно, как далеко завели бы меня эти мысли, но тут парень спросил:

— Вам куда, девчонки?

И Женька ответила:

— На Васильевский остров.

— Отлично, нам по пути, — развеселился парень, а я пришла в себя, ткнула Женьку в бок, а потом зашептала:

— Зачем нам на Васильевский? Мы же на вокзал...

— Не дергайся и послушай меня, — жарко задышала Женька мне в ухо: — Менты тачку с барахлишком ни в жизнь не найдут, а Сашка нам умную мысль подал. Мы с тобой к кому ехали? То-то. Старичок у нас непростой, и очень возможно, что пользы от него поболее будет. Соображаешь?

Соображала я не слишком хорошо, но все-таки основную мысль уловила.

— Думаешь, он способен отыскать мою машину?

— Ну, сам-то он вряд ли по дворам рыскать будет, но у дяди его масштаба обычно такие связи...

Желание вернуть свою собственность сыграло со мной злую шутку, я в очередной раз поддалась Женькиным уговорам, и из этого получилось такое... Впрочем, не буду забегать вперед...

В тот момент я зябко ежилась на заднем сиденье «копейки», тосковала о родном железе и втайне лелеяла надежду его вернуть, искренне веря, что все самое скверное со мной уже случилось, даже не подозревая, что очень скоро питерские приключения покажутся мне сущей ерундой.

Мы миновали мост, проехали метров сто, и тут нам пришлось притормозить: впереди стояла милицейская машина, рядом с ней сотрудник ГИБДД под морозящим дождем выполнял свой долг, как он его себе представлял. Наш водитель распахнул дверцу, протянул инспектору бумаги. Тот взглянул и заявил:

— Чего это у тебя доверенность какая?

— Какая? Нормальная доверенность, от руки написана.

— Не по форме.

— Да ладно придирааться, документы в порядке. Я тороплюсь, девчонок отвезти надо...

— Вот чертовы вымогатели, — прошипела Женька, зло глядя на инспектора. — Нет бы тачку твою искали.

И тут меня точно черт толкнул под локоть, я выпорхнула из машины и начала приставать к инспектору:

— Вы «Фольксваген» ищете, красный? Его сегодня угнали от Русского музея.

— Мы все ищем, и «Фольксваген», и джип, и еще три десятка тачек. За своим добром смотреть надо, а не оставлять где ни попадя. — Он вернул парню бумаги и отвернулся.

Женька, видя такую наглость, не замедлила присоединиться ко мне и высказала наболевшее. Инспектор, флегматично глядя по сторонам, молча ее выслушал и заявил:

— Вот я и говорю, смотреть надо за своим добром.

— Это как же смотреть? — взвизгнула Женька, а наш водитель сказал:

— Поехали, девчонки.

— Поезжай, мы уже прибыли, — отмахнулась подружка.

— Да отстань ты от него, — опять влез водитель. — Что он тебе, тачку из кармана вынет?

— Да они ее даже не ищут. Вон «Фольксваген» едет, красный, чего не тормозишь?

— Ты мне дотыкаешься, я тебя в отделение отправлю, — расвирепел инспектор. Наш водитель чертыхнулся и уехал, что показалось мне весьма разумным. Слово «отделение» произвело на меня впечатление, и я потянула Женьку за руку. Она извлекла из сумки свое журналистское удостоверение, и мне пришлось возвысить голос:

— Да угомонись ты. В конце концов, это моя машина.

Она продолжала возмущаться, я ускорила шаги, и мы успели отойти на значительное расстояние от милицейской машины, когда Женька вдруг замерла, огляделась и заявила:

— Нам в другую сторону.

— Ты думаешь, нас все еще ждут? — глядя на часы, спросила я.

— Думаю. Дядька обязательный, должен ждать. Тем более что ждать не ему, а шоферу, а он душа подневольная... Ну-ка глянь, как тебе тачка?

Я посмотрела в ту сторону, куда Женька тыкала пальцем, и увидела темный «БМВ», сиротливо стоявший возле тротуара.

— Сдается мне, это за нами, — удовлетворенно заявила Женька и ускорила шаг.

Окно «БМВ» было слегка приоткрыто, и я увидела за рулем мужчину средних лет, который то ли дремал, то ли просто сидел с закрытыми глазами. Подойдя вплотную, Женька легонько стукнула по стеклу, мужчина вздрогнул, посмотрел на нас без особой приязни, но через мгновение выражение его лица изменилось.

— Вы Евгения Петровна? — спросил он.

— Точно, — кивнула Женька. — А это Анфиса. А вас как величать?

— Валера. — Он поспешно вышел из машины, огляделся и спросил: — А машина ваша где?

— Машину угнали, — сообщила Женька и поведала ему нашу печальную историю. Валера сокрушенно покивал головой, сказал несколько «добрых» слов в адрес милиции и торопливо распахнул заднюю дверь.

— Садитесь, пожалуйста. Я, честно говоря, начал беспокоиться. Уже и Льву Николаевичу звонил, он велел до утра ждать, говорит, если б вы ехать передумали, то ему бы сообщили, значит, что-то в дороге стряслось. Надо же, такая незадача... Вы устраивайтесь, а я Льву Николаевичу позвоню, сообщу, что вы прибыли... Ну и о машине вашей.

Он извлек из кармана трубку и стал звонить, поинтересовался маркой моей машины, цветом и номером, после чего порадовал:

— Лев Николаевич заставит их шевелиться.

Я вздохнула и уставилась в окно, а Женька продолжала разговор с Валерой.

Между тем он завел машину, и мы тронулись с места, развернулись и поехали в северном направлении, хотя, может, и не совсем северном, как я уже говорила, в географии я не сильна. Мелькнул указатель на Выборг, но мы поехали прямо, я согрелась и начала дремать.

— Может, заедем в ресторан, поужинаем? — предложил Валера, точно что-то вспомнив.

— Нет, спасибо, — дружно замотали мы головами — покидать машину нам не хотелось. Женька положила голову мне на плечо и вскоре засопела, я дважды зевнула, устроилась поудобнее и не помню, как заснула.

Проснулась я от того, что машина больше никуда не ехала. Я открыла глаза, пытаюсь сообразить, что происходит. Женька дрыхнет рядышком, Валера отсутствует. Я осторожно открыла дверь и выглянула. Было раннее утро. Впереди, возле деревянного причала, опершись рукой о перила, стоял наш шофер и курил. Я осторожно вышла на мокрую от росы траву и огляделась. По земле стелился туман, сквозь него проступали силуэты огромных сосен, где-то совсем рядом вскрикнула птица, ей ответила другая. Валера обернулся и сказал, заметив меня:

— Красотища-то, а? Не хотел вас будить раньше времени, катер сейчас придет.

Я встала рядом с ним, сквозь разрывы в тумане передо мной мелькала ровная гладь воды, я поежилась от утренней прохлады и начала улыбаться.

— Красота, — нараспев сказала Женька, бесшумно приблизившись сзади, и мы на некоторое время замолчали.

Слева из-за горизонта поднималось солнце, туман стелился по земле, постепенно исчезая, — зрелище было поистине фантастическое.

— А вот и катер, — сказал Валера. Мы прислушались и в самом деле уловили характерный шум.

Вскоре в поле нашего зрения появился катер весьма внушительных размеров и, немного поманеврировав, пристал к берегу. На пристань полетел толстенный канат. Валера подхватил

его, а потом сказал нам:

Вскоре в поле нашего зрения появился катер весьма внушительных размеров и, немного поманеврировав, пристал к берегу. На пристань полетел толстенный канат. Валера подхватил его, а потом сказал нам:

— Я принесу ваши сумки и отгоню машину на стоянку, это недалеко.

На пристани появился пожилой мужчина со шкиперской бородкой, в белой фуражке и кожаной куртке и весело нас приветствовал:

— Добро пожаловать.

Мы с Женькой улыбнулись в ответ и с его помощью перебрались на борт катера. Вскоре появился Валера. Проходить в каюту мы не стали, устроились на палубе, катер качнуло, и мы плавно отошли от берега.

— Фантастика, — пробормотала Женька, и я с ней согласилась.

Туман отступил, и теперь окружающий нас мир предстал во всей красе: сосны, гигантские валуны у самого берега, солнце, огромное, красное, но главное, конечно, озеро, оно казалось бескрайним, только впереди смутно вырисовывалась цепочка островов. Туда мы и направились.

Путешествие не заняло много времени, вскоре мы причалили к каменистому берегу. В трех шагах от воды начинался лес. Я пошарила вокруг глазами, но никакого человеческого жилья не обнаружила.

Валера повел нас по тропинке, посыпанной гравием. Мы вошли в лес, который в этот час выглядел мрачно и даже зловеще. Минут через пять мы свернули, тропинка сделалась значительно шире, впереди появился просвет, мы достигли его, и очам моим предстало поистине невероятное зрелище.

На совершенно открытом пространстве, где не росло ни единого деревца, на высоком берегу возвышался замок: башня, каменные стены, ворота и даже мост на массивных цепях. Приблизившись, я сообразила, что мост перекинут через самый настоящий ров, отделяющий островок, на котором возвышался замок, от острова, где в настоящий момент находились мы. В целом замок выглядел удивительно нелепо, русский Север — и вдруг это сооружение, точно иллюстрация к учебнику истории Средних веков.

— Это что ж такое? — не выдержала Женька, морща лоб.

— Это точная копия какого-то замка во Франции, — гордо сообщил Валера, шедший позади нас. — И подвалы, и ров, даже пыточная есть, правда, пустая.

— А жаль, — глядя на него, с сомнением заявила подружка. — Парочка узников смотрелась бы здесь весьма кстати. — Женька перевела взгляд на меня и поежилась.

Я как-то сразу уловила ход ее мыслей и подумала: а не смыться ли нам отсюда, пока катер все еще стоит у причала? Но тут же устыдилась: построил какой-то чудаке средневековый замок, обнес его рвом, точно крепость, ну и что? Может, у него деньги бешеные или чес во всем теле, а может, он обожает рыцарские романы. Лично мне до этого никакого дела. Вот если б дядька нашел мой «Фольксваген»... Для человека с такими бабками это — плевое дело.

В общем, мы не бросились бегом на катер, а не спеша приблизились к мосту. Он был опущен (выходит, нападения врагов не ждали), а кованая решетка поднята, правда, не до конца, нам пришлось нагнуться, пролезая под ней. Мы оказались во дворе, вымощенном булыжником, в центре его возвышалась шестиугольная башня высотой в три этажа, слева виднелся колодец, журавль с деревянной бадьей на конце тихо поскрипывал, с обеих сторон вдоль крепостных стен шла галерея с резными перилами. Однако общий вид замка не производил тягостного впечатления: вдоль галереи в огромных ящиках цвели бархатцы и прочие растения, названия которых я не могла припомнить, к башне вела дорожка, выложенная мрамором, вдоль которой стояли горшки с цветущей геранью, окна башни были большими, с тюлевыми занавесками, а входная дверь наполовину застеклена, так что двор выглядел симпатичным и даже уютным. Это давало надежду, что, несмотря на увлечение хозяина Средневековьем, цивилизация здесь все же присутствует и поутру мне не придется выплескивать свой ночной горшок на чью-то голову.

Валера, опередив нас, позвонил в дверь, и она почти сразу же открылась. На пороге стояла женщина лет семидесяти, с совершенно седыми волосами, рослая, крепкая, в белом кружевном переднике и таким выражением лица, что мы с Женькой поежились, а Валера сказал, точно оправдываясь:

— Олимпиада Назаровна, это Женя и Анфиса, гости Льва Николаевича. Их ждали вечером, но у них машину угнали, такая вот незадача...

— Проходите, — кивнула женщина без всякого намека на любезность и повела нас через огромный холл. Валера незамедлительно исчез, а мы вошли в светлую теплую комнату, нечто среднее между кухней и столовой. — Есть будете? — спросила старушенция, а мы дружно ответили:

— Нет, спасибо.

— Как знаете. Завтрак у нас в десять, комнаты для вас готовы, располагайтесь, сейчас вас проводят. — И зычно крикнула: — Наташка! — Немедленно на ее зов явилась девушка лет семнадцати, заспанная и почему-то испуганная. Впрочем, у старухи был такой вид, неудивительно, что люди от нее шарахаются как черт от ладана. — Проводи гостей, — кивнула она. Девушка робко улыбнулась и повела нас анфиладой комнат к лестнице на второй этаж.

Как только старуха осталась где-то позади, девушка почувствовала себя гораздо увереннее. Улыбнулась шире и заговорщицки шепнула:

— У вас комнаты очень хорошие, окна в сад выходят, и озеро видно. А вы правда детективы пишете?

— Это она пишет, — кивнула на меня Женька, — а я все больше статьи в газетке.

— Здорово. Это, наверное, так интересно. А я хотела актрисой стать, но мама болеет, ее одну не оставишь, папаша у нас запойный... Подожду до следующего года, может, повезет?

— Конечно, повезет.

— Правда? — обрадовалась девушка, точно ее уже приняла.

По узкой лестнице мы поднялись на третий этаж. Стены, сложенные из камня, не оштукатурены, в коридоре виднелось несколько дверей. Одну из них Наташа распахнула и сказала:

— Это ваша комната, а ваша — следующая.

Я вошла и огляделась. Комната небольшая, но мне она сразу понравилась. Широкая постель под балдахином, туалетный столик, секретер, холодильник, замаскированный под тумбочку, телевизор на подставке, встроенные шкафы (тут я сразу вспомнила о двух потерянных чемоданах и тяжело вздохнула), стены обтянуты гобеленом с цветочным рисунком, на полу ковер.

Напротив шкафов находилась дверь, за ней я обнаружила ванную комнату и туалет. В общем, о достижениях цивилизации я тосковала зря, далеко не каждая гостиница могла похвастать такими первоклассными номерами.

Из любопытства заглянув в холодильник, я увидела кисти винограда, три огромных персика, груши, два пакета сока и бутылку минералки. Я завалилась на постель и с удовольствием съела персик, после чего пошла в ванную. Вернувшись оттуда, я обнаружила на своей постели Женьку в белом купальном халате, она доедала виноград, дрыгала ногой и довольно ухмылялась. Я, точно в таком же халате (он висел в ванной), устроилась рядом, и Женька спросила:

— Ну, что скажешь?

— Машину жалко.

— Отвлекись от машины. Я про старичка говорю.

— Он чокнутый. — Само собой. Но каков сервис! В Анапе, отдыхая на профсоюзные деньги, я такого не видела. Это нам компенсация за трагическую утрату.

— Лучше б он машину нашел.

— Может, и найдет. Лично я склонна наслаждаться жизнью по полной программе.

— Как ты думаешь, здесь купаться можно? — подойдя к окну, спросила я, глядя на озеро.

— Конечно.

— Вода, наверное, холодная.

— Ну, это узнать не проблема. Ты сад видела?

— Видела, — кивнула я и перевела взгляд на этот самый сад. Со стороны центрального входа сад не просматривался, он был разбит как раз за башней, зато отсюда вид на него открывался прекрасный.

— До десяти еще уйма времени, — не унималась Женька, — может, прогуляемся?

— Пожалуй, я немного отдохну, — подумав, ответила я и выпроводила подругу.

Вторично в это утро мы встретились в 9.45, когда Женька вновь появилась в моей комнате.

— Ты готова? — спросила она, а я поморщилась:

— Еще бы...

— Да, нищему собраться, только подпоясаться. Не горюй...

— Отвяжись, — не выдержала я. Мы дружно вздохнули, а я покосилась на тумбочку, где лежал сотовый.

— Хочешь Ромке своему позвонить? — насторожилась Женька.

— Хочу, — хмуро ответила я, прикидывая, каким образом сообщить новость Роману Андреевичу так, чтобы он мне сочувствовал, а не орал по обыкновению, что путешествовать надо с любимым мужем, а не с шальными подругами.

— Может, пока подождать ставить его в известность? — переминаясь с ноги на ногу, начала канючить подружка. — Ведь дураку ясно, все шишки будут мои, а с машиной... вдруг повезет и ее найдут, а? — Вид у Женьки был чрезвычайно жалостливый, к тому же я тоже не торопилась получать нагоняй, оттого с готовностью согласилась с ней.

Дозвониться до мужа оказалось делом непростым. К тому моменту, когда наконец-то услышала его голос, я успела здорово разозлиться и уж точно не желала получать нагоняй, скорее я была склонна во всех несчастьях обвинить Ромку, тем более, если разобраться, он и был во всем виноват. Если б не его дурацкая работа, его бы не отправили в Моздок, я бы не поехала с Женькой, и у меня бы не угнали машину, но муженек, как всегда, спутал все карты, потому что с места в карьер заявил:

— Детка, не переживай, я куплю тебе новую машину. Твой «Фольксваген» уже ни к черту не годился. Слышишь, солнышко?

— Ты уже знаешь? — ахнула я.

— Разумеется, раз ты звонила в нашу ментовку. У нас везде свои люди.

— А в Питере?

— И в Питере кого-нибудь подключим. Главное, не переживай.

— Как же я могу не переживать, если вместе с машиной украли два чемодана моих вещей, — возмутилась я.

— Это хороший повод обновить твой гардероб. Ну что, все в порядке?

Я подумала и ответила:

— Я скучаю. — И на всякий случай заревела.

Ромка разволновался и торопливо стал меня утешать, я кивала и время от времени всхлипывала, а подружка строила мне рожи, потом ткнула пальцем в часы, тем самым давая понять, что разговор пора заканчивать. Мы тепло простились с мужем, а Женька сказала:

— В приличном доме к завтраку не опаздывают. — И мы торопливо покинули комнату, спустились на первый этаж и где-то впереди услышали приглушенные голоса. — Помнишь, где столовая? — спросила подружка.

— Смутно, — честно созналась я, и тут взгляд мой задержался на приоткрытой двери. В просторной комнате завтракали трое молодых людей весьма характерной внешности. Я

схватила подружку за руку, та равнодушно пожала плечами. Парни проводили нас тяжелыми взглядами, а Женька зашептала на ухо:

— Это охрана.

— А то я такая дура, что сама не поняла, — огрызнулась я.

— Дядька богатенький, в таком доме и без охраны, это ж куда не годится.

Массивная дверь перед нами распахнулась сама собой, и мы оказались в столовой, отделанной дубовыми панелями. Массивный стол, буфеты, тяжелые кресла, обитые кожей, — я с удивлением огляделась, пытаюсь сообразить, где могла видеть все это раньше, но тут взгляд мой остановился на хозяине дома, и я на время забыла обо всем, потому что первым моим чувством было удивление.

Женька называла Льва Николаевича старичком, но во главе стола сидел мужчина, назвать которого так было трудно даже в шутку. Высокий, худой, с узким лицом, тонким носом с горбинкой и бледными губами, он очень походил на благородного рыцаря, какими их обычно рисуют в книжках. Не хватало только бородки и усов, курчавые волосы были зачесаны назад и волнами спадали на плечи, густые брови сходились у переносицы, а темные глаза смотрели весело и чуть насмешливо. «Это не он», — решила я, потому что мужчине могло быть лет пятьдесят, не более. В этот момент он поднялся из-за стола и направился к нам, расцветая улыбкой.

— Евгения Петровна, — тихим и почему-то старческим голосом зашелестел он. — Счастлив видеть вас в своем доме. Чрезвычайно, чрезвычайно рад и признателен. А это, надо полагать, Анфиса Львовна? — обратил он свой взор на меня. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то... черт его знает, что там мелькнуло, но дядька мне сразу не понравился, так же как его манеры, сюсюкающий голос и красочная седина в роскошных волосах. Я с трудом выжала из себя улыбку, а этот тип с замашками иезуита сграбастал мою ладонь и, посверкивая глазками, заявил:

— Позвольте ручку. Счастлив познакомиться. Читал ваши книги и являюсь вашим искренним поклонником. Надеюсь, вы сможете не только хорошо отдохнуть в моем доме, лелею надежду, что пребывание здесь натолкнет вас на создание очередного шедевра. Знаете, что-нибудь в готическом духе. Старинный замок, привидения...

— Я пишу детективы, — выжала я очередную улыбку. — Привидения — это не совсем то, что мне надо. Вот если бы убийство...

— О, для такой красивой женщины все что угодно, — противно хмыкнул он и посмотрел на мужчин, сидящих за столом, точно намечал жертву. Те дружно хохотнули и уставились на меня, а я с беспокойством подумала, что, очень возможно, мне как раз и отводят роль этой самой жертвы.

Лев Николаевич взял нас с Женькой под руки и повел к столу.

— Хочу познакомить вас со своими друзьями. Мстислав Наумович Краковский, адвокат и мой поверенный, Олег Меньшиков, партнер по бизнесу, а... — тут вышла небольшая заминка, — мой большой друг Руслан Вавилов. А это... Впрочем, я вам уже рассказывал, друзья мои, Евгения, журналист, возможно, вскоре будет моей помощницей, Анфиса, писательница, и при этом обе красивые женщины. — Лев Николаевич джентльменски подвинул стул мне, а адвокат вскочил и принялся ухаживать за Женькой. Появилась Наташа в белом переднике и

кокетливой косынке, она толкала перед собой столик на колесиках. Лев Николаевич перекрестился на пустой угол и изрек: — Отведайте что бог послал.

Господь был чрезвычайно щедр ко Льву Николаевичу. Поразмыслив немного, я пришла к выводу, что икорка, ананасы и форель появились здесь как-то в обход господу, потому что такому типу, как наш хозяин, и лопух-то послать жалко, в этом месте я испуганно подумала: «Пути господни неисповедимы» — и принялась исподтишка разглядывать гостей.

Этому очень способствовал тот факт, что Женька с хозяином трещали без умолку, и мне можно было ограничиться улыбкой и в разговоре не участвовать. За столом я оказалась между хозяином и адвокатом, оттого и обратила свой взор на него. На вид ему было лет сорок, тщедушный, с реденькими рыжеватыми волосами, которые он зачесывал на лоб. Очки в тяжелой оправе, глазки казались крохотными, а взгляд метался, точно Мстислав Наумович ежесекундно ожидал нападения. Одет он был в клетчатый пиджак и белую рубашку с галстуком. В целом выглядел классическим неудачником.

По левую руку от него восседала Женька, блистая улыбками и остроумием, далее располагался партнер по бизнесу, парень лет тридцати, улыбчивый, с приятным лицом и смеющимися глазами. В разговоре, как и я, почти не участвовал, на Женьку же смотрел с заметным интересом. Одет был в легкий свитер, на плечи накинут джемпер, рукава его стянуты узлом на груди, в общем, вид он имел приятный и демократичный.

Следующим шел тип по имени Руслан — большой друг, как охарактеризовал его Лев Николаевич. Вот уж кого бы мне не хотелось иметь в друзьях. Тяжелый взгляд исподлобья, плоская физиономия без выражения, верхняя губа вздернута, точно он демонстрировал клыки, зубы у него в самом деле были крупные, ровные и неправдоподобно белые. Темные волосы зачесаны назад, на левой руке под часами я заметила татуировку, но, что там конкретно было изображено, разобрать мне не удалось. Одет он был в темный костюм и пеструю рубашку, такое сочетание могло бы вызвать недоумение, но на нем смотрелось вполне органично. Я мысленно заострила ему уши, увеличила клыки и пришла к выводу, что он похож на упыря. Тут я сообразила, что Руслан занят тем же, то есть я не знаю, что он мне там заострял и увеличивал, но пристально наблюдал за мной почти наверняка.

Он повернулся ко мне, взглянул исподлобья, и наши взгляды встретились, хотя я этого очень не хотела, и правильно не хотела: его взгляд вызывал в душе оторопь. Я поспешно отвела глаза в сторону, надеясь, что то же самое сделает и он, но этот тип продолжал пялиться на меня и при этом отвратительно ухмылялся.

В общем, очень скоро я пришла к выводу, что вряд ли надолго задержусь в этом доме.

Руслан продолжал меня разглядывать и паршиво ухмыляться до конца завтрака. Я не выдержала и сказала:

— Если хотите, я подарю вам свою фотографию.

Он громко засмеялся, и остальная публика его поддержала, хотя я ничего смешного во всем этом не видела.

После завтрака мы с Женькой вышли в сад. Я здорово нервничала и обратила свой гнев на Женьку, хотя и понимала, что это несправедливо.

— Что здесь за публика? Этот Руслан, какого черта он так смотрит, точно...

— Точно уже запустил лапу тебе под подол, — закончила она, а я закатила глаза, возмущаясь Женькиной формулировкой, хоть и была с ней в принципе согласна. — Парень мутный, — продолжила Женька, — и, по-моему, опасный. Ты с ним поаккуратнее, держись на расстоянии, но не конфликтуй.

— Да иди ты к черту, — рявкнула я, мы дружно огляделись, и я понизила голос: — Я здесь ни на минуту не останусь, если...

— Ты вот что, — перешла на шепот Женька, — про свой мобильник помалкивай. Мало ли...

Я открыла рот с намерением дать Женьке хороший нагоняй, но тут же испуганно прикусила язык.

— Ты думаешь...

— Ничего я не думаю, — поморщилась она, — просто... береженого бог бережет, как говорится.

— А почему ты Льва Николаевича старичком звала? — додумалась спросить я. — Он же совсем не старый.

— Уж больно сладкий и все присюсюкивает... Одним словом, ловелас на пенсии. Кстати, так оно и есть.

— Что есть? — не сразу дошло до меня.

— То и есть. На пенсии дядька... В смысле секса отдыхает.

— А ты откуда знаешь? — насторожилась я.

Женька хмыкнула и взглянула на меня как на дитя несмышленное:

— От верблюда. В Анапе был грех, прельстилась благородной сединой, а в основном, конечно, бабками. Дама я свободная, а на жизнь всегда не хватает.

— Что ты мне про свою жизнь рассказываешь? — рявкнула я и опять перешла на шепот: — Ты можешь объяснить все по-людски?

Женька хмыкнула и взглянула на меня как на дитя несмышленное:

— От верблюда. В Анапе был грех, прельстилась благородной сединой, а в основном, конечно, бабками. Дама я свободная, а на жизнь всегда не хватает.

— Что ты мне про свою жизнь рассказываешь? — рявкнула я и опять перешла на шепот: — Ты можешь объяснить все по-людски?

— Ты, Анфиса, дура совсем. Чего тут непонятного? Напросилась я к дяде в гости, и все шло так славненько, и дядьке очень хотелось, и я была не прочь, но ничего из этого не вышло. Теперь дошло?

— Нет, — честно ответила я. — Почему не вышло, раз хотелось и...

— Анфиса, ты меня в гроб сведешь... Не все такие умельцы, как твой Роман Андреевич, воспитанный пионерской организацией.

— При чем здесь Роман Андреевич? — обиделась я.

— Роман Андреевич ни при чем, — согласилась Женька. — Короче, я вовремя сообразила, что у дяди проблемы, и смогла с честью выйти из весьма дерьмовой ситуации. Его честь при этом тоже не пострадала, так что я просто обязана получить денежную компенсацию от этого извращенца.

— Почему извращенца? — еще больше испугалась я. — Ты мне ничего не говорила...

— Не паникуй, это я так, для красного словца. Короче, мобильник таскай с собой, но незаметно. А я пошла с нашим хозяином общаться, мы решили поработать до обеда.

— А мне что делать?

— Погуляй, развейся.

— Женя, может, нам лучше уехать? — робко спросила я. — Не нравится мне здесь. Хозяин извращенец, Руслан этот...

— И общая атмосфера, — согласно кивнула Женька. — Хотя Мстислав, по-моему, безобидный, а Олег просто душка. Кстати, как тебе столовая?

— Столовая? — удивилась я. — Тут весь дом ни на что не похож.

— Точно. Только негрятят не хватает.

— Каких негрятят? — разозлилась я, потому что терпеть не могла, когда Женька начинает говорить загадками.

— Обыкновенных, — пожала она плечами и вдохновенно продекламировала: — Десять негрятят пошли купаться в море, десять негрятят резвились на просторе... Напрягись, Анфиса, это же классика.

— Ты имеешь в виду Агату Кристи? — ахнула я.

— Конечно. Обрати внимание на декорации: остров, дом-замок, чокнутый хозяин, подозрительные гости, домработница-Салтычиха и мы с тобой: журналист и писатель-детективщик.

— Неужто ты думаешь, что все это подстроено? — усомнилась я, а Женька тут же вцепилась, точно клещ:

— Что подстроено?

— Декорация, — не сразу смогла ответить я.

— Откуда ж мне знать, я персонаж, а не автор. Но что-то подсказывает мне, что труп не замедлит появиться.

Я обхватила себя руками за плечи, охнула и только тогда обратила внимание на Женькину физиономию: она еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Мне очень захотелось влить ей хорошую затрещину.

— Ну ты и свинья, — возмутилась я, а Женька миролюбиво похлопала меня по спине.

— Ладно тебе, Анфиса. Шуток не понимаешь? Отдыхай, здесь отличный сервис, на пляж сходи. А я малость поработаю, глядишь, к зиме тачку куплю.

Я в досаде махнула рукой и спешно покинула сад.

Оказавшись в своей комнате, я с тоской огляделась, сообразив, что, пока Женька работает, мне совершенно нечем занять себя. Я попробовала посмотреть телевизор, однако очень скоро оставила эту затею, в комнату заглядывало солнышко, день выдался чудесный, и торчать в такую погоду перед телевизором было верхом глупости.

Я вздохнула, вспомнив, что купальник отчалил в неизвестном направлении вместе с двумя чемоданами, и зло подумала: что, интересно, Женька имела в виду, предлагая мне отправиться на пляж? Я пошарила глазами в поисках какой-нибудь книги, но таковой не обнаружила, тут же утешив себя, что в родовом замке библиотека все же должна иметь место. Возьму книжку, устроюсь где-нибудь в тенечке...

С этой благой мыслью я выпорхнула из комнаты, длинным коридором прошла к лестнице и здесь громко кашлянула, надеясь, что меня кто-нибудь услышит и подскажет, где эта самая библиотека находится. Ничуть не бывало. Я спустилась этажом ниже и вновь покашляла с тем же успехом, почему-то на цыпочках прошла метров десять и услышала приглушенные голоса, один принадлежал Женьке, и она в настоящий момент весело спросила:

— И как же вы вышли из этой ситуации?

— Женечка... — Я замерла под дверью, стараясь разобрать, что там бормочет Лев Николаевич, и тут же отпрянула в сторону: хороша я буду, если кто-нибудь застанет меня за таким неблагоприятным занятием, тем более что о содержании беседы я вполне могу узнать у Женьки.

Второй этаж выглядел нежилым, и я спустилась вниз. Столовая пустовала. Я на всякий случай заглянула туда, поймав себя на мысли, что высматриваю фигурки негрят. Разумеется, ничего похожего здесь не было. Заслышав шум из кухни, я направилась туда. В конце концов, указать мне, где находится библиотека, может и грозная Олимпиада Назаровна.

Не успела я достигнуть вожделенной двери, как замерла в испуге. Дверь была приоткрыта, сначала я услышала грозный рык домоправительницы.

— Тебе сколько раз говорить: не смей по дому шастать, знай свое место, дура, — рявкнула она. Раздались звуки ударов, сквозь приоткрытую дверь я увидела, как чертова мегера хлещет полотенцем Наташу, которая закрывала лицо руками и жалобно всхлипывала.

Дверь распахнулась, а я едва успела спрятаться за массивным буфетом, Наташа скрылась за дверью напротив, а Олимпиада сказала в сердцах:

— Ничему дуру не научишь. — И захлопнула дверь.

Я с трудом справилась с волнением и на цыпочках покинула свое убежище. Обращаться к Олимпиаде с вопросами мне мгновенно расхотелось. Я подумала, что стоило бы разыскать Наташу и успокоить ее, а еще лучше уговорить бросить этот дом к чертям собачьим и искать счастье в другом месте. Потом вспомнила, что она рассказывала о больной матери, и скисла. Хорошо мне советы давать. Но позволять себя бить...

Пылая праведным гневом, я непонятно как оказалась в очередном коридоре, который делал здесь поворот, примерно в этом месте я заметила Мстислава, он торопливо свернул, я хотела

его окликнуть, вспомнив о библиотеке, но тут у него зазвонил мобильный, а я прибавила шагу и в тот самый момент, когда готовилась свернуть вслед за ним, услышала, как он сказал:

— Ты что, с ума сошел?

Я опять-таки замерла на месте, ибо в голосе Мстислава Наумовича слышался не страх даже, а животный ужас. Я осторожно выглянула из-за угла и увидела, что он стоит в нескольких шагах от меня, привалившись плечом к стене.

— Хорошо, — перешел он на трагический шепот. — Перезвони мне через полчаса. — Дал отбой, буквально размазываясь по стене, глаза его были закрыты, лицо сделалось бледным до зелени, губы дрожали. Он провел по лицу ладонью и нервно забормотал: — Боже мой, боже мой... — После чего бросился бежать по коридору, а я припустилась за ним, скорее всего с перепугу.

Через стеклянную дверь он вышел в сад, быстро огляделся и направился к стене, скрытой за деревьями. То, что там стена, я знала, так как видела ее в окно своей комнаты. Стена в лучших традициях рыцарских замков возвышалась на крутом берегу прямо над озером, и мне вдруг пришла в голову нелепая мысль, что Мстислав решил утопиться, хотя, как он собирается взобраться на стену, оставалось загадкой, но все оказалось проще: в стене имелась калитка, и никем не замеченный (должно быть, именно на это он рассчитывал) Мстислав Наумович покинул замок.

Выждав несколько минут (все это время я пряталась за деревьями), я шмыгнула к калитке, открыла ее и... замерла в третий раз за полчаса. Далеко внизу под солнцем сияла ровная гладь озера, берег был так крут, что я ошалело подумала: «Мстислав утопился», но тут заметила тропинку, она петляла вдоль стены, уходя вправо. Идти по ней, с моей точки зрения, было все равно что идти по карнизу, но Мстислав уверенно двигался по ней, спускаясь к озеру. Я прошла пару метров и вернулась, рассудив, что он, во-первых, должно быть, долго тренировался, оттого и вышагивает как ни в чем не бывало, а я смертельно боюсь высоты, во-вторых, если замок стоит на островке, покинуть его Мстислав может только через мост, так что я спокойно дождусь его там.

В общем, я закрыла калитку и бросилась бегом, искренне надеясь, что никто не увидит меня в многочисленные окна и не примет за сумасшедшую. Я выскочила из сада, придала себе беспечный вид и степенно направилась к мосту, рассудив, что Мстиславу потребуется время, чтобы обогнуть замок. До моста оставалось всего несколько метров, когда навстречу мне выскочил пятнистый дог (кажется, их называют далматинцами). Я взвизгнула и зажмурилась, ожидая самого худшего: меня разорвут в клочья, а в этом чертовом доме моих воплей даже не услышат.

— Не бойтесь, — раздалось совсем рядом, и, не веря в свое счастье, я робко приоткрыла один глаз. Пес, сидя в трех шагах, с любопытством поглядывал на меня, склонив умную морду набок, рядом с ним стоял «партнер по бизнесу» Олег Меньшиков и ласково мне улыбался. — Ник у нас совершенно безобиден, я бы даже сказал добрейший пес. Дружит с котами и очень любит наблюдать за бабочками. — Олег потрепал собаку по загривку и предложил: — Вы его погладьте, и он сразу же с вами подружится. Ник, это Анфиса, правда, она красивая?

Я робко приблизилась. Олег взял мою ладонь и коснулся ею головы пса.

— Так ты не кусаешься, — обрадовалась я и осторожно его погладила.

— Он сама доброта, ему нужно было родиться дворнягой.

— Дворняги тоже бывают злющими, — поддержала я разговор, поглядывая на мост. Мстислав там еще не появился.

— Решили прогуляться? — спросил Олег.

— Да...

— Здесь красивейшие места. Кстати, тропинка слева ведет на пляж, Лев вбухал в него кучу денег, и получилось не хуже, чем в Сочи. У богатых людей свои причуды, — точно извиняясь, заметил он. — Хотите, буду вашим гидом, — с улыбкой предложил Олег, а я растерянно моргнула: вот черт, как некстати.

— Видите ли...

— Понял. Вы хотите прогуляться в одиночестве, обдумываете сюжет?

— Да. Знаете, при ходьбе лучше думается.

— Конечно-конечно. Не смею вам мешать. Обед у нас в три. Увидимся.

— Да. Спасибо, — выдав клоунскую улыбку, пробормотала я и наконец-то покинула дурацкий замок. Мстислав не появлялся, я уже вошла в лес, а его так и не увидела. Выходит, я ошибалась, и мост отнюдь не единственный путь из дома. Я вернулась и прогулочным шагом отправилась вдоль стены, вскоре сообразив, где переправился Мстислав. Берег здесь постепенно снижался, а ров превратился в мелкий ручеек, с веселым журчанием бегущий к озеру. Перейти его вброд, прыгая по внушительного размера камням, не составляло труда.

Оглядевшись, я попыталась решить, в какую сторону направился адвокат. Либо к озеру, либо углубился в лес. Второе более вероятно, если он желал остаться незамеченным.

Отыскав тропинку, я стала подниматься к лесу, подъем был легким и не занял много времени. Здесь тропинка расширялась, больше напоминая лесную дорогу, а уже через несколько метров расходилась в трех направлениях, поставив меня перед выбором: какую тропу следует предпочесть? Недолго думая, я свернула направо и через пять минут вновь оказалась на берегу озера. В этом месте берег был довольно пологим. Я подошла к самой воде, оглядываясь, но Мстислава так и не обнаружила, пришлось возвращаться.

Теперь я свернула налево и очень скоро между деревьями мелькнул клетчатый пиджак. Опасливо приблизившись, я увидела Мстислава, облаченного в этот самый пиджак, он вышагивал по небольшой поляне и нервно бормотал:

— Боже мой... — Похоже, он ничего не видел вокруг. Я этому очень порадовалась, потому что обнаружить меня было парой пустяков.

Привалившись к шершавому стволу, я размышляла, что делать: попробовать незаметно приблизиться или идти к нему как ни в чем не бывало, вроде бы я прогуливаюсь, заметила его и... Кончилось тем, что я повалилась в траву и устремилась на четвереньках к полянке, злясь на себя, что произвожу так много шума, и одновременно пытаюсь понять, зачем я все это делаю. Тут у Мстислава вновь зазвонил телефон, он дернулся, как от удара, а я ткнулась носом в траву, боясь, что меня обнаружат. В таком виде мне будет затруднительно врать, что я просто прогуливаюсь.

— Слушаю, — дрожащим голосом произнес Мстислав и тут же перешел на визг: — Не смей мне звонить, ты с ума сошел... — Что говорил ему собеседник, я, к величайшему сожалению, слышать не могла, но то, что разговор превратился для Мстислава в сущую пытку, было совершенно ясно. — Я не виноват, — всхлипнул он и опять жалобно попросил: — Оставь меня в покое. Что ты выиграешь от моей смерти. — Вновь всхлип и торопливое: — Ну хорошо, хорошо... — Он закончил разговор, обхватил голову руками и зарыдал, громко и жалобно, а я, пятясь задом, стала удаляться.

Преодолев таким образом метров двадцать, я осторожно поднялась и, стараясь держаться за деревьями, зашпешила к тропинке. Конечно, разговор Мстислава с неизвестным меня никоим образом не касался, но любопытство есть любопытство, и я принялась гадать, кто ему мог звонить и с какой стати он так перепугался? Ни с того ни с сего взрослый человек рыдать не будет. Ясно, тут какая-то тайна, а скажите на милость, кто не любит чужие тайны? Я их просто обожаю. Эх, жаль подружка занята. Ну ничего, до обеда не так много времени осталось...

Я выходила на дорогу, когда заметила Руслана, он бодро вышагивал в моем направлении, Встречаться с ним мне совершенно не хотелось, и я бросилась бежать, очень надеясь удалиться на приличное расстояние, прежде чем он меня заметит.

Сделав крюк и почти достигнув озера, я огляделась и зло чертыхнулась, Руслан двигался по тропинке метрах в двадцати от меня. Тропинка в этом месте была прямой, как стрела, и когда он выйдет из-за деревьев, то не увидит меня просто не сможет.

Не раздумывая, я бросилась к воде, не разбирая дороги. Мерзавец, должно быть, успел меня заметить. Когда я в очередной раз оглянулась, то увидела его вовсе не на тропинке: он поспешно направлялся к озеру. Закусив в досаде губу, я сняла туфли, подвернула джинсы и зашлепала к кустам, которые начинались за большим валуном и выглядели совершенно непроходимыми. Быстро достигнув их, я раздвинула ветви и поспешно укрылась в зарослях.

Тут как раз и появился Руслан, я замерла, надеясь, что он не догадается искать меня в кустах. А если догадается? Я его к черту pošлю, вот честное слово, и пусть думает обо мне, что хочет.

С минуту покрутив головой, Руслан пошел по тропинке, которую я впопыхах не заметила, она уходила в сторону замка, и Руслан быстро удалялся в том направлении. Это позволило мне выбраться из кустов, что я и сделала, и тут услышала, как что-то легонько постукивает за моей спиной: один раз, второй...

Разумеется, я вновь полезла в кусты и через несколько минут обнаружила лодку. Она была привязана к коряге, торчащей из воды, и плавно покачивалась. Лодка была без весел, но брошенной не выглядела: свежепокрашенная, на борту крупными буквами написано «Фаина». Я влезла в лодку и под сиденьем нашла старую спецовку, в которую была завернута буханка хлеба и пластиковая бутылка с водой. Досадливо запихнула спецовку под сиденье и попробовала рассуждать здраво. Я нахожусь на острове, и лодка здесь такой же привычный вид транспорта, как машина в городе. То, что лодка без весел, вполне объяснимо: весла не оставляют в лодке из предосторожности, чтобы лихие люди ее не угнали. Спецовка, хлеб и вода тоже понятно: кто-то рыбачил... А кому тут рыбачить, если на всем острове имеется лишь пародия на замок и его подозрительные жильцы... Впрочем, почему бы кому-то с соседних островов здесь не порыбачить?

Вместо того чтобы успокоиться, я разволновалась еще больше и, боязливо оглядываясь, покинула заросли. Мне срочно требовалось обсудить свои открытия с Женькой. Подружка скажет, что я помешалась на детективах, высмеет меня, и на душе сразу станет легче.

С этой надеждой я и зашагала по тропинке, где недавно проходил Руслан, и минут через десять увидела мост и самого Руслана в придачу, он курил и вертел головой, не иначе как высматривал меня. Я резко сменила направление, устремляясь к броду, которым не так давно воспользовался Мстислав.

Подъем к калитке по узкой тропе, вьющейся над озером, вызвал головокружение, но это было все же лучше встречи с Русланом. Я толкнула калитку, вошла в сад и нос к носу столкнулась с этим сукиным сыном.

— У меня впечатление, что ты меня избегаешь, — заявил он, нагло меня разглядывая.

— Неужто у вас ума хватило это понять? — не удержалась я. Руслан схватил меня за руку и рывком привлек к себе, одарив таким взглядом, что я чуть не хлопнулась в обморок, но, собрав остатки мужества, зло сказала: — Отпустите руку, или я позову на помощь.

— Да? — хмыкнул он, но руку отпустил.

— Да, — кивнула я и направилась к дому. Отойдя от Руслана на несколько метров, я так расхрабрилась, что, притормозив, громко сказала: — На брудершафт мы пить не будем, так что потрудитесь говорить мне «вы».

Он препротивно засмеялся, глядя мне вслед, и я под этим взглядом дважды споткнулась и покраснела от злости.

Я влетела в дом и увидела Женьку, они с Львом Николаевичем пили кофе, устроившись в малой гостиной возле распахнутого настежь окна.

— Как прогулка? — проявил интерес хозяин, поднявшись и придвигая мне кресло.

— Спасибо, чудесно, — ответила я, улыбаясь во всю ширину рта.

Появилась Наташа и подала мне чашку кофе. Не успела я сделать и двух глотков, как в поле моего зрения возник Руслан, не знаю, как я не поперхнулась. Он устроился в кресле по соседству, пил кофе и прислушивался к нашей беседе, сам в ней участия не принимая.

Беседа в основном касалась планов хозяина по благоустройству острова. Выяснилось, что чудо-замок он построил год назад, теперь на очереди пристань, теннисный корт и бассейн. Лев Николаевич подумывает сделать островок своей постоянной резиденцией и скорее всего останется здесь на зиму. Женька разглагольствовала о пользе жизни на лоне природы, вдали от городской суеты, а я думала лишь о коленях Руслана, которые непостижимым образом оказывались в опасной близости от моих коленей. В конце концов я не выдержала и перебралась на подоконник, Руслан усмехнулся и принялся глазеть на меня, нимало не стесняясь общественности. Лев Николаевич, повествуя о своем саде, перехватил этот взгляд, посмотрел на Руслана, на меня и нахмурился. Речь его сделалась торопливее, он быстро закончил рассказ, поднялся и заявил:

— Вынужден оставить вас. Дела, знаете ли... Руслан, жду тебя в кабинете.

— Я не расположен заниматься делами, — ответил тот. — Девочки собирались осмотреть сад, я составлю им компанию.

Вот уж счастье-то привалило!

— Пожалуй, с меня прогулок на сегодня достаточно, — заметила я, выразительно глядя на Женьку, но эта дурища осталась глуха к моим взглядам.

— Надо больше двигаться, особенно тебе, — заявила она, взяв меня под руку. — Ты очень много времени проводишь за письменным столом. — И потянула меня к стеклянным дверям, ведущим в сад, правой рукой подхватив мерзавца Руслана.

Однако, против ожидания, он вел себя прилично, говорил в основном с Женькой (эта вообще трещала как сорока), но на меня смотрел так, что мертвого проймет. Только перед обедом мы смогли остаться с подружкой одни.

— Нам самое время смыться отсюда, — заявила я, мы шли по тропинке, и чем дальше я уходила от замка, тем спокойнее себя чувствовала.

— С какой стати? — удивилась Женька. — Отдохнем недельку, дядька расскажет свою завлекательную историю, вот тогда и отчалим. Мы обо всем договорились, я создам автобиографию, достойную Бенвенуто Челлини, и бабки заработаю. Очень приличные, между прочим.

— Какие бабки, — возмутилась я. — Твой Лев Николаевич похож на жулика.

— Возможно, — кивнула Женька. — А где ты видела, чтоб нормальный человек автобиографию заказывал? Конечно, жулик, да еще с манией величия. Смотри на жизнь проще. Я хочу купить машину, а то ведь на работу добираюсь сорок минут. Это хорошо? Нехорошо.

— Я здесь лишнего часа не останусь. Уезжаю завтра утром, с тобой или без тебя.

— Это ты из-за Руслана психуешь? — сморщила нос Женька. — Парень на тебя глаз положил. В самом деле, откуда ему знать, что ты у нас стойкий оловянный солдатик и верная жена.

— И что в этом смешного? — разозлилась я.

— А я и не смеюсь, — пожала плечами Женька. — Ты красавица, вполне естественно, что у парня к тебе интерес. Прибавь к этому, что он себя считает крутым, и бабки у него наверняка водятся, то есть психология проста до примитивизма: «чего хочу, то и получу». То, что ты ему зверские рожи строишь, его только больше распаляет.

— Что ж мне ему, на шею кинуться? — хмыкнула я.

— Я помню, что у вас с Романом Андреевичем больша-ая любовь, — сказала Женька и вновь сморщила нос: — Но ты вполне могла бы пофлиртовать с мужиком. Что в этом плохого?

— С Русланом? — задыхаясь от гнева, выпалила я.

— Чего ты вообще от мужиков шарахаешься? Точно экзамен на верность сдаешь. В твоих чувствах к мужу никто не сомневается. Расслабься, веди себя спокойно, и Руслан уgomонится. Во-первых, интерес уже не тот, во-вторых, ему будет легче отступить.

— К черту Руслана, — не выдержала я. — Бежать отсюда надо, и вовсе не из-за этого плосколицего. Тут дела похуже. — И я трагическим шепотом поведала Женьке, как после завтрака выслеживала Мстислава.

Рассказ не произвел на подружку особого впечатления, под конец она даже зевнула.

— Анфиса, не придумывай детектив, а? То есть придумывай, конечно, тебе за это деньги платят, но сама не пугайся. Мстислав адвокат, мало ли кто ему может грозить? Должно быть, какие-то финансовые проблемы. Адвокаты и в картишки играют, и лошадок любят. Вариантов множество. Дядя не хочет, чтобы кто-то узнал о его неприятностях, это тоже совершенно естественно.

— Но он сказал: «Что ты выиграешь от моей смерти», — теряя уверенность, возразила я.

— Подумаешь, я тебе семь раз в неделю говорю: «Ты смерти моей хочешь».

— Ты не так говоришь, это совсем другое... и он рыдал, как младенец. Просто так мужчины не плачут. Не послушаешь меня, потом начнешь жалеть. Помяни мое слово: здесь пахнет убийством.

— Типун тебе на язык, — энергично плюнула Женька, покусала губы и добавила жалостливо: — Анфиса, давай так: поживем пару деньков, приглядимся. Удрать мы отсюда всегда успеем.

— Уезжать надо немедленно, — не сдавалась я.

— Это как-то невежливо. К тому же старичок все еще топчется в районе юности своего деда. Будь человеком, дай бабки заработать.

В этот момент дорога привела нас на вершину холма, я огляделась и удивленно замерла. Прямо под нами раскинулась деревня, домов тридцать, не меньше. Отсюда было хорошо видно, как женщины работают в огороде, ребятишки на велосипедах с удочками, притороченными к багажнику, удаляются в сторону озера.

— Так здесь люди живут? — растерянно пробормотала я.

— Почему бы им здесь и не жить? — фыркнула Женька.

Я пожала плечами, дурацкий замок успел нагнать на меня такую тоску, что я была уверена: мы оторваны от всего мира. И вдруг всего в паре километров от жилища Льва Николаевича нормальные люди с нормальной размеренной жизнью.

— Как здорово, — немного невпопад заметила я.

— Надеюсь, теперь дурные мысли тебя покинут, — продолжала веселиться Женька, — и мы спокойно отдохнем, то есть ты отдохнешь, а я малость поработаю.

— Конечно, — кивнула я, и мои недавние страхи показались мне довольно глупыми.

В общем, с прогулки мы возвращались в приподнятом настроении, по крайней мере я, подружка выглядела задумчивой, должно быть, размышляла над чужой биографией.

Возвращались мы другой дорогой, мимо пристани. На подходе к озеру я услышала характерный шум, а вскоре, выйдя на открытое место, увидела, что от пристани стремительно удаляется катер, но вовсе не тот, на котором мы прибыли сюда (наш плавно покачивался на волнах чуть левее пристани). Я пригляделась: на катере находились люди в милицейской форме.

— Менты зачем-то приезжали, — насторожилась Женька, глядя им вслед.

— Если здесь живут люди, значит, и милиция должна быть, — рассудила я.

— А может, твою машину нашли? — ахнула Женька.

— Чего ж они нас не дождались? — возмутилась я, и на очень приличной скорости мы припустили к дому.

Льва Николаевича мы обнаружили в саду. Он сидел в плетеном кресле и играл с собакой — бросал резиновый мячик, а Ник искал его в траве и приносил хозяину.

— Как прошла прогулка? — весело приветствовал он нас.

— Прекрасно, — запела Женька. — Деревушка на берегу выглядит так живописно.

— Возможно, — чуть нахмурившись, ответил Лев Николаевич. — Но жить на таком островке занятие не из веселых. Ни школы, ни клуба, из всех развлечений только телевизор. Жителям давно предлагали переселиться на материк, но они упорно держатся за этот клочок земли. Просто удивительно... — Лев Николаевич пожал плечами, а я вдруг подумала, что присутствие на острове жителей его почему-то раздражает. Как видно, он всерьез хотел быть здесь единственным хозяином. Точно в подтверждение моих мыслей, Лев Николаевич поморщился и продолжил:

— Рядом с деревней строит дом какой-то типчик из Москвы. — «Типчик» вышло у него уж как-то очень брезгливо. — Все рвутся на лоно природы.

Я не знала, что ответить на это, и согласно кивнула, а Женька спросила:

— Нас посетили милицейские чины? Мы видели катер, когда возвращались.

— Ах да, — расцвел в улыбке хозяин, — местное начальство заглядывало.

— По поводу моей машины? — брякнула я.

— Разумеется. Я настойчиво просил их содействия. — Тут мне в голову пришла мысль: что за прок от местного начальства, раз машину угнали в Питере, но с умными вопросами повременила, а Лев Николаевич добавил: — Я уверен, вашу машину найдут. У меня есть кой-какие связи, и я их задействовал. Как только будут новости, нам сообщат.

— Спасибо, — поблагодарила я, лелея в душе надежду, что так оно и будет.

— Что ж, пора обедать, — поднимаясь с кресла, улыбнулся Лев Николаевич и повел нас в дом, а я не удержалась и полезла с вопросами:

— Наташа с Олимпиадой Назаровной живут здесь постоянно?

Хозяин вроде бы удивился моему вопросу, во всяком случае, во взгляде мелькнуло нечто похожее на недоумение, но отвечал он охотно и обстоятельно:

— Постоянно здесь живет лишь Олимпиада Назаровна. Кстати, это моя няня, она заменяла нам с братом мать, мама рано оставила нас. Наташа живет в деревушке, которую вы видели, и в доме не ночует. Люба, это еще одна помощница Олимпиады Назаровны, тоже приходящая, у нее семья, может, вы обратили внимание на высокий дом возле самого озера, это как раз ее дом. Есть еще садовник, он работает с девяти до пяти, но сейчас он в отпуске. Вот и все мои домочадцы. К счастью, у меня почти всегда гостят друзья. Я буду очень рад, если и вы задержитесь подольше.

— Спасибо, — улыбнулась я.

Мы вошли в дом, после чего ненадолго расстались, разойдясь по своим комнатам, чтобы привести себя в порядок. Умывшись и расчесавшись, я постучала в комнату Женьки, но ответа не получила, заглянула и убедилась, что комната пуста.

Я с недоумением покачала головой и стала спускаться по лестнице. Достигнув последней ступеньки, заметила подружку, она стояла в простенке между окон и явно подслушивала.

— Спасибо, — улыбнулась я.

Мы вошли в дом, после чего ненадолго расстались, разойдясь по своим комнатам, чтобы привести себя в порядок. Умывшись и расчесавшись, я постучала в комнату Женьки, но ответа не получила, заглянула и убедилась, что комната пуста.

Я с недоумением покачала головой и стала спускаться по лестнице. Достигнув последней ступеньки, заметила подружку, она стояла в простенке между окон и явно подслушивала.

— Эй, — тихонько окликнула я. Женька резко обернулась, сделала мне предостерегающий знак, я осторожно приблизилась. Из-за двери раздавались чьи-то всхлипы, затем женский голос жалобно произнес:

— Пожалуйста, пожалуйста, я вас очень прошу...

И тут же мужской голос:

— Пошла вон.

Послышались торопливые шаги, мы с Женькой метнулись к лестнице, тут дверь распахнулась, и я увидела высокую молодую женщину с золотистыми волосами, заплетенными в косу. Коса была уложена вокруг головы наподобие короны. Женщина бросилась бежать в противоположную сторону, прикрываясь передником, а мы с Женькой тревожно переглянулись.

— Это, должно быть, Люба, — шепнула мне подружка, — о которой говорил Лев Николаевич.

— Помощница Олимпиады Назаровны?

— Точно, или попросту прислуга. А мужчина, если я ничего не путаю, Руслан.

— Не путаешь, — кивнула я. — По крайней мере, голос похож. Как думаешь, что между ними произошло?

— К сожалению, слышала не больше твоего, думаю, мы стали невольными свидетелями ссоры двух влюбленных.

Я присвистнула:

— «Пошла вон» звучало очень романтично.

— Наверное, роман в стадии завершения. Этот Руслан типичный бабник, ни одной юбки не пропустит. От безделья приволокнулся за Любой, но тут появился более достойный объект, и былая любовь стала действовать на нервы.

Скорее всего, так оно и было, но это происшествие неожиданно произвело на меня сильное впечатление, и настроение мгновенно ухудшилось. Нет, в этом доме положительно что-то происходит.

Обед заслуживал отдельного описания, я имею в виду количество и качество подаваемых блюд. Наташа так и мелькала перед глазами, а хозяин не уставал потчевать гостей, расписывая достоинства вина или очередного кулинарного изыска. Беседу в основном вели двое: сам хозяин и Женька. Мстислав выглядел бледным, ел мало, натужно улыбался, когда к нему обращались, и дважды пожаловался на головную боль. Руслан хмурился, на меня не обращал ни малейшего внимания и отвечал односложно. Такое поведение, признаться, меня возмутило, то есть я была рада, что этот тип оставил меня в покое, но он вполне мог бы вести себя повежливее. Однако Мстислав занимал меня гораздо больше, я вспомнила его утренний разговор по телефону и теперь вновь терялась в догадках, что бы это могло значить? Оказывается, мое поведение за столом тоже не осталось незамеченным.

— Что за мысли мучают вас? — вдруг обратился ко мне хозяин. — Если потеря машины, я вас заверяю...

— Нет-нет, — разулыбалась я, торопливо оглядывая сидящих за столом, — лица всех, даже Руслана, были обращены ко мне. — Просто... просто в голову пришел один сюжет...

— Ах вот оно что. — Мои слова, видимо, заинтересовали Льва Николаевича. — Действие вашего следующего романа будет происходить на удаленном островке, забытом богом и людьми?

— Островок довольно милый, — возразила я, — и люди, как вы сами сказали, покидать его не собираются.

— Точно, — неожиданно вмешался в разговор Руслан и противно хихикнул, — хотя наш хозяин изо всех сил старается выкурить их с насиженных мест.

— У тебя извращенное чувство юмора, Руслан, наши дамы могут принять твою шутку за чистую монету.

— Прощу прощения, — еще противнее ухмыльнулся Руслан. — На самом деле Лев Николаевич является благодетелем островитян. Если б не он, они, бедные, давно бы одичали, начали ходить в шкурах, а может, и сожрали бы друг друга... — Руслан захохотал, остальные неуверенно его поддержали, а Лев Николаевич поморщился.

— Да, я не хочу, чтобы сюда пришла так называемая цивилизация. Леса вырубят, озеро загадят, вот и все, на что способны те, кто болтает о переменах. Толпы туристов, как на Валааме, попросту меня пугают.

— Боюсь, что ваш замок, выглядящий очень необычно, как раз способствует привлечению сюда туристов, — не удержалась Женька.

— Мой дом, моя крепость... — заявил Лев Николаевич.

Он не успел договорить, появилась Наташа с очередным блюдом, хозяин настойчиво начал предлагать отведать его, и мы отведали, после чего продолжили разговор на экологическую тему. Лев Николаевич высказал сожаление, что нетронутых цивилизацией уголков остается все меньше и меньше, мы согласно покивали, и вдруг Руслан спросил, обращаясь ко мне:

— Так что там у вас за сюжет? На маленьком островке, где лишь жалкая деревушка с тремя

десятками жителей и где богатый сумасброд выстроил рыцарский замок, в котором собралась довольно забавная компания, совершено убийство? Кого вы наметили в жертву? Нашего уважаемого хозяина?

— Что вы, — испугалась я. Женька и Мстислав растерянно хихикнули, Олег вроде бы вовсе не слышал нашего разговора, а хозяин нахмурился.

— Руслан, тебе не кажется, что твои шутки...

— Хорошо, хорошо, — отмахнулся тот. — Давайте уьем Мстислава. — Бедняга от неожиданности поперхнулся и жалобно посмотрел на Льва Николаевича, а Руслан захохотал. — А что, очень симпатичный труп.

— Для убийства необходим мотив, — усмехнулась я. — Мстислав Наумович адвокат, скажите на милость, кому может прийти в голову убить его?

Адвокат отреагировал несколько неожиданно, втянул голову в плечи и уставился в тарелку, точно надеялся найти в ней ответ: что его ожидает? Руслан пожал плечами и сказал совершенно серьезно:

— Желающих может быть сколько угодно. Например, бывший клиент. А может, Славик узнал чью-то страшную тайну, а неизвестному дяде это не понравилось, и он решил укокошить беднягу.

Славик позеленел и, похоже, был готов в любой момент свалиться со стула в глубоком обмороке.

— Прекрати, — повысил голос Лев Николаевич.

Олег удивленно поднял голову и взглянул на нас вопрошающе. Я была уверена, что наш разговор он попросту не слышал, интересно, что за мысли его одолевали?

— Нет, в самом деле, — продолжал Руслан, нимало не заботясь произведенным эффектом, — чужая тайна, а может быть, долги, сомнительная дружба... повод найти нетрудно.

— Разумеется, — подал голос Олег. — У каждого из нас есть свой скелет в шкафу. Так ведь, Руслан?

— Если ты имеешь в виду меня, не могу не согласиться — в моем шкафу их целая коллекция. Даже нашим милым дамам есть что утаивать. Не так ли?

— Две-три любовные истории, о которых не очень ловко рассказывать, — улыбнулась Женька, а я под взглядом Руслана нахмурилась и заявила:

— Если меня укокошат на этом острове, то явно по ошибке. У меня нет тайн и явных врагов.

— Ну, вас-то точно не убьют, — хмыкнул Руслан. — Вы выступите в роли детектива, ваша подруга будет помощницей, эдакий женский вариант доктора Ватсона, и вы достойно доведете расследование до конца. Побольше трупов, Анфиса, это всегда впечатляет, — закончил он весело, и все с облегчением засмеялись, приняв его слова за шутку. Даже хозяин улыбнулся и кивнул головой, точно соглашаясь, хотя и выглядел немного недовольным.

Наконец обед закончился. Женька и Лев Николаевич решили заняться своей работой, а я

подумала, что неплохо бы посетить пляж, день солнечный, и если позагорать не удастся по причине отсутствия купальника, то хоть подремлю на солнышке.

— Лев Николаевич, я буду у вас через десять минут, — сказала Женька, — только захвачу диктофон.

Мы поднялись с подружкой на третий этаж и вместе вошли в ее комнату. Работал кондиционер, и в комнате сделалось прохладно. Женька отключила его и распахнула створку окна, после чего принялась рыться в своей сумке в поисках кассеты.

— Ведь была же кассета, — ворчала она, — я сама ее сюда положила.

— Может, не сюда, а в чемодан? — спросила я, устраиваясь на подоконнике. Затем выглянула в сад и сделала Женьке знак рукой: возле стеклянных дверей стояли Руслан и наш хозяин, лицо у последнего было недовольное, а голос, когда он заговорил, и того хуже:

— Какого черта ты затеял этот разговор?

Женька на цыпочках приблизилась к окну, а я прижалась к стене, надеясь, что мужчины меня не заметили.

— Славик у нас очень нервный. Очень. А чего б ему так нервничать?

— Оставь его в покое. Подозреваю, что дело вовсе не в нем. Чтобы покрасоваться перед девчонкой, ты... извини, — закончил он совсем другим голосом. — Ты знаешь, нам не нужны осложнения.

— Это ты мне говоришь? — хохотнул Руслан. — Забавно. Лично у меня не бывает осложнений. Ты об этом наверняка знаешь, а вот тебе следует подумать.

— Что ты хочешь сказать? — насторожился Лев Николаевич.

— Я хочу сказать, так ли уж случайно они здесь появились.

— Это ты мне говоришь? — хохотнул Руслан. — Забавно. Лично у меня не бывает осложнений. Ты об этом наверняка знаешь, а вот тебе следует подумать.

— Что ты хочешь сказать? — насторожился Лев Николаевич.

— Я хочу сказать, так ли уж случайно они здесь появились.

Мы с Женькой затаили дыхание, но мужчины неожиданно замолчали. Я осторожно выглянула и встретилась взглядом с Русланом. Он весело подмигнул мне и скрылся в доме вместе с хозяином.

— Черт, — выругалась Женька, — они решат, что мы подслушивали.

— А что мы делали? — вздохнула я.

— Неловко получилось, — сокрушалась подружка. — Идем скорее, дядька, должно быть, меня ждался.

— Сомневаюсь, у них был очень содержательный разговор.

— Как думаешь, что этот тип имел в виду? Ведь он о нас говорил? — не унималась Женька.

— Понятия не имею, зато чувствую: здесь и в самом деле что-то происходит.

— У тебя не сложилось впечатления, что они чего-то ждут?

— Черт его знает, — нахмурилась я. — Компания совершенно дикая: хозяин — темная лошадка, Мстислав с рыданиями и телефонными звонками, пакостник Руслан и эта Люба...

— С Любой все ясно, — перебила Женька. — Ладно, идем. В конце концов нас это не касается.

— Как же не касается, — возразила я. — Слышала, на что намекал Руслан: будто бы мы здесь неспроста появились, и дядьке твоему данная мысль пришла не по душе.

Поразмыслив немного, Женька вздохнула:

— Да... Разговоры о трупке мне, кстати, тоже очень не понравились. У этих трупов дурацкая особенность — не успеешь о них подумать, они тут как тут.

— Типун тебе на язык, — шикнула я, и мы поспешно покинули комнату.

Подружка стала спускаться вниз, а я зашла к себе, чтобы взять полотенце. Идти на пляж я решила через сад, поэтому, оказавшись на первом этаже, направилась мимо кухни к стеклянным дверям. Не успела сделать двух шагов, как услышала приглушенные рыдания и остановилась. Выходило, что я целый день приглядываюсь да прислушиваюсь. Очень достойное занятие.

Рыдания доносились из-за дверей кухни. Я огляделась, боясь быть застигнутой за столь неблагоприятным делом, и приблизилась.

— Нечего реветь, — раздался грозный окрик Олимпиады Назаровны. — Я тебя предупреждала, дуру. Иди в комнатах мой, а здесь я сама уберусь.

Появилась Люба, лицо ее опухло от слез, а под глазом красовался синяк. В зеркале, висящем на противоположной стене, я отлично видела, как она торопливо удаляется по коридору. Вдруг дверь малой гостиной распахнулась, и появился Руслан. Женщина сбилась с шага и замерла, прижавшись к уродливому комоду. Руслан, не удостоив ее взглядом, прошел мимо. Люба хотела что-то сказать, но тут заметила меня, резко развернулась и бросилась бежать.

— Анфиса Львовна, — услышала я. Руслан приближался, сунув руки в карманы брюк. — Не желаете ли совершить романтическую прогулку?

— Вы не знаете, что случилось с Любой? — гневно поинтересовалась я.

— С кем? — удивленно поднял он брови.

— С женщиной, с которой вы только что столкнулись в коридоре.

— С горничной? А что с ней случилось?

— У нее синяк под глазом.

— Seriously? Это неприятно. Должно быть, муж побил по пьяному делу. Здешний народец усиленно пьет горькую, скажу я вам. Так как насчет романтической прогулки?

— У меня другие планы, — сурово ответила я и заспешила к выходу в сад.

«Неужели это он ее ударил? — размышляла я по своей извечной привычке совать нос в чужие дела. — Каков мерзавец. Сегодня утром, когда они выясняли отношения? Она просила его о чем-то... И сейчас она хотела с ним поговорить, но увидела меня и испугалась. — В этом месте я себя одернула. — Это не мое дело, Женька права: Руслан обыкновенный бабник, соблазнил Любу, а потом бросил, она наверняка считала его принцем из сказки, а он оказался обычным мерзавцем, но она все никак не хочет поверить в это...»

Пока я шла по узкой тропе к пляжу, мысли мои текли довольно плавно и вскоре выстроились в весьма занятный сюжет. Правда, проку от него было немного, у меня получалась мелодрама, а мне платят деньги за детективы. Кстати, почему бы Любе не убить его? Я сразу же отмела эту мысль. Руслана было нисколько не жалко, но Любу в роли убийцы мне видеть совершенно не хотелось. Пусть его убьют случайно, по ошибке. Допустим, убить хотели Мстислава, а убрали этого противного Руслана.

Как раз в этом месте я вышла на пляж. Он впечатлял. Золотой песочек, навес, душевая кабинка и туалет, живописно расставленные шезлонги, два топчана. Следовало признать: Лев Николаевич — мужчина с размахом.

Пляж был надежно защищен от посторонних глаз. Пожалуй, я могу раздеться. Я стянула джинсы и футболку, подумала и сняла бюстгальтер, после чего с удобствами устроилась на топчане, бросив под руку на всякий случай полотенце.

Не знаю, сколько прошло времени, я успела вздремнуть, когда почувствовала чей-то взгляд. Я была почти уверена, что это Руслан выследил меня, прикрылась полотенцем и стала ждать. Никто не появился, но чувство, что за мной наблюдают, не проходило.

Я приподнялась, придерживая полотенце на груди, и огляделась. Ни души. Некоторое время посидела в задумчивости и решила искупаться. Вода была прохладной, и я испытала настоящее блаженство, погрузившись в нее. Дурные мысли разом меня оставили, я перевернулась на спину и закрыла глаза. Совсем рядом промчался катер, я приподняла голову, проводив его взглядом, и с некоторым удивлением обнаружила себя довольно далеко от берега. Я щурилась на солнце, следя за белым пушистым облаком, похожим на забавного утенка, потом медленно поплыла к берегу, то и дело замирая и беспричинно улыбаясь. Однако через несколько минут на смену блаженству пришли совершенно иные чувства. В очередной раз взглянув на берег, я увидела Руслана, он сидел в шезлонге и курил, закинув ногу на ногу. Он был все в той же пестрой рубашке и брюках, пиджак небрежно валялся на песке.

— Как водичка? — крикнул он мне.

— Отличная, — выжав из себя улыбку, ответила я. — Не хотите искупаться?

— Нет. Я предпочитаю ванну.

Я нащупала ногами дно, встала и вежливо попросила:

— Вы не могли бы отвернуться, я без купальника. Он уехал вместе с остальными вещами, — добавила я, решив, что в данной ситуации непринужденный разговор предпочтительней.

— Уверен, у тебя нет ничего такого, что стоило бы прятать, — заявил этот сукин сын, а я в сердцах матерно выругалась, правда мысленно.

— И все-таки, если вас не затруднит... — Он препротивно улыбнулся, а я продолжила сквозь зубы: — Подавись. — И направилась к своему топчану. Там я завернулась в полотенце и легла, перестав обращать внимание на Руслана.

— Я был прав, — хмыкнул он. — Выглядишь потрясающе.

— Послушайте, — не удержалась я, — я замужем. Вы стараетесь совершенно напрасно. Я люблю мужа, так что вы впустую тратите свое драгоценное время.

— Сомневаюсь.

— В моих словах? — удивилась я.

— Нет, в том, что потрачу время впустую. Хочешь пари на ящик шампанского? Через неделю ты ляжешь со мной.

Я приподнялась и посмотрела на него внимательнее.

— Маловероятно, — сказала я серьезно. — Разумеется, если за это время не разразится атомная катастрофа и мы не останемся вдвоем на всем белом свете. В этом случае в целях продления человеческого рода мне придется пересмотреть свои позиции. Но и тогда я лягу с тобой без всякого удовольствия. А если будешь приставать, пожалуйюсь мужу, он тебе ноги переломает, а я помогу. Все ясно?

— Еще бы, — хмыкнул Руслан, поднялся, подошел, одной рукой ухватил меня за волосы, другой за подбородок и поцеловал. Я стиснула зубы, с трудом дождавшись конца процедуры.

— Ну и что? — спросила я зло. — Мне от счастья с топчана свалиться? Больше так не делай, у меня желудок слабый.

Видно, он всерьез верил, что совершенно неотразим, потому что вознамерился поцеловать меня еще раз, я не удержалась и заехала ему коленом в живот, должно быть, чувствительно, потому что он отлетел на значительное расстояние и устроился на песке.

— Лучше не нарывайся, — попросила я.

Он захохотал и сказал:

— Ты прелесть. Вот увидишь, нам с тобой будет весело. Я тебе это припомню. — Взгляд его затуманился, губы дрогнули, и он добавил: — Ты у меня будешь...

Что я буду делать, узнать не довелось, послышались голоса, и через мгновение на пляже появилась Женька в компании Льва Николаевича. Подружка метнула на меня растерянный взгляд, а Лев Николаевич с неудовольствием посмотрел на своего большого друга. Тот, нимало не печалась, поднялся, отряхнул брюки и, прихватив пиджак, зашагал к дому, что-то насвистывая.

— Анфиса Львовна, — начал наш хозяин. Голос его слегка дрожал, то ли от волнения, то ли от злости. — Надеюсь, Руслан...

— Нет-нет, что вы, — перебила я. — Все в порядке.

— Видите ли, он становится совершенно неуправляемым, если дело касается женщин. Руслан очень влюбчивый человек. — Определение «влюбчивый» так же подходило Руслану, как седло

корове. Однако Лев Николаевич говорил серьезно, причем с болью душевной, и я, вопреки всякой логике, вдруг почувствовала себя виноватой.

— Мне так неловко, — начала я, но Лев Николаевич перебил меня:

— Я поговорю с ним. Очень прошу, не обращайтесь внимания на его выходки. Он скоро успокоится. Надеюсь, этот ничтожный инцидент никак не скажется на нашей дружбе. — При этих словах Лев Николаевич так зазывно посмотрел на подружку, что я была уверена: Женька не выдержит и бросится к нему в объятия. Против ожидания та растерянно моргнула и произнесла что-то невнятное.

На ужин я решила не ходить, выпила стакан сока в компании хмурой Олимпиады Назаровны и направилась в сад, где меня через некоторое время обнаружила подружка.

— Руслан схлопотал по жизненно важным органам? — с места в карьер начала она.

— Не знаю, что за органы ты имеешь в виду, я ударила его в живот.

— Слава богу, — закатила глаза Женька. — Мне на его здоровье наплевать, просто такие типы обычно страшно злопамятны. Ну что, раба божья Анфиса, съезжать будем? — вздохнула она.

— С какой стати? — осведомилась я с притворным удивлением.

— Если у вас дошло до рукопашной...

Конечно, Женька была права, Руслан вел себя безобразно, и самое разумное было спешно покинуть остров. Но в меня словно бес вселился, и я ответила зло, хотя и знала, что злость дурной советчик:

— Вот пусть Руслан и убирается отсюда первым катером, а я остаюсь.

— Анфиска, — возвысила голос Женька, но тут же сникла: — Ладно, тебе видней... Кстати, Левушка мне аванс дал, очень, знаешь ли, приличный аванс. А еще он проявляет серьезную заботу о нашем туалете. Золотой дядечка. Не можем мы в одном белье неделю ходить.

— Не можем, — сокрушенно кивнула я.

— Вот-вот... Он денежку дал, завтра утречком снарядит катер, и мы поплывем на континент за тряпками. Самое время, по-моему...

Я задумалась, а потом отчаянно головой замотала:

— Не пойдет.

— Чего еще? — нахмурилась Женька.

— Дядька твой жутко подозрительный, а у меня муж полковник. Не могу я на сомнительные деньги шмотье покупать. Это все равно что взятка должностному лицу.

— Размечталась. Да кому надо твоему Ромке взятки давать?

— Все равно, — еще больше нахмурилась я. — Ромка мне голову оторвет, если узнает. А он непременно узнает, такой уж у него характер. Так что лучше уж блохастой ходить. Лучше бы

твой дядька нашел мою машину, — с тоской добавила я.

Женька почесала в затылке, подумала, глядя себе под ноги, и изрекла:

— Я куплю шмотье для себя, а потом дам его тебе во временное пользование. Если оно не твое, а мое, то никакой взятки и в помине нет. Ну как?

— Здорово, — порадовалась я, удовлетворенно кивнув. Два умных человека всегда найдут выход из трудного положения.

— Значит, сразу после завтрака и отчалим, — подвела итог Женька и посмотрела на меня без всякого одобрения. — Ты чего ужинать не пошла?

— У меня же диета, а здесь ужинают поздно.

— Врешь, — не поверила подружка, — Руслана видеть не хотела.

— Вот еще, — возмутилась я. — К тому же избавиться от него весьма затруднительно, так и мелькает.

— Ладно, — вздохнула Женька, — давай на звезды любоваться. — И села рядом. Мы, запрокинув головы, с полчаса исправно таращились в звездное небо, после чего в голову мне пришла блестящая мысль:

— Пойдем купаться. Вода должно быть теплая, прогрелась за день.

— Идем, — с готовностью поддержала меня Женька, мы поднялись к себе, взяли полотенца и через десять минут уже подходили к калитке. Однако, вступив на тропу, мы разом призадумались. Как я уже говорила, спуск в этом месте крутой, и в темноте совершать его было небезопасно. — Давай-ка через мост, — заявила Женька. Мы вернулись, захлопнули калитку и через сад пошли к центральным воротам. Послышался шорох, и из-за кустов выскочила собака. Я как-то успела забыть о ее существовании и от неожиданности взвизгнула. — Ник, — протяжно позвала Женька, почесывая собаку за ухом. — Умный пес. Идем с нами.

Я робко протянула руку, слегка паникуя, а Ник лизнул ее и сунул голову под мою ладонь, приглашая себя погладить.

— Надо же, — порадовалась я. — С виду жуткий зверюга, а на самом деле очень ласковый.

— Ага, — согласилась Женька, вышагивая в направлении моста. — Совсем как твой Ромка.

— Ромка-то здесь при чем? — возмутилась я.

— Да я так, для сравнения. Не стой пнем, мы ж купаться хотели.

Я догнала подружку, хмурясь и прикидывая, чего б такого доброго ей сказать. Как на грех в голову ничего не приходило, и я в конце концов успокоилась.

Ник весело бежал впереди, время от времени оборачиваясь и поджидая нас. Мы спустились к пляжу, в этот момент взошла луна, светлая дорожка побежала по воде, а я охнула от избытка переполняющих меня чувств. Женька сбросила одежду и с разбегу плюхнулась в воду. Ник носился вдоль берега, бросаясь то в мою сторону, то в Женькину, и громко лаял. А я не спеша разделась и, с удовольствием ступая по песку, направилась к воде, и тут... Не иначе как

нечистый толкнул меня под локоть и заставил посмотреть влево. Ближе к зарослям от воды шла цепочка следов. Метрах в трех от озера следы свернули к кустам. Я посмотрела в ту сторону и поежилась. Заросли при лунном свете выглядели мрачно и даже диковинно, а чувство было такое, что оттуда за нами наблюдают.

— Женька, — заорала я. Подружка перестала плескаться и направилась к берегу. Ник подбежал ко мне, я погладила его, приговаривая: — Хорошая собака. — Я порадовалась, что мы прихватили его с собой. Женька как раз выходила из воды. — Осторожно, — крикнула я, — не затопчи следы.

— Какие следы? — обалдела подружка.

— Сейчас увидишь.

Я ухватила Ника за ошейник, чтобы и он ненароком не испортил следы, и побежала навстречу Женьке, после чего повела ее к зарослям. Подружка, кутаясь в полотенце, взглянула на следы и спросила хмуро:

— И чего?

— Ты же видишь, — обиделась я.

— Вижу, — кивнула она и сунула свою ступню в чужой след. — Ну и лапа, — покачала она головой. — Сорок пятый размер. Из озера вышел мужик. Должно быть, купался.

— А где следы, ведущие к озеру?

Женька огляделась.

— Где-нибудь здесь.

Я принялась осматривать пляж, Женька, немного понаблюдав за мной, вздохнула:

— Анфиса, что ты дурака валяешь. Если человек вышел из воды, следовательно, он сначала в нее вошел, может, и не здесь, может, дальше по берегу.

— И в зарослях спрятался, — разозлилась я.

— Это могло быть днем. Может, он в заросли по нужде полез.

— Так вот же туалет, — не унималась я. — И кабинка для переодевания. Зачем ему заросли?

— Не знаю, на кой черт они ему сдались, — повысила голос Женька. — Много разных чудачков на свете. По-моему, ты свихнулась на детективах... — Не успела Женька договорить, как в зарослях что-то хрустнуло. И вновь воцарилась тишина. Ник замер, уставившись в ту сторону и поводя ушами. — Собака насторожилась, — перешла на шепот Женька.

— Там кто-то есть, — пискнула я. Тут взгляд мой метнулся вдоль берега, и я вспомнила про лодку («Фаина», кажется), укрытую в кустах в той стороне. — Там была лодка, — ткнув пальцем в темноту, заявила я. — А теперь эти следы.

— Не пугай меня, — взмолилась Женька, — все это чепуха. Подумаешь, лодка, подумаешь, следы... — Ник зарычал, а мы взвизгнули. — Нет, это невыносимо, — разозлилась подружка, ухватила собаку за ошейник и шагнула к зарослям.

— Подожди, — крикнула я, и к темной громаде кустов мы подошли вместе.

Заросли казались непроходимыми, и каково же было мое удивление, когда мы обнаружили тропинку. Совсем лишившись разума, я шагнула на нее первой и тут же почувствовала чье-то присутствие. В нескольких шагах от меня кто-то замер, сдерживая дыхание.

— Мама моя, — пробормотала Женька, отчетливо клацая зубами.

— Кто здесь? — прерывисто спросила я, протянула руку, и рука наткнулась на что-то колючее. Я собралась орать и вдруг поняла, что под пальцами у меня борода. Так и есть, вот нос, а вот глаз. Человек охнул, а я истошно заорала, вслед за мной заорала Женька, и мы бросились вон из зарослей.

Только поднявшись к мосту, мы вспомнили о собаке.

— Ник, — рывкнула Женька. — Возьми его, вперед, Ник. — Однако собачка повела себя странно. В лунном свете мы увидели, как пес, жалобно скуля, отползает от зарослей. — Матерь божья, — пролепетала Женька, глядя на меня безумными глазами, — не иначе как там сам дьявол.

— Я его за бороду держала, — ойкнула я. Женька укоризненно взглянула на меня, точно я сморозила страшную глупость. Мне стало обидно, и я упрямо повторила: — У него была борода, и я за нее держалась.

— Конечно, — пожала плечами подружка. — А еще у него были рога и хвост.

— Про рога и хвост на скажу, а вот борода точно была, и не надо на меня так смотреть. — В этот момент Ник протяжно завыл, а мы замерли, выкатив глаза и приоткрыв рот, такая на нас напала жуть. И было с чего: в лунном свете вода в озере таинственно мерцала, а Ник отчаянно выл, задрав голову. В ответ в деревне залаяли собаки, а я поняла, что через секунду хлопнусь в обморок, если это не прекратится.

Со стороны дома послышался шум, замелькали огни. Я даже не сразу сообразила, что это обыкновенные ручные фонарики, и только по топоту ног поняла, что к нам бегут люди, и очень этому обрадовалась.

— Что случилось? — тревожно спросил мужской голос, и я узнала Руслана. Вместе с ним были двое молодых людей характерной внешности, замеченные нами перед завтраком, а Ник, точно по команде, перестал выть и бросился к нам, виляя хвостом.

— Нам показалось, — начала Женька, — то есть там в кустах... и собака... — Вышло невразумительно, так что неудивительно, что мужчины ничего не поняли. Руслан схватил меня за плечи и спросил:

— С тобой все в порядке?

Я что-то промямлила в ответ, он порывисто прижал меня к груди, а я, вместо того чтобы послать его к черту, пристроила свою многострадальную голову в районе его плеча.

Охранники, водя фонарями, осветили берег, а Женька торопливо объяснила, что произошло. Надо отдать ей должное, получилось вполне связно:

— Там, в зарослях, кто-то был. Анфиса утверждает, что схватила его за бороду.

— Кого? — спросил один из парней.

— Понятия не имею, — возмутилась Женька. — Во-первых, не я его схватила, а Анфиса, во-вторых, и она вряд ли поняла, кто там.

— Это был мужчина? — нетерпеливо спросил второй охранник.

— Если была борода, то вполне логично предположить, что это мужчина, о женщинах с бородами я не слышала.

— А может, это была коза? — совершенно серьезно спросил парень. — В деревне они точно есть. Может, забрела в заросли...

Эта идея привела меня в чувство. Я отлепилась от Руслана и зло рявкнула:

— Должно быть, она стояла на задних лапах. И вообще, прекратите болтать чепуху, вы видели, как вел себя Ник. — Тут все дружно посмотрели на пса, который бегал вокруг нас без всякого намека на беспокойство.

Я перевела взгляд на Руслана, ожидая обнаружить на его физиономии препротивную ухмылку, но он взирал на меня серьезно и даже тревожно. Обретя в его взгляде некоторую поддержку, я с чувством продолжила:

— Утром я видела лодку, вот там дальше по берегу, тоже в зарослях, а тут следы, кто-то шел от воды к зарослям, мы решили посмотреть и взяли Ника, а он точно свихнулся.

Надо сказать, пес к этому моменту свихнувшимся не выглядел, совсем даже наоборот, а вот я почувствовала себя дура душой. Мало того что весь дом всполошила, еще кинулась на грудь к этому противному Руслану. Я на всякий случай отступила на шаг, но мерзавец ухватил меня за руку, легонько сжал ее и шепнул:

— Ты вся дрожишь. — Голос у него был слаще меда.

— Я тоже вся дрожу, — заявила Женька и повисла на его правой руке, прижимаясь к нему всем телом.

— Проверьте, что там, — кивнул Руслан охране и повел нас к дому, светя под ноги фонариком. Женька продолжала виснуть на его локте. Тропинка была узкая, и идти по ней, обнявшись, было неудобно. Воспользовавшись этим обстоятельством, я юркнула за спину подружки. Ник бежал впереди. В доме светились все окна, а я готова была сгореть от стыда.

Мы как раз достигли центральных дверей, когда со стороны сада появились охранники.

— Ну что? — спросил Руслан.

— Следы правда есть, — ответил парень, а я порадовалась, услышав тревогу в его голосе. — В зарослях тропинка, выходит как раз к калитке.

— А как вы вошли? — додумалась спросить я.

— Через калитку, — удивился парень.

— А кто ее открыл? — влезла Женька. Парни выглядели раздосадованными, а на вопрос не пожелали ответить, но от Женьки отделаться не так-то просто. — Калитка была не заперта? — не унималась она.

— Нет, конечно, если мы вошли.

— А когда вы к нам бежали, вы воспользовались калиткой? — Вопрос показался мне толковым, тропинок внизу было так много, что немудрено запутаться. Парни в самом деле могли выйти через калитку, а потом подняться на пригорок.

— Мы шли через мост, — заявил Руслан.

— Значит, кто-то открыл калитку, потому что я ее собственноручно захлопнула перед тем, как идти на пляж, — заявила Женька. — Чтобы открыть ее с той стороны, нужен ключ, но вы говорите, что калитку не открывали...

Между тем мы вошли в дом и в малой гостиной обнаружили остальных обитателей дома: Лев Николаевич сидел в кресле, по обе стороны от него разместились Мстислав и Олег, а чуть в стороне замерла грозная Олимпиада. При нашем появлении Олег что-то торопливо убрал в карман куртки, в которую был облачен. Я готова поклясться, это «что-то» было пистолетом. Выходит, мы своими воплями здорово напугали граждан.

— Что там? — сурово спросил Лев Николаевич. Руслан поведал о наших злоключениях, а я, решив, что они как-то не впечатляют, напомнила о лодке в зарослях.

— И собака вела себя странно, — внесла свою лепту Женька. — Скулила и на брюхе ползала.

Все поискали глазами Ника, но он остался на улице, оттого, наверное, публика уставилась на меня, хотя с таким же успехом могла тарашиться и на Женьку.

— Глупости все это, — грозно заявила Олимпиада и пошла вон из комнаты. — Нечего по ночам шляться, и тогда всякая чушь не будет мерещиться.

— Ничего нам не мерещилось, — разозлилась Женька. — Ребята следы видели. Видели? — рывкнула она, парни дружно кивнули.

— Эка невидаль, — огрызнулась Олимпиада. — Следы... Здесь люди живут, почему бы и не быть следам. И тропинки люди натоптали, вон их сколько по всему острову. Здесь все хожено-перехожено. Собаку вы сами перепугали. Я тебе давно говорила, Лева, надо настоящую собаку завести, а этот у нас точно заяц. Всего боится. Открытая калитка вовсе чепуха. Любка домой через эту калитку ходит, дом ее возле самого озера, ей тут идти ближе. Сегодня она задержалась и, должно быть, калитку не захлопнула, а я проверить забыла. Вот и все ваши тайны.

— А как же борода? — растерялась я.

— Какая еще борода?

— Я его за бороду держала, — чуть не плача, напомнила я.

— Хорошо хоть за бороду, — усмехнулась старая ведьма и исчезла за дверью, а я едва не задохнулась от возмущения.

— Вот что, в зарослях кто-то был. И я держала его за бороду. Если учесть, что все присутствующие бреются, выходит, в зарослях сидел чужак. Что он там делал, не знаю, но он зачем-то прятался, а Ник... — Неожиданно я нашла очень простое объяснение поведению собаки и не задумываясь выпалила: — А Ник знал этого человека, оттого и вел себя по-дурацки. Не мог же он в самом деле по команде «фас» вцепиться ему в горло. — Я перевела дыхание и лишь тут обратила внимание, какой эффект произвели мои слова: мужчины пялили глаза в пустоту, хмуря лбы, поджав губы, на их физиономиях читалась тревога. Женька, обратив на это внимание, робко кашлянула и потянула меня за руку. Я точно под гипнозом пошла за ней, но на пороге оглянулась — заключительная сцена из «Ревизора» продолжалась, а сквозь приоткрытую дверь напротив на меня взирала Олимпиада, и в глазах ее стыла самая настоящая ненависть.

— Вот осиное гнездо, прости господи, — бормотала Женька, когда мы поднимались по лестнице. — Угроздило нас вляпаться. Чую, не видать мне денежек, придется уносить отсюда ноги.

— Тут какая-то загадка, — зашептала я, лишь только мы оказались в моей комнате. — Ты глаза этой мегеры видела?

— Ну...

— Что ну? — разозлилась я. — Видела, как она на меня посмотрела? А почему? Потому что я сказала: Ник знал этого человека в зарослях.

— И что с того? — не поняла Женька.

— А то, что Олимпиада его тоже знает.

— Постой, чего-то больно мудрено...

Я принялась носиться по комнате, высказывая самые фантастические предположения.

— Тут явно какой-то заговор...

Женька слушала, чесала в затылке и вдруг изрекла:

— Ты Ромку своего любишь?

— Конечно, — опешила я. — Ромка-то здесь при чем?

— Ромка точно ни при чем. Просто я подумала...

— Да ты хоть слышишь, что я говорю? — возмутилась я.

— И слышу и вижу. Руслана, к примеру. Умный, сволочуга. Тактику сменил. «С тобой все в порядке, дорогая», — передразнила Женька. — А ты купилась.

— Я купилась? — ушам своим не веря, рывкнула я.

— Конечно. Я вот Ромке настучу, он тебе мозги-то вправит.

— Только попробуй, — запаниковала я. — И что за глупости? Что значит купилась?

— А кто ему головушку на грудь положил?

— В минуту слабости.

— Вот-вот, сначала головушку на грудь, а потом и ножки на ширину плеч.

— Какие ты гадости говоришь, — ахнула я и совершенно неожиданно заревела. Опустилась на кровать, отвернувшись от Женьки, та тут же пристроилась рядом и тяжело вздохнула:

— Я гадости не для своего удовольствия говорю, а для твоей пользы. Потому что бабья натура мне очень хорошо известна. Ты ж Ромку правда любишь, наделаешь глупостей, а схитрить сообразительности не хватит, начнешь терзаться да каяться. А у него ума самый минимум, зато темперамент ого-го, и выйдет полное дерьмо: молилась ли ты на ночь, Дездемона. А вы мне люди не чужие, и я переживаю.

— Что это ты мужа моего дураком обзываешь? — обиделась я.

— Что это ты мужа моего дураком обзываешь? — обиделась я.

— Дурак не дурак, но и не больно умный, к тому же ревнивый и на тебе вконец помешался.

— Так что ж нам теперь, уезжать? — шмыгнула я носом.

— Если чувствуешь, что Руслан тебя зацепил — сматываемся. Это, я тебе скажу, такой психолог... А человек — дрянь.

— Он мне совсем не нравится, — заверила я. — Честно. Опять же ты за мной приглядишь. Правда, Женечка? Уж очень любопытство разбирает. Что-то тут не так.

— Это точно, — кивнула подружка. — Я тебе больше скажу... — В этом месте Женька метнулась к двери и толчком распахнула ее. Очам нашим предстала Олимпиада.

— Чаю подать? — как ни в чем не бывало, осведомилась она.

— Нет, спасибо, — улыбнулась Женька. — Мы уже ложимся. — И закрыла дверь.

Мы замолчали, прислушиваясь к шагам в коридоре. — К этой ведьме надо приглядеться, — перешла на шепот Женька. — А спать я у тебя лягу, — добавила она. — Так спокойнее будет. Ох, нечисто тут.

— Нечисто, Женя, нечисто, — согласно кивала я, торопливо раздеваясь.

Полночи мы зловещим шепотом строили предположения и уснули ближе к утру. Разбудил нас залихватистый лай Ника. Женька приподняла голову, взглянула на часы и чертыхнулась.

— Который час? — сонно спросила я.

— Шести нет, чего он растявкался?

Я перевернулась на другой бок с намерением продолжить сон, ожидая, что подруга поступит так же. Вместо этого Женька поднялась и прошлепала к окну. Постояла немного и шепотом позвала меня:

— Анфиса, иди-ка сюда.

С тяжким вздохом я присоединилась к Женьке. За окном, с моей точки зрения, не было ничего интересного, так что вскакивать ни свет ни заря вовсе не стоило. Сад, крепостная стена... Я попыталась обнаружить Ника и вскоре действительно увидела его, он носился возле зарослей. Тут я увидела еще кое-что, точнее, кого: Руслан, двое охранников, Олег и даже Мстислав шли цепью вдоль берега. Поначалу я решила, что они спятили, так как выглядело это, мягко говоря, необычно, а тут еще Ник бестолково метался от одного к другому.

— А ведь они кого-то ищут, — тихо сказала Женька. Я испуганно взглянула на нее, а подружка добавила: — Дождались, когда солнышко встанет, и пошли прочесывать остров.

— Смотри, — вздрогнув, сказала я, хватая Женьку за руку, — на стене, выходящей к озеру, появилась Олимпиада, она с не меньшим, чем мы, любопытством следила за мужчинами.

— А старушка переживает, — кивнула Женька, и тут проклятая ведьма, точно почувствовав, что за ней наблюдают, повернулась к нам. Мы с Женькой отпрянули от окна, но было поздно, Олимпиада нас наверняка заметила. Когда я опять выглянула в окно, старухи на стене уже не было.

Нас с Женькой так разбирало любопытство, что ни о каком сне больше не могло быть и речи.

— Пойдем-ка в кухню, — предложила я. — Попросим у ведьмы чаю, глядишь, узнаем что-то путное.

Мы спустились вниз и в кухне неожиданно для себя обнаружили хозяина. Он сидел с чашкой кофе возле окна и выглядел мрачнее тучи, однако при нашем появлении расцвел улыбкой.

— Я всегда думал, что молодые девушки любят поваляться в постели, а вы, оказывается, жаворонки.

— Нас разбудил Ник, — зашебетала Женька. — Мужчины отправились на охоту?

— Это очередная блажь Руслана, — отмахнулся хозяин. — Какая сейчас охота? Чай, кофе? Давайте я за вами поухаживаю.

— Спасибо, а где Олимпиада Назаровна?

— По делам хлопочет. Я, признаться, бессовестно эксплуатирую ее привязанность. Не знаю, что бы я без нее делал.

Мы выпили кофе. Старая ведьма так и не появилась.

— Лев Николаевич, — сказала Женька, — если уж мы поднялись так рано, может, не будем терять времени и приступим к работе?

— Похвальное рвение, — мягко улыбнулся он. — Что ж, я ничего против не имею.

— Простите, а можно мне поприсутствовать? — робко спросила я, надеясь, что на вопрос, заданный ангельским голоском, ответ может быть только положительным.

— Разумеется. — Лев Николаевич взял меня за руку и приложился к ней губами, глядя на меня с повышенной любезностью. — Боюсь, правда, что мои рассказы покажутся вам скучными.

— Вы такой интересный человек, — запела я. — Уверена, ваши рассказы произведут впечатление не только на меня.

— При условии, что Женечка с ее талантом и вкусом придаст им необходимую литературную форму. — Женечка раздвинула рот до ушей. В общем, вели мы себя как персонажи известной басни.

Получив милостивое разрешение остаться, я пристроилась в кресле возле окна, Женька сбежала в свою комнату и вернулась с диктофоном, а Лев Николаевич приступил к изложению. Вскоре меня постигло разочарование. Я-то надеялась узнать что-нибудь о старой ведьме, которая, наконец вернувшись, оставила дверь в кухню приоткрытой и явно подслушивала, но Лев Николаевич, рассказывая об истории своего рода, углубился основательно и сейчас подходил то ли к деду, то ли к прадеду. Рассказ оказался довольно занимательным, но сейчас меня интересовала совсем другая история, оттого я мысленно подгоняла Льва Николаевича, надеясь, что он вскоре родится и среди персонажей объявится его дражайшая няня. Однако через час я начала подозревать, что мы и через неделю не приблизимся к этому торжественному моменту.

Прошло часа полтора, когда хлопнула дверь черного хода, и вскоре в малой гостиной возник Руслан. Я сидела у окна, Женька в сторонке возле кофейного столика, а Лев Николаевич в кресле прямо напротив двери, оттого Руслан в первое мгновение нас не заметил и сказал хмуро:

— Все прочесали, чисто. — Тут взгляд его задержался на Женьке, он усмехнулся и добавил: — Охота была неудачной.

— Не сезон, — пожал плечами Лев Николаевич.

Руслан удалился, а он продолжил рассказ, но чувствовалось, что к работе наш хозяин охладел и вскоре предложил сделать перерыв, как видно, ему не терпелось побеседовать с Русланом. Тот в компании охраны и Олега пил кофе на кухне, Олимпиада заметно успокоилась и плотно закрыла дверь в гостиную.

Мы с Женькой вышли в сад, где и столкнулись нос к носу с Мстиславом. Он шарахнулся от нас в сторону, затем, точно опомнившись, заговорил о погоде, глаза его испуганно бегали, и по всему было видно, что человек страдает.

— Как прошла охота? — весело поинтересовалась Женька. Простой, казалось бы, вопрос поставил нашего собеседника в тупик.

— Охота? — переспросил он и вдруг побледнел: — Какая охота?

— Но вы ведь с утра на охоту ходили? — состряпав удивленную физиономию, заявила подружка.

— Ах да... знаете, я не любитель всех этих диких развлечений. Отправился вместе со всеми для прогулки, свежий воздух и все такое...

— Жаль, что мы не знали о ваших планах, — продолжала мучить его Женька, — а то бы с удовольствием составили вам компанию. — Мстислав пробормотал что-то невнятное, и мы наконец расстались. — Что скажешь? — спросила подружка.

— Дело представляется мне совершенно ясным, — увлеченно начала я. — Кто-то звонит Мстиславу, возможно, с угрозами. В тот же день я нахожу лодку, спрятанную в кустах, а затем мы с тобой сталкиваемся с таинственным типом в зарослях.

— Ты сталкиваешься, — перебила Женька. — Давай придерживайся истины. Я никого не видела.

— Зато я держала его за бороду, на что бы ты ни намекала. Отсюда вывод: человек, угрожавший Мстиславу, тайно прибыл на остров, и именно его, с трудом дождавшись рассвета, начали сегодня искать.

— Оно как будто бы так, да кое-что не складывается.

— Что не складывается? — нахмурилась я, лично для меня все было ясно, хоть сейчас садись и пиши детектив.

— Мстислав не хочет, чтоб о звонке узнал кто-то из его приятелей, оттого и побежал на лесную полянку, чтоб случайно не подслушали его разговор.

— Конечно, — кивнула я.

— Так если Мстислав о телефонном звонке промолчал, чего ж они тогда все испугались?

Я сидела на скамейке, хмуро глядя на Женьку, а она вздохнула:

— Сдается мне, наш Лев Николаевич не просто так выстроил замок на отдаленном острове. Чего-то дядя боится, точнее кого-то. Оттого и шарили по всему острову, лишь только услышали о лодке.

— Вот-вот, — подхватила я и тут же слабо ойкнула: — Это что ж получается? Человек, которого они боятся, шантажирует Мстислава, оттого он с утра сам не свой.

— Точно, — кивнула Женька. — Я же сразу сообразила: что-то тут затевается.

— Что затевается? — прошептала я.

— Не знаю, но ужас как мне интересно.

— Постой, — нахмурилась я. — А с какого бока тут Олимпиада? Ты же помнишь, как она вчера перепугалась, услышав о бородатом, меня дурочкой выставила, вроде бы мне все пригрезилось, а сегодня на стене торчала. Ведь неспроста.

— Олимпиадой следует непременно заняться. Хотя она Левина нянька и по идее должна любить его, как родное чадо. В этом случае ожидать от нее предательства как-то даже неприлично.

— А вдруг тут какая-то тайна? И человек, угрожающий Льву, ей не чужой?

— Олимпиадой следует непременно заняться. Хотя она Левина нянька и по идее должна любить его, как родное чадо. В этом случае ожидать от нее предательства как-то даже неприлично.

— А вдруг тут какая-то тайна? И человек, угрожающий Льву, ей не чужой?

— Классная версия, — порадовалась подружка. — Надо покопаться в истории семейства.

— В истории мы, возможно, и покопаемся, — вздохнула я, — но было бы здорово узнать, чего

это Левушка так боится. Или кого.

— Богатый человек со связями, врагов у него полно.

— И от них богатый и со связями прячется на острове?

— А что твой Ромка про него рассказывал?

— Ничего. Сказал только, что Лев Николаевич темная лошадка, и советовал держаться от него подальше.

— Так, может, позвонишь мужу...

— Ага, он решит, что мы опять расследование затеяли, и явится сюда на следующий день.

От этой перспективы Женька поежилась:

— Да, только Ромки твоего здесь и не хватало. Что ж, будем рассчитывать на свои силы.

Я согласно кивнула, ожидая, что подружка предложит план следственно-розыскных мероприятий, но у нее, как и у меня, с планами оказалось не густо.

— С наших подопечных глаз не спускаем и вообще будь повнимательней, — заявила она, а я кисло улыбнулась:

— Ладно.

Завтракали мы с Женькой в одиночестве, так как мужчины после «охоты» от кофе плавно перешли к приему пищи. Олимпиада, гремевшая кастрюлями на кухне, успокоилась и даже подобрела. Во всяком случае, на мое «спасибо за такой вкусный завтрак» сделала слабую попытку улыбнуться. Когда мы выходили из столовой, я заметила Любу. С полотенцами в руках она шла по коридору. Подмигнув Женьке, я направилась следом и вскоре обнаружила ее в одной из комнат. Дверь в нее была открыта, и, заглянув в нее, я сказала:

— Доброе утро.

— Здравствуйте, — поспешно ответила женщина, испуганно глядя на меня.

— Какая чудесная комната, — разулыбалась я, нагло вторгаясь на чужую территорию. — И вид из окна прекрасный. — Я осмотрелась и увидела букетик цветов в вазочке возле постели. — Комната занята? — невинно осведомилась я.

— Да... Русланом Аркадьевичем. — При этих словах женщина взглянула на букетик и густо покраснела. Выходит, Женька права: налицо большая любовь, мерзавец вскружил бедняжке голову, а потом потерял к ней всякий интерес.

— Чудесные у вас места, — не обращая внимания на томление Любы, которой не терпелось избавиться от моего общества, заговорила я. — Деревня так живописно расположена. Лев Николаевич говорил, ваш дом возле самого озера?

— Да, — кивнула Люба.

— А не страшно вам через лес ходить?

Вопрос неожиданно вызвал у нее замешательство.

— А я лесом и не хожу никогда. По берегу мне ближе.

— Там тропинка узкая, а берег крутой, в темноте опасно.

— Я заканчиваю в шесть, еще светло, да и привыкла, могу с закрытыми глазами идти.

— А вчера вы по темноте возвращались?

Женщина испуганно замерла, потом кивнула:

— Да.

— Это вас Олимпиада Назаровна научила так отвечать? — добавила я суровости в голос.

— С какой стати? — рассердилась женщина. — Я вчера задержалась.

— Вы лжете, — спокойно возразила я. — Я видела, как вы домой возвращались, было еще светло.

Трюк удался, Люба бросилась к двери, закрыла ее и, привалившись к ней спиной, зашептала:

— Олимпиада Назаровна велела, если спросит кто, сказать, что вчера допоздна задержалась, а на самом деле я ушла как обычно, в шесть. Вы уж меня не выдавайте.

— А вас кто-нибудь об этом спрашивал?

— Нет, — покачала она головой.

— Странно, что Олимпиаде Назаровне понадобилось заставлять вас лгать. Она не объяснила, зачем ей это нужно?

— Нет. И я не спрашивала. У нее не спросишь.

— А что она вообще за человек? — нахмурилась я.

— Строгая. Ее здесь все боятся.

— Все? — не поняла я. — Вы имеете в виду Льва Николаевича?

— Нет, — растерялась Люба. — Он ей все равно что сын. А вот наши местные...

— Пойдите, — не поняла я. — Разве Олимпиада Назаровна с кем-то из местных общается? Я думала, Лев Николаевич живет здесь недавно.

— Да что вы, — махнула рукой Люба. — Он, можно сказать, наш, местный. Этот дом год назад построил, а раньше здесь старый дом стоял, после пожара его снесли... И отец Льва Николаевича здесь жил, и дед.

— Олимпиада Назаровна тоже из местных?

— Она из лагерных, — перешла на шепот Люба. — Может, вы слышали, у нас повсюду лагеря были. А отец Льва Николаевича как раз здесь всем и командовал, в больших начальниках ходил.

— Очень интересно, — пробормотала я. — Послушайте, Люба, а нет ли в деревне у кого-нибудь лодки с надписью «Фаина» на борту?

— У наших точно нет. Может, кто-то с большой земли или с соседних островов порыбачить решил. Хотя у нас чужаки редкость... Вы ей не скажете? — помолчав, спросила она.

— Олимпиаде? Нет, конечно.

Люба отошла от двери, я выглянула в коридор и мысленно чертыхнулась, обнаружив в трех метрах от двери Олимпиаду. Не иначе как старая ведьма следит за мной.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила она.

— Просто немного хотелось поболтать с Любой, — выдала я беззаботную улыбку. — Жизнь островитян так романтична.

Олимпиада одарила меня тяжелым взглядом, а я бросилась искать Женьку.

Она прогуливалась по саду в компании Льва Николаевича.

— Анфиса, мы сейчас отправляемся в город, — сообщила она. — Лев Николаевич так любезен, катер в нашем полном распоряжении.

— Отлично, — кивнула я, хотя в настоящий момент мне было не до катера.

— Вы едете в город? — неожиданно появляясь из-за кустов, спросил Мстислав, старавшийся выглядеть беззаботным. — В такую погоду неплохо совершить прогулку. — Мне показалось или они со Львом Николаевичем в самом деле заговорщицки переглянулись? — Вы не против, если я составлю вам компанию? — спросил Мстислав, и мы с Женькой горячо заверили, что будем просто счастливы.

Через пятнадцать минут мы уже шли к пристани. Мне не терпелось выложить Женьке новости, но Мстислав не отходил от нас ни на шаг. Мало того, он и на катере пристроился рядом с нами и всю дорогу трещал, как сорока, распинаясь о местных красотах. В общем, в моей голове в конце концов созрела идея, что Мстислав приставлен к нам хитроумным Львом Николаевичем. Тут я вспомнила разговор между ним и Русланом, когда тот прозрачно намекнул, что мы явились сюда не просто так. Выходило, нас в самом деле в чем-то подозревают, только вот в чем?

Над этим я и ломала голову, время от времени выразительно поглядывая на Женьку. Она с увлечением слушала болтовню Мстислава до тех самых пор, пока катер не пристал к берегу. Здесь ему ненадолго пришлось заткнуться, но радость моя по этому поводу оказалась преждевременной, с Женькой я тоже не успела перемолвиться словом.

Договорившись с нашим капитаном, что вернемся часа через два, мы отправились по магазинам, и Мстислав, разумеется, с нами. Все мои сомнения отпали: он за нами приглядывает. Мы зашли в универмаг, где провели около часа, Мстислав терпеливо таскал за нами пакеты.

Возле секции дамского белья он замешкался, что дало нам возможность наконец-то уединиться. Мы прошли в примерочную кабину, и я сразу же зашептала:

— Олимпиада соврала, Люба ушла вчера как обычно, в шесть, и открыть калитку не могла.

— Ее мог открыть Олег или тот же Мстислав.

— О чем ты говоришь? — возмутилась я. — Ясно как день, здесь Олимпиада замешана. Иначе зачем ей заставлять Любу говорить неправду. К тому же она подглядывала со стены, когда обыскивали побережье, значит, боялась, что кого-то найдут. Это еще не все. Нашему хозяину остров не чужой...

— Он мне рассказывал, — кивнула Женька, пребывая в задумчивости. — Пока ты болтала с Любой, а старушенция за вами следила, я заглянула в ее комнату...

— В Олимпиадину? — не поверила я.

— Ну, там Наташка убиралась. Конечно, провести обыск по всем правилам не удалось, но кое-что я заметила.

— Что? — задыхаясь от волнения, прошептала я в преддверии страшной тайны.

— Насквозь промокшие туфли. Они стояли в ванной, убранные с глаз долой, а еще там сушилось платье.

— Ну и что? — разочарованно произнесла я.

— А ты подумай, — наставительно изрекла Женька. — Ты сообщила о лодке, и сегодня утром Руслан пытался ее отыскать. Безуспешно. Я спросила у Льва, не нашлась ли эта самая лодка, и он ответил «нет». Должно быть, ты что-то напутала.

— Черта с два я напутала. Лодка без весел с надписью «Фаина» на борту. Люба говорит, у них в деревне такой нет.

— Вот-вот. Вчера ты ее видела, в чем я ни секунды не сомневаюсь, а утром ее в зарослях не оказалось. При этом у старухи мокрая обувь и платье, Олимпиада разговор слышала, и ей ничего не стоило незамеченной покинуть дом, она здесь каждую тропинку знает. Но это еще не все. Типа, которого ты за бороду ухватила, парни, как известно, в зарослях не обнаружили. Далеко уйти он не мог, только по тропе, ведущей к дому. А если б он напролом полез, мы бы услышали. Так вот, куда он в этом случае делся?

— Спрятался в доме, — ахнула я.

— Точно, оттого бабуля так нервничала и ночью от лодки избавилась, чтобы утром ее не смогли найти и дружно решили, что ты все выдумала с перепугу.

— Она пожилой человек, как, по-твоему, она от лодки избавилась? — усомнилась я.

— Бабулька выглядит на редкость крепенькой, а если она на этом острове жила не один год, то с лодками обращаться умеет.

— Но тогда получается, она на стороне врагов Льва Николаевича, — не унималась я.

Довод произвел впечатление.

— Да, — протянула Женька. — Не очень складывается. Хотя, может быть, между ней и хозяином особой любви и нет.

— А нам-то что делать? — вздохнула я.

— Откуда я знаю? Следить за развитием ситуации. Провалиться мне на этом месте, если вскоре здесь что-нибудь не произойдет.

— Но не можем мы...

— Можем. Ты что, предлагаешь идти с этими мудрыми мыслями к нашему хозяину? Ко всему прочему я вовсе не уверена, что Лев Николаевич в этой истории персонаж положительный. Тут надо действовать осторожно. — В этот момент в кабину робко заглянула продавщица, и мы с подружкой сообразили, что нам пора отсюда выметаться.

— А этот Мстислав следит за нами, — торопливо шепнула я. Женька согласно кивнула, и тут выяснилось, что Мстислава возле кассы нет.

— Куда он делся? — удивилась Женька. Мы повертели головами и обнаружили рядом с примерочной кабинкой проход в другой отдел. — Этот хмырь наверняка заподозрил неладное, — нахмурилась Женька. — Уж очень долго мы в кабинке задержались, наверное, решил, что мы смылись. Теперь наступит хозяину...

Мы еще постояли немного у кабинки, а потом прошлись по универмагу, высматривая своего стража. Времени на это мы потратили предостаточно. На первом этаже был кафетерий, и мы забрели туда. Девушка скучала у стойки, человек пять сидели за столиками. Я устроилась возле окна с намерением выпить чашку чая, надеясь успокоиться и привести мысли в порядок, и тут мой взгляд упал на лицо молодого человека за соседним столом. Знакомых у меня здесь точно не было, и все же мы с ним где-то встречались. Парень, мазнув по мне равнодушным взглядом, уставился в окно. Тут подошла Женька и удивленно воскликнула:

— Привет, вот так встреча.

И я тут же узнала парня. Именно он подвозил нас в Питере, когда мент Саша столь необычным способом нас покинул.

— Привет, — хмуро отозвался парень. Посмотрел на нас и вдруг заулыбался: — Девчонки, а вы здесь какими судьбами?

— Отдыхаем. Мы ж в эти места и направлялись, да вот у нас машину свистнули, пришлось продолжать путешествие без нее.

— Машину нашли?

— Какое там...

— Значит, отдыхаете? Как вам здешние достопримечательности? На Валааме были?

— Нет, только собираемся.

— Обязательно посетите.

— А вы тоже отдыхаете? — вклинилась я в разговор.

— Как сказать... Не совсем отдыхаю...

Женька, взяв наш чай, пересела к парню, и я последовала ее примеру.

— Мы в прошлый раз познакомиться не успели, — заявила подружка. — Я Женя, это Анфиса.

— Очень приятно. Юра. Может, выпьем за встречу?

Не успели мы ответить, как в кафетерии появился Мстислав, нагруженный нашими пакетами. Не знаю, как бедняга держался на ногах, губы его дрожали, взгляд затравленно метался, должно быть, парень здорово расстроился, что потерял нас. Еще бы, хозяйское задание не выполнил.

— Мстислав, где же вы пропадали? — воскликнула Женька. — Мы вас по всему универмагу ищем.

— Я... я тоже вас искал, — ответил он, косясь на Юру.

— Это Юра, а это Мстислав.

— Очень приятно.

— Присаживайтесь, — предложила Женька.

— Боюсь, у нас нет времени, — стоя столбом, заявил адвокат.

— Чашку чая выпить мы успеем.

От чая Мстислав отказался и вообще здорово нервничал. Возможно, по этой причине беседа не клеилась, и мы, допив свой чай, простились с Юрой.

Вместо того чтобы успокоиться, вновь обретя нас, Мстислав стал нервничать еще больше. На вопросы отвечал невпопад, и как-то чувствовалось, что мысли его далеки от универмага и наших покупок.

В этот момент Женька увидела парикмахерскую.

— Мне надо сделать маникюр, — безапелляционно заявила она, и я поддержала подружку, потому что и мне маникюр был необходим. Совершенно неожиданно Мстислав не стал возражать, хотя несколько минут назад ратовал за скорейшее возвращение на катер. Мы оставили его с покупками, а сами устроились в креслах по соседству друг с другом.

— А я знаю, отчего он так занервничал, — заявила Женька, когда от моей левой руки девушка перешла к правой.

— Потому что нас потерял, — кивнула я.

— Само собой, а еще потому, что у нас здесь обнаружился знакомый. С точки зрения хозяина, очень подозрительная встреча.

— О господи, — всполошилась я.

— Вот тебе и господи. Надо опередить Мстислава и самим рассказать об этой встрече, ненавязчиво и как бы между прочим.

Я выглянула в холл, где ожидал Мстислав, но, к своему удивлению, его там не обнаружила. Впрочем, он мог пересесть в другое кресло, и теперь его просто не видно.

— Как думаешь? — немного поразмышляв, спросила я. — Он все еще в доме?

— Кто?

— Сама знаешь кто.

— Думаю, в доме. Как ни крути, а это самое безопасное место. В дурацком замке столько комнат. Валера говорил, что и подземелье есть, спрятать там человека — левое дело. Самый простой способ — понаблюдать за старухой. Вот этим ночью и займемся.

— Почему же ночью? — слегка запаниковала я.

— Потому что ночью ей легче всего с ним встретиться. Ночью люди спят, а если бабушку кто и застучит в коридоре, она всегда может сослаться на бессонницу, почудилось что-то, вот и пошла двери проверить.

— А как же охрана? — забеспокоилась я.

— А что охрана? Поди, дрыхнут ночи напролет.

Меня Женькины слова почему-то не успокоили, если люди ожидают неприятностей, то по ночам дрыхнуть не должны, ведь логичнее предположить, что ночью неприятности скорее всего и явятся. Я задумалась, но при всем обилии мыслей мне ни разу не пришла в голову самая простая: а на кой черт нам с Женькой все это надо? К примеру, следить за старухой? Женьку такая мысль тоже не озарила. По ее лицу было видно: она разрабатывает план ночной операции.

Расплатившись, мы покинули зал и нашли свои пакеты, оставленные без всякого присмотра. Только я решила возмутиться, как заметила Мстислава, который курил, стоя на крыльце. Увидев нас в окно, он вернулся, и мы направились к пристани.

Теперь наш страж выглядел спокойнее, хотя был по-прежнему рассеян. Путешествие прошло без приключений, и домой мы прибыли как раз к обеду. За столом Женька весело сообщила:

— Представляете, мы в кафетерии встретили знакомого. Вот уж действительно мир тесен.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Лев Николаевич. — Летом в этих местах тысячи туристов.

Мы с Женькой переглянулись и тему оставили. Ясно было, что встреченный нами знакомый хозяина не заинтересовал, а может, Мстислав сумел-таки опередить нас, и Лев Николаевич в случайность встречи так и не поверил. В общем, оставалось только гадать, что они там об этом думают.

Я немного нервничала и не могла дождаться конца обеда, чтобы обсудить ситуацию с Женькой. Но как только мы поднялись из-за стола, подружка удалилась в хозяйский кабинет работать, а я принялась наблюдать за Олимпиадой, но тоже без всякого толка, она практически не выходила из кухни. Разозлившись, я покинула дом, и тут в голову мне пришла идея: следует поискать лодку. Если Женька права, Олимпиада ее утопила. Это самый простой способ избавиться от нее. Лодку спрятать не так просто, а в том, что Руслан с охраной искали весьма тщательно, я не сомневалась.

Мысль показалась мне удачной, я вернулась к себе, переделалась в приобретенный купальник и

вновь покинула дом. Навстречу мне выскочил Ник, и я позвала его с собой. Мысль о встрече с неизвестным слегка пугала меня, а от Ника, судя по всему, толку мало.

По тропинке мы спустились к озеру и зашагали к зарослям, то есть шагала, конечно, я, Ник веселился от души, описывая вокруг меня круги. Тут выяснилось, что к зарослям, где была укрыта лодка, пройти вдоль берега не так-то просто, этому препятствовал дурацкий ров вокруг дома, в этом месте довольно глубокий, пришлось подниматься к броду, что я и сделала. Вот тогда-то мне в голову и пришла догадка: следы вели от озера в одну сторону по простой причине — бородач не рискнул воспользоваться бродом и данное расстояние переплыл, а уж потом через заросли направился к калитке. Вряд ли его кто-нибудь мог заприметить, не реши мы с Женькой искупаться. Да, вся наша жизнь сплошные случайности.

Путь до лодки показался мне значительно длиннее, чем в прошлый раз, а может, так оно и было в действительности. Тогда я шла через лес, напрямую, а теперь огибала остров. Идти по камням было неудобно, и я стала подумывать, что, может, следует подняться к дороге? Пока я размышляла над этим, успела выйти к зарослям, где видела вчера лодку. На месте ее не оказалось, что меня не удивило. На всякий случай облазив все заросли, получив многочисленные царапины на руках и ногах, я выбралась на берег, огляделась и не спеша вошла в воду.

Путь до лодки показался мне значительно длиннее, чем в прошлый раз, а может, так оно и было в действительности. Тогда я шла через лес, напрямую, а теперь огибала остров. Идти по камням было неудобно, и я стала подумывать, что, может, следует подняться к дороге? Пока я размышляла над этим, успела выйти к зарослям, где видела вчера лодку. На месте ее не оказалось, что меня не удивило. На всякий случай облазив все заросли, получив многочисленные царапины на руках и ногах, я выбралась на берег, огляделась и не спеша вошла в воду.

Проплыв метров двадцать, я набрала в грудь воздуха и нырнула, а потом ныряла почти непрерывно в течение получаса. Вода в озере отличалась прямо-таки невероятной чистотой, и даже на приличной глубине видимость была прекрасной, но ничего похожего на лодку я обнаружить не смогла.

Я почти отчаялась и направлялась к берегу, нырнула еще раз, скорее для очистки совести, и вот тогда-то и увидела лодку. Она лежала на дне, метрах в пятнадцати от берега, левее того места, где я заходила в воду. Дно лодки было пробито, а на корме громоздилась груда камней. Вне всякого сомнения — лодку утопили.

Я вынырнула и легла на спину, испытывая нечто похожее на счастье: я была права, и Женька, скорее всего, тоже. Услышав о лодке, Олимпиада ночью незаметно выбралась из дома и избавилась от нее. Вопрос: зачем она это сделала? Разумеется, для того, чтобы мой рассказ выглядел неправдоподобным. Следовательно, человек, которого я держала за бороду, ей близок и она не желает, чтобы о нем узнал хозяин. Тут все более-менее ясно. А вот с какой стати этот бородач прячется? Что у них тут за странные дела творятся?

Я собралась плыть к берегу, когда услышала голос Руслана.

— Ищешь лодку? — спросил он, сидя на большом валуне и щурясь на солнце.

— Ищу, — ответила я, так как врать было бы глупо.

— Ну и как, нашла?

— Нет, но я не теряю надежды.

К этому моменту я уже выбралась на берег. Руслан подошел ко мне, протянул полотенце и даже растер мне спину. Прodelал он все это вполне по-дружески, так что повода возражать у меня не было. Я устроилась на валуне, где недавно сидел он, кутаясь в полотенце, с намерением побыстрее согреться. Я поискала глазами Ника, но его и след простыл. Руслан опустилсь возле моих ног, нацепил очки от солнца и, глядя вдаль, поинтересовался:

— А зачем?

— Что? — не поняла я.

— Зачем ты ее ищешь?

— Я хочу быть уверена, что не спятила. Ваша Олимпиада вела себя так, точно я все выдумала, а я не выдумала, я видела лодку без весел, а еще держала этого типа за бороду.

— Лодку угнали из поселка. «Фаина», кажется, — кивнул Руслан.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я, переход на «ты» произошел как-то сам собой, а теперь переигрывать ситуацию было уже поздно.

— Я послал Сашу поспрашивать местных, полчаса назад он позвонил, лодка пропала несколько дней назад. Хозяин очень сердит и при этом теряет в догадках. Грешит на туристов, у местных воровство вещь редкая.

Слушая Руслана, я прикидывала, стоит ли сообщать о том, что лодка лежит на дне в нескольких метрах от нас. По здоровом размышлении поостереглась сообщить об этом. Прежде чем принимать чью-то сторону, не худо бы разобраться, что здесь происходит. А если его интересует лодка, пусть сам немного поныряет. В общем, я промолчала.

Мы разглядывали окружающий пейзаж, наконец я не выдержала и спросила:

— Вы сегодня искали этого типа?

— Конечно, — кивнул Руслан, не выразив никакого удивления моей проницательности.

— Кто это может быть? — набравшись наглости, вновь спросила я, уверенная, что отвечать он не пожелает или отделается ничего не значащими словами. Руслан помолчал немного и заявил:

— Не знаю, но, если человек угоняет лодку, а потом прячется, это неспроста. Верно?

— Допустим. Но почему вы решили, что это имеет какое-то отношение к вам?

— Может, и не имеет. Но мы хотели быть уверенными в этом. У Льва Николаевича, как у каждого влиятельного лица, много врагов.

— Ему угрожали?

Руслан взглянул на меня из-под очков и кивнул:

— Угрожали.

— Поэтому он предпочел жить на острове?

— Он считает, что здесь безопаснее.

— А ты так не считаешь?

Руслан пожал плечами:

— Почему... в каком-то смысле... Разумеется, за высокими стенами не отсидеться, но на острове чужаки сразу же бросаются в глаза.

— Да, я понимаю. Нас с Женькой тоже подозревают?

Руслан засмеялся:

— Лично я не очень верю, что вы каким-то образом связаны с этими людьми. Если вас и используют, то вы об этом скорее всего сами не догадываетесь.

Тут я вспомнила, что именно Руслан говорил Льву Николаевичу о том, что мы у него в гостях появились не случайно, и хмуро взглянула на собеседника, заподозрив его в неискренности, но спросила совсем другое:

— Как можно использовать человека, чтобы он об этом не догадывался? — Руслан усмехнулся, а я подумала об адвокате: — Мстислав донес хозяину о нашей встрече в кафе?

— Что? — вроде бы не понял Руслан, но я ему не очень-то поверила.

— Сегодня Мстислав от нас не отходил ни на шаг и страшно нервничал, когда мы случайно потерялись в универмаге. Потом мы встретили знакомого, он нас в Питере на машине подвозил, и Мстислав, увидев нас, едва в обморок не упал, наверное, боялся, что пропустил что-то интересное. Не знаю, что он наболтал хозяину, но с парнем мы едва знакомы. То есть познакомились лишь сегодня и то... В общем, использовать нас он никак не может, что бы там Мстислав ни наплел.

Руслана мое сообщение очень даже заинтересовало, и он подробно принялся выпрашивать, как мы потерялись, как мы потом искали Мстислава и как нашли, ну и про Юру тоже спрашивал, тут я его особо порадовать не могла. Сама ничего о нем не знала. В какой-то момент я вдруг сообразила, что адвокат интересуется Руслана гораздо больше, чем наша встреча с Юрой, и насторожилась. Что-то тут не так.

— Будешь искать лодку? — спросил Руслан.

— Нет, пожалуй, — ответила я.

— И правильно, — кивнул он. — Мы могли бы просто позагорать. Как ты, согрелась?

Конечно, я бы предпочла остаться в одиночестве, но Руслан вел себя безупречно, и повода послать его к черту у меня так и не возникло.

Мы очень мило провели время до самого ужина и в замок возвращались вместе. Возле моста я увидела Женьку. Она одарила нас весьма хмурым взглядом, а я ни с того ни с сего покраснела, хотя чего бы мне стыдиться, скажите на милость? Я пошла к себе переодеваться, и подружка, разумеется, со мной.

— Я нашла лодку, — заявила я, — а Руслан сообщил, что ее несколько дней назад украли из поселка, который находится на большой земле. Значит, кому-то понадобилась лодка, чтобы попасть на остров.

— Вот-вот. Воспользоваться катером он не пожелал. Впрочем, катера здесь редкость, раз в неделю привозят продукты.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я.

— Ты что, забыла? Я пишу биографию Левушки, а она тесно связана с островом.

— Он наконец родился?

— Нет, пока наш папа даже не нашел себе дражайшую половину.

— Значит, про Олимпиаду ничего нового?

— Ничего. А ты смогла подружиться с Русланом?

— Он вел себя вполне прилично.

— Не сомневаюсь. Только не расслабляйся, такие, как он, если что-то делают, то всегда неспроста.

— Думаешь, нас подозревают?

— Конечно, только вот не знаю в чем.

— Мне кажется, они ждут киллера, — покусав губу, заявила я. — Так прямо Руслан не высказался, но дал понять: у Льва Николаевича полно врагов и ему угрожали.

— Это что ж выходит, в кустах киллер сидел? — нахмурилась Женька.

— Я понимаю, как глупо это звучит, но ведь кто-то там сидел, и Руслан с охраной зачем-то остров прочесывали?

— Тоже верно, — кивнула подружка.

— А лодку утопили. Я нашла ее с пробитым дном. Думаю, ты права, это Олимпиада.

— И она помогает киллеру? — Мы дружно замолчали, уставившись друг на друга. — Чем же ее воспитанник допек? — не удержалась Женька.

— Да, что-то тут не так... И вот еще: может, у меня вовсе крыша поехала, но Руслана очень заинтересовало поведение нашего адвоката.

— То есть он и его подозревает? — не поверила Женька.

— А почему бы и нет?

— Но ведь мы решили, что он к нам специально приставлен хозяином.

— Решили. А могло быть совсем наоборот. Может, не мы случайно потерялись, а он, для того чтобы встретиться с человеком, звонившим ему по телефону. Вот он и нервничал, опасаясь, что

мы увяжемся за ним и узнаем об этой встрече.

— Пстой-ка, — ахнула Женька, опускаясь на мою кровать. — У нас есть предполагаемый киллер, тайно проникший на остров, и есть Мстислав, которого шантажируют по телефону, значит...

— Ничего не значит, — вздохнула я, — потому что есть еще Олимпиада. Если она помогает киллеру, то Мстиславу легче встретиться с ним на острове, например, в том же самом доме, где он предположительно прячется, то есть где его прячет Олимпиада. А он зачем-то едет с острова... нет, что-то не клеивается.

— Сведений мало, — поморщилась Женька, — а то бы непременно склеилось. Да, такие дела вокруг, а мы до сих пор без трупа, — добавила она несколько невпопад. Я испуганно перекрестилась, а подружка продолжила: — Сегодня ночью как следует осмотрим этот вертеп. Авось и обнаружим что стоящее.

После ужина Лев Николаевич с Женькой вновь уединились в его кабинете, решив еще немного поработать. Заняться мне было совершенно нечем. То есть планы у меня были, и даже весьма обширные, но для их осуществления требовалось, чтобы все обитатели как минимум разбрелись по своим комнатам. Поразмыслив, я отправилась в библиотеку с намерением как следует ее осмотреть (если честно, я питала надежду, что смогу обнаружить там нечто, способное помочь мне разгадать семейные тайны).

Библиотека была огромной, вдоль стен до самого потолка стояли книжные полки, плотные шторы на стрельчатых окнах, в центре — письменный стол чудовищных размеров, несколько кресел, небольшие столики с лампами на них. В целом библиотека напоминала читальный зал какого-нибудь университета.

Подбор книг поставил меня в тупик, выходило, что никакого подбора вовсе не было или хозяин читал все подряд. Русская классика, зарубежная классика, современная литература, книги по истории, фантастика и даже парочка любовных романов. В конце концов я решила, что Лев Николаевич старался для гостей, любой мог выбрать книгу на свой вкус.

Я достала том по истории мальтийского ордена и устроилась с ним в ближайшем кресле. Не успела я прочитать и десятка страниц, как дверь библиотеки скрипнула и кто-то вошел. Я обернулась и увидела Мстислава. Не замечая меня, он прошел к столу, где лежали газеты, устроился точно в таком же кресле, что и я, и стал читать, а я принялась размышлять, стоит ли мне хоть как-то намекнуть на свое присутствие. Элементарные правила вежливости как раз этого и требовали, с другой стороны, что-то подсказывало мне — Мстислав не просто так устроился в библиотеке, он кого-то или чего-то ждет. Скорее всего звонка. Мне очень хотелось знать о предмете разговора, но если он меня все-таки увидит... Он не обратил внимания на меня, так почему я должна обращать внимание на него? Так-то оно так, но если Мстислав вообразит, что я подслушиваю... «Свидетели долго не живут», — напомнила я себе печальную истину и поежилась.

Я продолжала изводить себя сомнениями, а время шло. Мстислав шуршал газетой и даже что-то насвистывал, в общем, вел себя как человек, решивший немного отдохнуть после ужина. Я уже совсем было подумала, что напрасно теряю время (точнее, нервы: в ожидании раскрытия страшной тайны я сидела как на иголках), как он вдруг странно пискнул, а потом пробормотал в отчаянии:

— Боже мой... — Я замерла, вжавшись в кресло, а Мстислав повторил: — Боже мой... — И

добавил: — Да он сошел с ума. — И бросился вон из библиотеки.

Оставив все сомнения, я кинулась за ним. Мстислав торопливо шел по длинному коридору, не оборачиваясь и совершенно не обращая на меня внимания. Я время от времени замирала возле какого-нибудь окна, делая вид, что люблю пейзажем. Я ожидала, что Мстислав направится в кабинет Льва Николаевича, и очень надеялась, что Женька все еще там и найдет способ подслушать предстоящий разговор. Но до кабинета Мстислав так и не дошел, одна из боковых дверей распахнулась, и появился Олег. Тут выяснилось, что Мстислав как раз к нему и направлялся, по крайней мере он заявил, увидев его:

— Я ищу тебя. — Тот пожал плечами, точно не понимая, с какой стати его кому-то понадобилось искать. Я в это время спряталась за скульптурой, изображающей то ли Афродиту, то ли просто даму с роскошными формами, скульптур в доме было в избытке, их размеры говорили о богатстве хозяина, да и явная польза от них была, раз я смогла укрыться в тени богини. Конечно, если парни начнут вертеть головами, то обнаружат меня. Еще больше я боялась, что оба скроются в комнате, и тогда я точно ничего не увижу и не услышу.

Олег приглашать гостя к себе не стал, равнодушно спросил:

— В чем дело?

А Мстислав сунул ему под нос газету:

— Ты это читал?

Олег повертел газету в руке, прошел к окну и стал читать, а Мстислав нетерпеливо пританцовывал рядом.

— Он что, спятил? — не выдержал он. — Неужели он... Господи, он хоть понимает...

— Ты с ума сошел? — сказал Олег, и в голосе его звучало неподдельное удивление. — Что за глупость пришла тебе в голову?

— Но... ведь они не ладили в последнее время, и он был зол, разве нет?

— Мстислав, — вздохнул Олег, — у тебя странные фантазии.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что к нам это не имеет никакого отношения.

— Но ведь к нему приезжали из милиции. Значит, его подозревают.

— Что за чушь? То, что здесь появилась милиция, вполне естественно, раз они долгое время были близки.

— Так ты знал о том, что произошло?

— Удивительно, что об этом не знал ты. Ни одна питерская газета не оставила без внимания это событие.

— Ты уверен...

— Я абсолютно уверен. И ради бога, не забивай голову разной ерундой, у тебя что, дел нет?

Мстислав немного помолчал и кивнул.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, ты меня успокоил. Не знаю, что нашло на меня. Должно быть, в самом деле нервы. — Мстислав еще раз кивнул и зашагал дальше по коридору, а Олег продолжал стоять у окна с газетой в руке. Он проводил приятеля взглядом, затем некоторое время смотрел в окно, постукивая газетой, пробормотал: «Черт!», — швырнул газету на подоконник и вернулся в свою комнату. Правда, через минуту вновь покинул ее, к этому моменту и я покинула свое убежище и, столкнувшись с Олегом в коридоре, с милой улыбкой спросила:

— Кажется, где-то здесь находится библиотека?

— Решили немного почитать? — спросил Олег, в его голосе не слышалось ни малейшего намека на волнение.

— Да... Я привыкла читать перед сном.

— А как насчет прогулки?

— С удовольствием.

— Тогда через полчаса встречаемся в холле. — Он довел меня до дверей библиотеки, улыбнулся и напомнил: — Через полчаса. — После чего скрылся, а я, с трудом выждав пару минут, бросилась назад по коридору.

Газета все еще валялась на подоконнике. Я вернулась в библиотеку, схватила книгу, которую до этого читала, несколько газет со стола и прошмыгнула в свою комнату. Следом за мной появилась Женька.

— Работу закончили? — спросила я.

— Ну... А чего это у тебя такой вид, будто ты столкнулась с привидением?

— Ты видела Олега? — не обращая внимания на слова подружки, спросила я.

— Сейчас? Да. Он зашел ко Льву Николаевичу по какому-то делу. А что?

Я вкратце поведала Женьке о своих подвигах и сунула ей в руки газету.

— Разгадка здесь, — заявила я, очень довольная собой.

Мы устроились на кровати, пожирая взглядом печатный лист.

— Это точно на этой странице? — насторожилась Женька.

— Она была свернута вот так, значит, здесь.

К нашему величайшему разочарованию, разгадкой и не пахло. Скорее одной загадкой прибавилось. Газета была санкт-петербургской, трехдневной давности, открыта на пятой странице. Само собой, нас прежде всего заинтересовала криминальная хроника. Убийства, дорожно-транспортные происшествия, пожары. Ничего особенного. Внизу статья, посвященная общественным туалетам в городе, где ежедневно тьма-тьмущая туристов, проблема вывоза отходов и... и больше ничего. Отходы и туалеты мы отметили сразу, как-то не верилось, что они могли взволновать Мстислава. Значит, криминальная хроника. Промучившись минут двадцать,

мы выделили четыре сообщения: пожар в квартире пенсионера К. в результате неосторожного обращения с огнем (К. погиб), перестрелка на Почтамтской, три трупа, среди них человек с криминальным прошлым и два охранника, исчезновение солистки музыкальной комедии (вышла из театра неделю назад, и с тех пор ее никто не видел) и убийство антиквара, совершенное с особой жестокостью (исчезла коллекция монет и ювелирные изделия). Я предложила оставить только ювелира и расстрелянного типа с криминальным прошлым (настоящему меня заинтересовал только тип: это событие как нельзя более подходило к разговору, происшедшему между Мстиславом и Олегом, но и антиквар, на худой конец, сгодится), но Женька настояла на том, чтобы оставить сгоревшего К. и исчезнувшую солистку (остальные преступления были раскрыты по свежим следам, так что интереса для нас не представляли).

— У такого типа, как наш Левушка, — сказала Женька, — должны быть большие связи среди антикваров, дом буквально набит ценностями.

— Оттого он и убил одного из них? — съязвила я.

— Почему бы и нет? Допустим, тот не захотел продать ему что-то.

— Монеты?

— Откуда нам знать, может, Лева просто помешан на монетах? — Тут я вспомнила, что в холле меня ждет Олег, и бросилась к двери.

— Я с тобой, — заявила Женька. — Лучше держаться вместе, когда тут творятся такие дела.

— Какие? — пробормотала я, с тоской подумав, что дурацкая газета никакой пользы в раскрытии местных тайн не принесла. Женька только рукой махнула.

— Какие? — пробормотала я, с тоской подумав, что дурацкая газета никакой пользы в раскрытии местных тайн не принесла. Женька только рукой махнула.

Олег действительно ждал в холле.

— Я решила составить вам компанию, — разулыбалась Женька. Едва мы покинули дом, как возле моста увидели Руслана в компании Ника.

— Прогулка перед сном? — спросил Руслан, когда мы приблизились.

— Хотите с нами? — предложила Женька. Он кивнул.

Гуляли мы часа полтора, любовались красотами, пока окончательно не стемнело. Прогулка получилась приятной, но для нашего следствия совершенно бесполезной. Об истории острова спутники знали не больше нашего, привязанность к нему Льва Николаевича называли блажью, и беседа в основном свелась к комплиентам в наш с Женькой адрес. Однако, когда мы проходили по тропинке над озером, меня не покидало чувство, что Руслану очень хочется спихнуть меня вниз, и я была счастлива, что мы покинули опасное место.

Мужчины проводили нас до дверей комнат, и Руслан даже поцеловал мне руку на прощание. Женька перебралась ко мне. Мы выключили свет и затаились. Просидев в темноте и безмолвии часа два и изрядно намучившись, мы наконец рискнули покинуть свое жилище.

В доме царила тишина. Третий этаж тонул в темноте (в этом крыле жили лишь мы с Женькой), и к лестнице пришлось пробираться буквально на ощупь. На втором этаже горел светильник, стилизованный под факел, толку от него было немного, но мы смогли благополучно спуститься на первый этаж. Здесь светильники горели вдоль всего коридора, но и это нам не понравилось, полумрак был для нас предпочтительнее. Мы заранее условились: если нарвемся на кого-то из обитателей, будем нагло врать, что услышали шум и пошли посмотреть, в чем дело, раньше времени не поднимая тревогу. В свете последних событий это вполне могло сойти за правду.

Первым делом проверили, нет ли в доме Ника. Оказалось, что нет. В окно я видела, как пес сидит перед дверью в сад и с интересом что-то рассматривает на противоположной стене. На всякий случай я тоже уставилась в том направлении — стена как стена, ни на ней, ни возле нее ничего подозрительного, может, она просто нравилась Нику. В общем, я отлепилась от окна и вернулась к Женьке. К моему величайшему удивлению, я обнаружила в руках подружки фонарик.

— Откуда он у тебя? — прошептала я с удивлением.

— Сегодня утром заметила его в кухне, в шкафу лежал.

— А зачем нам фонарик? — проявила я интерес. Освещения, с моей точки зрения, было более чем достаточно.

— Как ты собираешься идти в подвал без фонарика?

Я поежилась: если честно, в подвал идти очень не хотелось, но сознаться в своей трусости было неловко, раз Женька ни капельки не боится, и я только вздохнула, но тут в голову мне пришла удачная мысль.

— Что мы хотим найти? — прошептала я.

— Как что? — удивилась Женька. — Типа, которого ты держала за бороду.

— Вот-вот, а если Олимпиада прячет его в своей комнате?

— Не будешь же ты обыскивать комнату, когда там спит хозяйка? — нахмурилась Женька.

— Но мы могли бы послушать. Вдруг они разговаривают? Днем это для них опасно.

— А еще она должна его кормить, — согласилась подружка, и мы направились в другое крыло дома, где жила Олимпиада. При мысли, что мы можем столкнуться со старой ведьмой, я опять-таки поежилась. Однако в доме царила такая тишина, что я была уверена: обитатели его крепко спят, не считая нас с подружкой. Это придавало мне бодрости, и я зашагала веселее. К тому же подвал, судя по всему, отменялся, что тоже вселяло оптимизм.

Коридор, куда выходила дверь Олимпиадиной комнаты, тонул в полумраке. Мы осторожно приблизились. Из-за двери не доносилось ни звука. Постояв так минут двадцать, мы переглянулись, я пожала плечами, а Женька нахмурилась. Конечно, возвращаться ни с чем обидно, но лично я не видела никакого смысла в том, чтобы торчать под дверью всю ночь.

В общем, я начала пятиться от двери, и тут произошло нечто ужасное: Женька оступилась, налетела на меня плечом, а я от неожиданности уперлась плечом в дверь, а та взяла и открылась.

Первым моим желанием было бежать отсюда сломя голову, и я непременно поддалась бы порыву, не схвати меня Женька за руку. Я зажмурилась, стараясь не дышать, и тут сообразила: в комнате неправдоподобно тихо. Даже если человек спит, он все равно издает какие-то звуки, на худой конец, просто дышит.

— Никого, — испуганно шепнула Женька, а я открыла глаза и первым делом убедилась, что кровать не только пуста, но и тщательно заправлена. Не похоже, что Олимпиада сегодня ложилась. Я обшарила взглядом комнату. Луна заглядывала в окно, и рассмотреть предметы можно было без помощи фонарика. — Ее здесь нет, — шепнула подружка, а я отчаянно замотала головой, призывая ее к молчанию и ткнула пальцем в направлении двери, судя по всему, ведущей в ванную. Правда, оттуда тоже не доносилось ни звука, так что сомнительно, что Олимпиада решила принять ванну в столь поздний час. — Стой здесь, — шепнула Женька и отважно шагнула в комнату, а я попробовала посмотреть сразу в оба конца коридора и отчаянно застучала зубами. Женька, которая однажды уже побывала здесь, неплохо ориентировалась. Она заглянула в ванную, которая, к счастью, оказалась пустой, и приступила к обыску. Не знаю, что она надеялась найти, мои силы целиком ушли на то, чтобы не грохнуться в обморок в самый неподходящий момент, оттого я не сразу поняла, что держит в руках Женька, когда она подскочила ко мне. — Взгляни сюда, — шепнула подружка. — Как думаешь, на кой черт старухе мужская пижама? — И в самом деле, в руках у Женьки была пижама, старенькая, застиранная, в настоящий момент довольно грязная, с разными пуговицами и обтрепанными манжетами.

— Идем отсюда, — взмолилась я, меньше всего способная в ту минуту думать о пижамах.

— Она была спрятана в ванной, в грязном белье, — хмуро сообщила Женька и добавила: — Все-таки это странно.

— Мы уходим? — робко спросила я.

— Надо найти старуху, — кивнула Женька, вернула пижаму на место, вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Мне сразу же сделалось легче дышать, более того, я вроде бы даже начала соображать.

— Где мы будем ее искать? — ворчала я. — В этом дурацком замке полно комнат плюс подвал и еще сколько угодно всякого дерьма, о котором мы даже не подозреваем. Чем рыскать наугад, лучше завтра проследить за Олимпиадой.

— Лучше-то оно лучше, — вздохнула Женька, — только вот сделать сие не так просто. Сдается мне, бабка покруче Штирлица, такая враз заподозрит неладное.

— Старухи нет в комнате, логично предположить, что она отправилась к этому типу, — не унималась я, мало обращая внимания на слова подружки. — Если она покинула дом, то ясно, что не через центральный вход. Сколько дверей в доме?

— А мне откуда знать? — вытаращила глаза подружка. — Есть дверь с кухни, дверь в сад, больше не видела.

— Надо пройти по всему дому и проверить.

И мы отправились по коридору. Первым делом проверили дверь, выходящую из кухни. Она была заперта на засов, так же как и дверь в сад. Мы прошли дальше и вскоре обнаружили еще дверь. Женька толкнула ее, она без труда подалась, и мы увидели винтовую лестницу в подвал. Где-то внизу горел свет. Мы с Женькой переглянулись, и подружка отважно шагнула на

первую ступеньку. — Мы ж хотели проверить все двери, — запаниковала я.

— Она может прятать его и здесь, — возразила Женька и начала спуск, а я, чертыхаясь, пошла за ней.

Очень скоро мы оказались в мрачном коридоре с низким потолком, у основания лестницы горел фонарь, дальше коридор тонул во мраке. Вот тогда я совершенно отчетливо услышала чей-то стон, вздрогнула и уставилась на Женьку. Подружка замерла с открытым ртом, по ее физиономии стало ясно: я не ослышалась. Стон повторился, а вслед за ним едва различимый всхлип, точно кто-то плакал за стеной.

— Что это может быть? — пришла в себя подруга.

— Здесь кто-то есть, — пискнула я.

— Ясно, что есть, а кто?

Глупее вопроса я сроду не слышала и хотела прямо так и заявить об этом Женьке, а еще мне не терпелось побыстрее убраться из подвала. Но перепуганная Женькина физиономия почему-то произвела совершенно обратный эффект — мне вдруг стало смешно.

— Это привидение, — заявила я подруге. — По крайней мере, в фильмах они именно так стонут и всхлипывают.

— Какое привидение? — разозлилась подружка. — Откуда бы ему здесь взяться?

— Понятия не имею. Может, наш чокнутый Лев Николаевич приобрел его в Шотландии за сумасшедшие деньги.

Женька фыркнула и заметно повеселела.

— А может, это какой-то акустический эффект? Человек спускается в подвал и слышит стоны... Может, включается магнитофон?

— Может, ты прекратишь гадать и мы посмотрим, что там дальше? — прервала я поток ее красноречия и пошла по коридору с поразившей меня саму отвагой.

То, что Лев Николаевич мог завести привидение, казалось мне вполне возможным (одного взгляда на этот дурацкий замок достаточно, чтобы понять: у дяди есть проблемы), и Женька скорее всего права: это фокус, что-то включается в тот момент, когда в подвал входят люди. Ничего себе аттракцион. Но есть любители, которым это пришлось бы по вкусу. Успокаивая себя подобным образом, я достигла поворота, здесь коридор сужался и почти полностью тонул в темноте. Даже моего оптимизма было недостаточно, чтобы продолжить путь. Женька налетела на меня и задышала в затылок.

То, что Лев Николаевич мог завести привидение, казалось мне вполне возможным (одного взгляда на этот дурацкий замок достаточно, чтобы понять: у дяди есть проблемы), и Женька скорее всего права: это фокус, что-то включается в тот момент, когда в подвал входят люди. Ничего себе аттракцион. Но есть любители, которым это пришлось бы по вкусу. Успокаивая себя подобным образом, я достигла поворота, здесь коридор сужался и почти полностью тонул в темноте. Даже моего оптимизма было недостаточно, чтобы продолжить путь. Женька налетела на меня и задышала в затылок.

— Что дальше? — спросила она шепотом, включила фонарик, и мы увидели, что коридор идет вниз, через каждый метр имелась ступенька, и так — пока хватало света фонаря. — Идем? — спросила подружка. Я кивнула, скорее от отчаяния, и тут совсем рядом раздался леденящий душу вопль.

Не помня себя, я бросилась к лестнице, таща Женьку за руку, впрочем, подгонять ее не требовалось, если б не узкий коридор, мы наверняка пришли бы к финишу одновременно. Не помню, как мы выскочили из подвала и, захлопнув дверь, привалились к ней спиной.

— Если это фокус, — отдышавшись, заявила Женька, — то по Левушке психушка плачет.

Теперь, когда мы вновь оказались в знакомом коридоре, происшедшее в подвале воспринималось как чья-то глупая шутка. В самом деле, кто там мог стонать? А вдруг у нас с Женькой слуховые галлюцинации? Если честно, не особо в это верилось. Значит, все-таки фокус. И тут Женька выдвинула еще одну идею.

— А если это он? — заявила она.

— Кто? — растерялась я.

— Тип с бородой, естественно. Может, он ранен? Оттого и стонет.

— Тогда ему лучше стонать подальше от дома.

— Вряд ли Лев Николаевич или его гости заглядывают в подвал. А отсюда ничего не слышно.

— Хочешь вернуться? — с тоской спросила я.

— Нет, — поморщилась Женька. — Лучше Олимпиаду выследить: если она имеет отношение к этому подвалу, значит, он точно там.

Сказать по чести, Женькина версия представлялась мне глупой, но и в привидения я не верила, а допустить, что Лев Николаевич их специально разводит, было тоже нелегко. В общем, как ни крути, чепуха получается.

Не успели мы успокоиться, как услышали шаги. В пустом коридоре они звучали отчетливо, а вскоре раздался голоса, кто-то на ходу переговаривался. Мы с Женькой испуганно переглянулись и бросились к кухне. Справа была какая-то дверь, оказавшаяся незапертой. В отчаянии я влетела туда и втянула за собой Женьку, оставив дверь приоткрытой. Через несколько секунд сквозь щель мы увидели охранников, они мелькнули лишь на мгновение, но не узнать их было невозможно.

— Ну что, еще пивка и на боковую? — спросил один.

— Почему пивка, можно и водочки. Вот только двери проверим.

— Чего их проверять? — вздохнул первый, но второй возразил:

— Порядок есть порядок.

Через минуту все стихло, и мы с Женькой смогли выйти в коридор.

— Слышала? — зашептала подружка. — Двери проверяют несколько раз за ночь, значит, Олимпиада не могла...

— Еще как могла, она лучше других знает местные порядки. Установить, как часто охрана делает обход, нетрудно.

— И все же я уверена: тот тип в подвале.

— А я теперь еще больше уверена в обратном. Что, если охранникам взбредет в голову заглянуть в подвал? Нет, тут что-то не так.

— Да... — вздохнула Женька. — В подвал мне возвращаться не хочется, и по дому бродить опасно, как бы на охрану не нарваться.

Разумеется, Женька была права: и в подвал не хотелось, и по дому бродить опасно. С другой стороны, меня прямо-таки распирало от любопытства. Мы направились по коридору, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Вдруг подружка схватила меня за руку и сделала знак молчать. В коридоре царил полумрак, свет пробивался только от лестницы, а тишина была как в могиле, и я не сразу сообразила, отчего Женька насторожилась. И тут ушей моих достиг странный звук, вроде бы кто-то скребется. На мои взвинченные нервы это подействовало хуже стонов и сдавленных криков, воображение услужливо нарисовало полчища крыс, которые вырвались из подвала, и я уже почти рухнула в обморок, но подружка потянула меня в соседний коридор, начинавшийся в трех шагах от нас. Как раз оттуда и шел подозрительный звук, и я, решив повременить с обмороком, вяло последовала за ней.

Коридор вел в подсобные помещения, впереди горела лампочка на длинном шнуре, и в свете этой самой лампочки я увидела... То есть в первый момент я даже не поняла, что это, лишь вцепилась в Женькину руку до ломоты в пальцах и застыла как вкопанная, и только когда сердце перестало стучать в сумасшедшем ритме, чуть поуспокоившись, я присмотрелась и сообразила, что передо мной не чудище из сказки и уж тем более не гигантская крыса из фильма ужасов, а человек, стоящий на коленях, точнее женщина крупного телосложения, в домашнем халате. Голова ее была опущена, а руками она шарила по полу. Подружка потянула меня за локоть прочь из коридора, но я при виде Олимпиады (а это вне всякого сомнения была она) страшно разозлилась и неожиданно для самой себя возвысила голос:

— Олимпиада Назаровна, что вы там делаете?

Женщина вскинула голову, с недоумением посмотрела на нас, а потом нахмурилась, с трудом выпрямилась, сделала несколько шагов нам навстречу и пробормотала:

— Вам чего не спится?

— А вам? — еще решительнее осведомилась я.

— У меня бессонница, вышла двери проверить, да вот заколку уронила.

— А здесь есть дверь? — вмешалась в разговор Женька.

— Есть, в кладовую. А вам на что?

— Я думаю, стоит разбудить охрану и проверить весь дом, — продолжила подружка. — Мы видели в окно какого-то человека, он шастал по саду.

— Что за чепуху вы говорите? — возмутилась старуха.

— Может, и чепуха, но проверить стоит, — не унималась Женька. — Мы не знаем, где ночует

охрана, беспокоить Льва Николаевича не решились, вас в комнате не оказалось, вот и бродим по дому, в надежде хоть кого-то обнаружить.

— Лучше б вы спали... Идите, я ребятам скажу, они все проверят.

— А заколку нашли? — спросила я.

— Что? — не сразу сообразила Олимпиада.

— Вы же заколку искали?

— А... да, нашла. Идемте, я вас провожу, не ровен час заплутаетесь. — И старая ведьма проводила нас до лестницы, топая, как слон, и не проронив по дороге ни слова.

— Может, нам лучше с вами пойти? — предложила я, когда старуха пожелала нам спокойной ночи. — Вдруг ребята захотят узнать, где я заметила человека в саду?

— Какой человек? — разозлилась Олимпиада. — Откуда ему взяться? Вам привиделось. Вы эти глупости не вздумайте Левушке говорить, у него сердце больное. К чему ему эти ваши сказки? Идите спать, — повторила она и, резко развернувшись, пошла прочь, а мы с Женькой поднялись на третий этаж.

В доме по-прежнему стояла тишина, мы выждали минут двадцать, но тишина ничем не нарушилась.

— Дела, — пробормотала Женька. — Старушенция явно участвует в заговоре. Левушку расстраивать нельзя, и вообще, спите по ночам крепче. Этот тип в доме, старуха его прячет, и мы ей точно кость в горле. Что делать-то? Идти с доносом к Левушке? — Женька вздохнула: — Как бы после этого из окна не вывалиться. Здесь третий этаж. Заметь, только нас так высоко поселили, прямо нарочно.

— Не болтай глупостей, — рассердилась я. — Это крыло гостевое, нам же сам Левушка рассказывал. Мстислав, Олег и Руслан свои люди, выходит, из гостей только мы. К тому же у людей общий бизнес, серьезные разговоры, к чему им лишние уши?

— Ты думаешь? — с надеждой спросила Женька. — Ну так будем доносить на старуху?

— Не знаю, — вздохнула я. — Вот что, давай-ка вернемся в этот коридор.

Женька выкатила глаза и вроде бы лишилась дара речи, но ненадолго, потому что спросила:

— Ты что, спятила?

— Почему вдруг спятила? — пожала я плечами. — Просто хочу понять, что там делала старая карга. Ведь не заколку же искала в самом деле.

— И как ты это поймешь? Там обычный коридор, темный, мрачный... одни голые стены. Ты ж видела...

— Что-то должно быть, — возразила я. — Не зря она на полу сидела.

— Может, утром посмотрим? — переминаясь с ноги на ногу, предложила Женька.

— Сейчас, — отрезала я и начала спускаться по лестнице, подружка последовала за мной.

Если Олимпиада и сообщила охране о подозрительном типе в саду, то энергичных действий они предпринимать не стали. По крайней мере, зловещую тишину дома нарушали только наши осторожные шаги. Коридора мы достигли в рекордные сроки, я огляделась и недовольно поморщилась. Женька была права, коридор пуст, и что, собственно, я надеялась тут обнаружить — для меня самой загадка. Впрочем, Олимпиада говорила о какой-то двери... Мы прошли чуть дальше, и тут подружка заявила:

— Решетка.

— Что? — не поняла я.

— Посмотри под ноги. — Я посмотрела. В самом деле, в полу было небольшое отверстие, забранное решеткой. — Здесь она и сидела, — заметила Женька, тревожно оглядываясь. Я опустилась на колени и даже сунула руку между прутьев решетки.

— Похоже на вентиляционную шахту, — сказала я с умным видом, потому что ничего больше в голову не приходило.

— Может, у нее действительно что-то туда упало? — Женька, тревожно оглядываясь, опустилась на корточки рядом со мной. Включила фонарик и направила луч света вниз. Он потерялся в темной глубине, и тут слуха нашего достиг приглушенный стон. — Опять, — пролепетала Женька побелевшими губами, а я легла на пол и приложила ухом к решетке. Вне всякого сомнения, звук шел оттуда. Мы подождали, но он больше не повторился. — А ведь она тоже слухала, — заявила Женька.

— Кто? — не поняла я.

— Олимпиада, естественно. Что-то в этом колодце есть.

— Он очень глубокий?

— Ты же видела, свет до конца не доходит, правда, фонарик слабенький и батарейки садятся.

— А ведь в дыру вполне можно пролезть, — заявила я.

Женька поспешно ответила:

— Только не сейчас, к подобным экспедициям нужно готовиться. Веревки, нож, бутылка воды и хотя бы газовый баллончик. Ты ж не собираешься прыгать, вниз надо как-то спуститься.

Не слушая Женьку, я подергала решетку. Держалась она на четырех болтах, отвинтить их не проблема, будь у нас плоскогубцы, но, кроме фонарика, который горел подозрительно тускло, у нас ничего не было. Подружка права, к экспедиции надо готовиться.

В крайней досаде я поднялась с колен, решив обследовать коридор, через несколько шагов он плавно поворачивал и заканчивался дверью. Я толкнула ее, и она открылась. Вниз вели каменные ступеньки, фонарь осветил большое помещение, вдоль стен — полки, сплошь заставленные банками, бутылками и прочей тарой, в которой хранилась всевозможная снедь. С такими запасами вполне можно пересидеть длительную осаду.

Слева у стены стояли две огромные винные бочки. Женька, проявив неожиданную отвагу, подошла поближе и открыла кран на одной из них. Тонкой струйкой полилось вино. Рядом

стоял кувшин с остатками вина, вторая бочка оказалась пустой. Я села на стул возле бочки и задумалась.

— Где мы находились, когда чуть не столкнулись с охраной?

— А что? — спросила Женька, разглядывая банку с вареньем с наклеенной сбоку бумажкой. На ней от руки было написано: «Абрикосы» — почерк неровный, крупный, точно писал ребенок.

— Пытаюсь сообразить, откуда они шли.

— А это важно?

— Откуда мне знать?

Выбравшись из кладовой, мы немного пробежались и пришли к выводу, что охрана как раз из этой самой кладовой и возвращалась или просто бродила по коридорам, что, в общем-то, маловероятно. Кладовая для них явно предпочтительнее.

— Глупо лезть в эту дыру, — заявила Женька, когда мы наконец вернулись ко мне в комнату. — Она же совсем рядом с кладовкой, а там, где хранятся продукты, должна быть вытяжка, это всякий знает.

— Значит, кладовая и эта самая шахта должны как-то сообщаться? Но мы ничего похожего не нашли.

— Да там все полки заставлены, — возразила Женька. — Ты же видела.

— Видела... Не нравится мне эта шахта. Не зря Олимпиада возле нее сидела. Что-то там есть.

— Хорошо, — кивнула Женька. — Давай в нее заглянем, вот только раздобудем веревку.

Мы наметили план кампании. И хотя я принимала в этом самое деятельное участие, но при мысли, что в самом деле придется спускаться в шахту, мне делалось нехорошо.

Постояв под душем и приведя нервную систему в порядок, мы наконец-то легли спать.

Утро опять началось с суеты во дворе. Ник громко лаял, двери в доме хлопали, а несколько голосов одновременно звучали на повышенных тонах. Женька, чертыхаясь, побрела к окну, я делала вид, что сплю, подружка некоторое время молчала, потом изрекла:

— Кажется, кто-то нас покидает.

— Как это? — всполошилась я, не зная, что и думать.

— Охрана из дома вещички вытащила, чемодан и сумку.

— Это Мстислав, — зашептала я, подходя к Женьке. — Решил, что оставаться здесь для него опасно.

Пока мы с Женькой гадали, в дверь аккуратно постучали.

— Да, — сказала я почему-то дрожащим голосом, дверь приоткрылась, и появилась Наташа.

— Доброе утро, — улыбнулась она. — Вас Лев Николаевич просит спуститься вниз.

— А что случилось? — спросила подружка.

— Лев Николаевич уезжает. С братом что-то произошло. Он вам сам все скажет.

— Мы спустимся через десять минут, — кивнула Женька. — Мне кажется, — зашептала она, лишь только за Наташей закрылась дверь, — это удобный предлог от нас избавиться.

— В самом деле? — охнула я.

— Конечно. Старушенция не в восторге от того, что мы ночами по дому шастаем, наверняка присочинила что-нибудь хозяину, а мы и так на подозрении. Вот Левушка и придумал какую-нибудь нелепицу, чтоб мы съехали...

— Что же делать? — запаниковала я, хотя позавчера сама настаивала на отъезде. Но теперь даже помыслить не могла, что придется покинуть дом, так и не узнав, что здесь происходит.

— Если нас отсюда выставят, устроимся в деревне. Мир не без добрых людей. Найдем способ сюда проникнуть.

Сказанное Женькой мне очень не понравилось, путешествие по дому в ночное время и без того казалось мне опасным, а если нам придется проникать в него... Но ничего разумнее предложить я не могла.

Наспех одевшись, мы спустились вниз, готовясь достойно встретить удар судьбы. Но никакого удара не последовало. Лев Николаевич ждал нас в малой гостиной в компании Мстислава и Олега. При нашем появлении он поднялся и пошел навстречу.

— Простите, что вынужден был разбудить вас, — начал он. Мы с Женькой выдавили из себя улыбку, тут в комнату вошел Руслан, кивнул нам и спросил, обращаясь к Льву Николаевичу:

— Уезжаешь?

— Да... Видите ли, — сказал он, вновь поворачиваясь к нам, — у моего брата неприятности. Мне необходимо срочно уехать. Евгения Петровна, я надеюсь, это никоим образом не отразится на нашей с вами работе. Я вернусь уже завтра, в крайнем случае, через пару дней. Отдыхайте, дом, катер к вашим услугам.

— Не беспокойтесь. — Женька с трудом сдерживала радость. — Я пока займусь записями, прослушаю их, намечу план, подумаю над расположением глав... До десятого сентября я в вашем распоряжении.

Ее ответом Лев Николаевич остался доволен. Мы сели пить кофе, а затем проводили хозяина до пристани. Мстислав отправился вместе с ним, что нас не удивило (он ведь адвокат, и, если у брата Льва Николаевича неприятности, вполне логично быть рядом со своим клиентом), а вот охрана осталась. Правда, на катере, кроме команды, находились двое рослых молодых людей, скорее всего телохранители, а из разговора стало ясно, что на пристани хозяина поджидает Валера с машиной. Мы тепло простились, пожелали Льву Николаевичу счастливого пути, и вскоре катер отчалил от берега, а мы: я, Женька, Руслан и Олег, не спеша вернулись домой.

— Чем собираешься заняться? — спросил Руслан.

— Понятия не имею, — ответила я, хотя планы у меня, конечно, были.

— Может, махнем на Валаам? — предложил он.

Пока я соображала, что ответить, вмешался Олег:

— Сегодня двадцать восемь градусов обещают. Стоит ли затевать путешествие в такую жару, лучше отдохнуть на пляже.

Мы с подружкой его поддержали, и вопрос был решен.

На пляж мне совсем не хотелось, я бы предпочла поискать веревку покрепче и попробовать спуститься в шахту, но Руслану об этом знать ни к чему. Позавтракав, мы вчетвером отправились на пляж, где и провели время до самого обеда. Надо признаться, провели приятно. Впрочем, если б не одно обстоятельство: Руслан явно ухаживал за мной, а Олег за Женькой, причем подружке это как будто нравилось, она кокетничала с парнем и о наших проблемах вроде бы совсем забыла, по крайней мере, мои намеки, что ей стоило бы до обеда поработать, а мне ей помочь, полностью проигнорировала.

Руслан предложил покататься на лодке, я согласилась, а подружка отказалась. Олег остался с ней, в результате мы катались вдвоем с Русланом. Правда, прогулка, от которой первоначально я не ожидала ничего хорошего, на деле оказалась весьма полезной.

— Где живет брат Льва Николаевича? — спросила я, решив, что любопытство в данном случае вполне уместно.

— Где-то недалеко от Питера, — охотно ответил Руслан, который продолжал вести себя очень мило. — Точно не знаю, в какой-то клинике.

— Где? — вытаращила я глаза, решив, что ослышалась.

— В клинике, где держат психов.

— Он что, сумасшедший?

— Черт его знает. Возможно, сумасшедший, а возможно, прикидывается таковым.

— Что ты говоришь? Человек прикидывается психом, чтобы оказаться в клинике? Кому такое придет в голову?

— Обстоятельства бывают разные, — усмехнулся Руслан. — Например, если человек очень не желает сесть в тюрьму, он может предпочесть клинику, где на деньги брата будет жить комфортно и без проблем.

— Ты хочешь сказать, что брат Льва Николаевича преступник?

— Насколько мне известно, он убил свою жену. В день свадьбы, точнее, в первую брачную ночь. Придушил, а наутро не мог вспомнить за что. Может, правда крыша поехала?

— Ты хочешь сказать, что брат Льва Николаевича преступник?

— Насколько мне известно, он убил свою жену. В день свадьбы, точнее, в первую брачную ночь. Придушил, а наутро не мог вспомнить за что. Может, правда крыша поехала?

— Какой ужас, — пробормотала я. — И что было дальше?

— Суд, естественно. Лева подсуетился, братца признали невменяемым, и он оказался в клинике.

— А что произошло теперь?

— Понятия не имею. Лева не любит рассказывать о брате... Да и кому приятно, когда ближайший родственник оказывается чокнутым. Он несколько раз просил врачей отпустить его на каникулы на этот самый остров, здесь ведь прошло их детство, но врачи не разрешают. Лично я рад, что парня нет с нами. Кто знает, что психу взбредет в голову. — С этим я не могла не согласиться и мрачно кивнула.

— А сам Лев Николаевич был женат?

— Нет. Говорит, что его родители были несчастливы в браке, а тут еще брат... Конечно, все это страшная чепуха, но Лева любит забивать свою голову подобной глупостью. А ты замужем? — насмешливо спросил Руслан.

— Тебе об этом хорошо известно, — съязвила я.

— И что, брак удачный?

— На редкость. Я люблю мужа и не скрываю этого.

— А он?

— Разумеется, он меня любит, — разозлилась я.

— Сомневаюсь, — покачал головой Руслан. — Иначе не отпустил бы тебя одну к черту на кулички. Я бы точно не отпустил.

— Мой муж мне доверяет, — возразила я. Продолжать разговор мне не хотелось, и я сказала: — Думаю, нам пора возвращаться. Солнце печет.

Руслан направил лодку к берегу, насмешливо поглядывая на меня. Я не выдержала и сказала:

— Прекрати ухмыляться.

— Почему ты злишься? — спросил он.

— Я злюсь?

— Конечно. Тебе неприятно говорить о муже. Давай сменим тему.

— Мне неприятно говорить о муже? — опешила я. — С чего ты взял? Очень даже приятно, но не с тобой.

— Почему?

— Потому что ты не можешь разделить моих восторгов.

Пока Руслан соображал, что на это ответить, мы благополучно достигли берега. Женька поджидала нас, уже одетая в платье.

— Пора домой, — сказала она. — Обед через полчаса. — И добавила со вздохом: — Мне еще

сегодня поработать надо.

Так как обедали мы опять-таки вчетвером, я здорово нервничала. Уединиться с Женькой не представлялось возможным, парням, как видно, занять себя нечем, и в такой ситуации мы не сможем осмотреть подвал, как хотели.

Мои худшие опасения оправдались. Сразу после обеда Руслан предложил совершить прогулку по острову. Женька заявила, что ей необходимо работать, а мы с Олегом предложение приняли, так что часов до шести я исправно путешествовала в компании двух мужчин, искренне надеясь, что подружка зря время не теряет.

Прогулку прервал неожиданный раскат грома, впрочем, день был душный, и гроза удивления не вызвала. Небо мгновенно заволочило тучами, сверкнула молния, и пошел настоящий ливень, а мы бросились бегом по лесной тропинке. На обратную дорогу ушло минут десять, мы успели изрядно вымокнуть, зато в гостиную нас ждал камин, горячий чай и Ник, устроившийся на ковре возле кресел.

Даже не переодевшись, я заглянула к Женьке. Комната ее оказалась пуста, и это опять-таки вселяло определенные надежды. Приняв ванну, позвонив мужу, я спустилась в гостиную, где застала Руслана с Олегом.

— А где Женя? — спросила я.

— По дому шастает, — неприязненно ответила вошедшая с чаем Олимпиада.

— Лев Николаевич запретил осматривать дом? — гневно спросила я. Старуха не ответила, а я добавила: — Тогда нечего говорить об этом таким тоном. — Олимпиада одарила меня суровым взглядом и удалилась, а через минуту в комнату вошла Женька вместе с Наташей (та везла сервировочный столик с закусками к чаю). — Вы сегодня задержались? — спросила я Наташу, взглянув на часы.

— Я здесь ночую. Льет, как из ведра. Пока до дома доберешься, вымокнешь до нитки. — Я кивнула с улыбкой, радуясь, что в доме будет посторонний человек, и перевела взгляд на Женьку. — Олимпиада сказала, ты шастала по дому с обзорной экскурсией, — принимая из Наташиных рук чашку, сообщила я.

— Неужели здесь подвалы как в настоящем замке? — Свой вопрос Женька адресовала мужчинам.

— Я не знаю, какие подвалы в настоящем замке, — усмехнулся Олег, — но здесь они сырые и мрачные. Не могу понять, зачем они понадобились Льву. Кажется, это как-то связано с особенностями здешней почвы, необходим глубокий фундамент и все такое...

— А по-моему, Лева у нас большой оригинал, — усмехнулся Руслан. — Это его идея выстроить настоящий замок... В подвалах нет ничего интересного. Правда, до недавнего времени в одном из них хранились две бочки вина, очень приличного, надо заметить, охрана буквально не покидала это благодатное место, запасы скоренько кончились, а возобновлять их Лев не стал.

— А привидения там водятся? — спросила Женька.

— Об этом лучше спросить Леву, — с ухмылкой сказал Руслан. — Думаю, против привидений он возражать бы не стал, хотя, по-моему, в подвале водятся только крысы.

При этих словах я поежилась и подумала: может, не стоит нам лезть в шахту?

— Как продвигается работа? — спросил Олег Женьку.

— Помаленьку. Лев Николаевич очень подробно рассказал об истории своей семьи. Я думаю, вскоре мы доберемся до момента, когда его родители смогли познакомиться.

— Уверен, для широкой общественности это будет невероятно интересно, — хохотнул Руслан. Олег с улыбкой кивнул.

— Не вздумайте острить на эту тему, — с притворной суровостью заявила Женька. — Я хочу купить машину. Моя в очень скверном виде третий год пылится в гараже. Если в вас есть хоть капля дружеского расположения ко мне, вы обязаны поддерживать стремление вашего друга увековечить свою биографию.

Мужчины засмеялись, а я решила вступить за нашего хозяина:

— Я думаю, вы не совсем правы. Если история семьи Льва Николаевича тесно переплетается с историей этих мест, например даже этого острова, это может быть интересно многим людям, и тираж, например, в тысячу экземпляров легко разойдется.

— Возможно, — пожал плечами Олег. Мужчины заметно охладели к данной теме, а я подумала, что ничего полезного узнать так и не удалось.

Дождь за окном все лил и лил, чаепитие плавно перешло в ужин (ужинали мы в гостиной, желая быть поближе к камину), часов в десять мы наконец-то простились с мужчинами и поднялись к себе.

— Ну что? — тревожно спросила я, как только мы с Женькой оказались в моей комнате.

— Ничего. Попыталась поднять решетку, но проклятая ведьма меня застучала. Ясно, она там кого-то прячет.

— Что же делать? — кусая губы, пробормотала я.

— Что-что, лезть в шахту, естественно. Веревкой я все-таки разжилась.

— Допустим, найдем мы его, а дальше? — Мой вопрос вызвал у Женьки недоумение, она поскучнела, потом довольно зло ответила:

— Давай сначала найдем. Должны же мы разобраться, что тут за дела творятся.

Я неуверенно кивнула, и мы стали готовиться к экспедиции.

Однако, как назло, в этот вечер ложиться спать никто не спешил. Время от времени выходя на разведку, мы смогли убедиться, что Олег с Русланом смотрят по телевизору футбол, охрана в комнате первого этажа — какой-то боевик, Олимпиада орудует на кухне, а Наташа занялась уборкой в большой гостиной. Люба, несмотря на дождь, ушла домой.

Наконец часам к двенадцати все наконец разошлись по своим комнатам, мы выждали еще час и спустились вниз. По дороге обнаружили следующее: дверь в комнату Олимпиады прикрыта неплотно, старушенция вполне могла наблюдать за коридором. Переглянувшись, мы с Женькой пошли в обход — не хватало только еще раз столкнуться с ведьмой.

На этот раз в коридоре даже лампочка не горела. Женька включила фонарь, и мы на цыпочках достигли решетки. Я еще днем прихватила ножницы с кухни, достала их из кармана джинсов и принялась откручивать болты, на которых держалась решетка. К сожалению, проделывать подобную операцию ножницами крайне неудобно.

— Нужны плоскогубцы, — вздохнула подруга.

— Конечно, нужны, только где их взять?

Женька сама попробовала орудовать ножницами — с тем же успехом.

— По-моему, в кладовой были какие-то инструменты, — сказала она.

— В кладовой только банки и бочки, — возразила я.

— Ничего подобного. Инструменты наверняка есть. Сиди, а я быстренько сбегаю.

Женька ходко потрусилась по коридору, а я вновь принялась за работу. Проклятый болт вроде бы сдвинулся, и тут ножницы выскользнули из моих рук и пролетели между прутьев решетки. Я прислушалась: тишина, потом легкий стук. Ну вот, мы лишились единственного орудия труда, если Женька не найдет ничего подходящего, мне лучше сквозь землю провалиться.

Я с огорчением вздохнула, выпрямилась и буквально похолодела. Возле противоположной стены кто-то стоял. В темноте невозможно было понять: мужчина это, женщина или... вот об «или» мне думать совсем не хотелось. Я схватила фонарь и, чтобы разом покончить со всем этим, направила на фигуру луч света.

— Ты меня напугала, — заявил Руслан, а это был именно он. — Я думал в доме орудуют грабители. — Я перевела дух, не особенно полагаясь на милость судьбы. — Что ты делаешь? — спросил Руслан, приблизившись. Я ткнула пальцем в решетку и заявила:

— Там кто-то стонет.

— Да? — Руслан опустился на колени и минуты две терпеливо вслушивался. — По-моему, тихо как в могиле.

— И все же там кто-то стонал, — повторила я.

— Ты хочешь спуститься? — задал он вопрос, как будто не особенно удивляясь.

— Как я могу спуститься, если здесь решетка? — При этих словах я легонько отодвинула веревку, надеясь, что Руслан ее не заметил.

— А где твоя подруга? — спросил он.

— Спит, естественно. — Я рассчитывала, что Женька нас слышит и сообразит не высовываться. Неизвестно, чем тут дело кончится, лучше ей на время затаиться.

— Спит? — не поверил Руслан. — И ты одна пришла сюда?

— Ты забыл, я ведь пишу детективы.

— Анфиса, ты прелесть, — заявил Руслан и взял меня за руку. — Я не встречал женщины такой

невероятной отваги. Другая бы из комнаты выйти не посмела. Идем, — совершенно неожиданно закончил он свою речь.

— Куда? — испугалась я.

— В подвал, естественно. Ведь ты хотела увидеть привидение?

— А оно там есть?

— Понятия не имею. Но если ты утверждаешь, что кто-то стонет, надо проверить.

— А как мы туда попадем?

— Через дверь. Идем. — Он потянул меня за руку, и я пошла, правда, без всякой охоты.

Сердце мое ныло в предчувствии беды, но выдернуть руку и просто сбежать у меня ума не хватило. Опять же очень хотелось заглянуть в подвал.

— Тебе надо было обратиться к Левушке, — говорил Руслан, ведя меня по коридору в направлении, противоположном тому, куда скрылась Женька. — Он бы провел экскурсию. Ты не представляешь, как он обожает свой подвал. Мы над ним подшучивали, и он перестал таскать туда всех своих гостей. Понял, что это просто смешно. Что хорошего в подвале, скажи на милость?

Мы свернули и оказались в крохотной каморке. В свое прошлое путешествие мы с Женькой на этот тупик не обратили внимания, то есть мы видели, что коридор заканчивается стеной, и прошли дальше. В каморке была окованная железом дверь. Стоя в коридоре, ее не увидишь. Дверь была низкой, с огромным навесным замком.

— Сейчас принесу ключ, — спохватился Руслан. — Подожди минуту. — И торопливо зашагал по коридору. А я огляделась.

Дверь на меня произвела впечатление, в особенности замок. Если подвал пуст, зачем его запирать? Этот вопрос я и задала Руслану, когда он вернулся.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Я ж говорю, Левушка обожает всю эту дребедень. Все должно быть натурально, понимаешь? К тому же дом большой, при желании здесь можно разместить роту солдат, и то их обнаружат не сразу, потому подсобные помещения стоит держать закрытыми.

Руслан отпер замок и распахнул дверь. Раздался зловеший скрежет, а я невольно поежилась. Руслан щелкнул выключателем, который находился возле двери, и я увидела винтовую лестницу, спускавшуюся отвесно вниз.

— Идем, — улыбнулся Руслан, предлагая мне руку, и начал спускаться первым. Лестница была узкой и крутой, я насчитала тридцать две ступеньки. Наконец мы оказались в подвале с низкими сводами. Трудно было поверить, что дом построили недавно, подвал выглядел так, точно в действительности принадлежал древнему замку.

— Кто строил этот дом? — спросила я, переходя на шепот.

— Понятия не имею, — пожал Руслан плечами. Голос его под сводами подземелья приобрел странное звучание, я бы даже сказала — зловещее.

В стене, в металлическом кольце торчал факел. Руслан достал его, извлек из кармана зажигалку и поджег, факел начал чадить, но в конце концов разгорелся, и мой спутник поднял его над головой.

— Там нет электричества? — с беспокойством спросила я, вглядываясь вперед.

— Надо соблюдать правила и пользоваться реквизитом. Боишься? — усмехнулся он.

— Чего мне бояться? — удивилась я, хотя и отчаянно трусила.

— Крыс, например. Лично я их терпеть не могу.

— Там есть крысы? — перепугалась я.

— Разумеется, это же подземелье.

— Это подвал, — разозлилась я. — Лев Николаевич выкопал его нарочно, чтобы пугать всяких легковых, крысам надо чем-то питаться, а здесь голый камень.

— Они могут питаться телами несчастных узников, которые встретили здесь свою смерть, — заявил Руслан загробным голосом, а я рассмеялась.

— Прекрати болтать глупости.

— Тогда пойдем, — хмыкнул он и вновь взял меня за руку. — Подземелье большое, практически под всем домом, это где-то сто квадратных метров. С непривычки можно заплутать.

— Может, тогда не стоит идти одним? Возьмем Олега, Женю... Лучше сделать это днем, — очень поздно выдала я дельную мысль.

— А как же стоны? Ты ведь их слышала сегодня, вдруг бедняга к утру скончается?

— Какой бедняга?

— Узник, разумеется.

— Тебе не надоело болтать глупости? — возмутилась я.

— Ничего себе. Это ты утверждаешь, что слышала стоны, я только развил твою мысль. Или ты предпочитаешь привидения?

«Я предпочитаю разобраться в той чертовщине, что здесь творится», — хотелось ответить мне, но я промолчала. Очень скоро узкий коридор вывел нас в огромное помещение, свет факела высвечивал низкий свод и стены, сложенные из камня.

— Что это? — удивилась я.

— Подвал. Наверное, Левушка собирался хранить здесь картошку, но потом передумал.

Я сделала несколько шагов и удивленно замерла: под ногами хлюпала вода.

— Здесь вода, — сказала я Руслану. Он кивнул:

— Точно, видно, по этой причине Лева и отказался от своего замысла.

— Какого замысла? — насторожилась я.

— Хранить здесь картошку. Идем дальше, там коридор.

Вода доходила мне до щиколотки и была очень холодной. В одном месте я коснулась ладонью стены и почувствовала, как между камней сочится вода.

— В один прекрасный день его дом рухнет, — пробормотала я.

— Точно. Это будет ему заслуженной карой. На кой черт, скажи на милость, человеку мог понадобиться такой подвал?

— Да уж, — вздохнула я.

— Осторожней, здесь ступеньки, а вот еще один коридор.

Место показалось мне знакомым. Так и есть, вот лестница, в свой первый поход в подвал мы с Женькой спускались здесь. Тогда мы не рискнули особенно удалиться от двери. Если честно, мне и сейчас не хотелось продолжать путешествие, но Руслан потянул меня за руку, и я пошла.

Коридор казался бесконечным, мы свернули и увидели три двери. Руслан распахнул ближайшую: перед нами была комнатуха, больше похожая на тюремную камеру, вниз вели ступеньки, а пол был залит водой.

— Представь, в каких условиях содержались узники. И так до самой смерти, день и ночь в каменном мешке, куда не доходит ни звука, и твои крики не услышат, а совсем рядом обычная жизнь, солнце, воздух, люди спешат на работу.

Я невольно поежилась, слушая Руслана. В самом деле, выбраться из такого каменного мешка, скорее всего, невозможно.

— Давай заглянем в пыточную, — совсем другим голосом предложил он и распахнул соседнюю дверь. — Это Левушкина гордость.

Помещение мало чем отличалось от соседнего, только посередине из камней был сложен очаг, а с потолка свисали две ржавые цепи.

— Господи, он сумасшедший, — пробормотала я себе под нос, но Руслан меня услышал.

— Не думаю, просто у него сильно развито воображение и есть деньги, чтобы осуществить свои фантазии. — Руслан закрыл дверь и вытянул руку с факелом. — Дальше стена.

— А где же шахта? — спросила я.

— Какая шахта?

— Та самая, возле которой мы встретились.

— А-а... надо посмотреть по схеме, она есть у Левушки. Это вентиляционный колодец, в одной части подвала Лева все-таки хранит продукты.

— Я хотела бы на него взглянуть.

— На колодец? Это узкая глубокая дыра, вот и все. Здесь еще одна достопримечательность. —

Руслан распахнул третью дверь, я увидела крохотную каморку, почти все ее пространство занимали нары и колченогий стол.

— Похоже на карцер, — нахмурилась я.

— Точно, — ответил Руслан и легонько толкнул меня. Я пролетела вперед и оказалась на этих самых нарах, мой спутник стоял в дверях и препротивно улыбался. — Если я сейчас запру дверь, как думаешь, сколько понадобится времени твоему мужу, чтобы тебя отыскать?

Я точно помнила, что на двери есть засов, а еще я помнила, что так и не сказала Ромке, где конкретно нахожусь, потому что сама не знала название острова. Стараясь не впадать в панику, я с усмешкой ответила:

— Завтра утром, как только Женька позвонит ему.

— Ну... это если сможет. — Руслан воткнул факел в железную скобу. — Огонь потухнет, и мир погрузится в кромешный мрак. Кстати, крысы здесь есть. Не знаю, что они жрут, но, говорят, эти животные на редкость изобретательны. — Руслан стоя в дверях, сложил на груди руки и наблюдал за мной с мерзкой улыбкой. — Забавное местечко, правда? Здесь начинаешь ощущать жизнь совершенно иначе.

— Прекрати меня пугать, — рявкнула я.

— Хочешь, чтобы я ушел? — спросил Руслан, закрыл дверь и сделал шаг ко мне. — У тебя глаза испуганные, — тихо сказал он, заглядывая мне в лицо, потом взял меня за руки. — Ты вся дрожишь. Чего ты боишься? Что я в самом деле запру тебя в подвале? Предположим, на сутки или на двое, представляешь, какой роман ты после этого напишешь?

— Ты ненормальный, — отстраняясь, пробормотала я.

— Не думаю. Просто мне не понравилось, как высокомерно ты вела себя, детка. Пребывание здесь пойдет тебе на пользу.

Мне бы надо еще минуту назад свалиться в обморок, а я вместо этого проявила прямо-таки невероятную прыть, взяла и заехала ему по физиономии, он от неожиданности отпрянул. Я бросилась к двери, толкнув Руслана в грудь, не удержалась на ногах, и мы оба упали на пол. Я взвыла, потому что больно ударилась затылком о край нар, и начала с отчаянием колошматить руками и ногами. Руслан навалился сверху, стиснул меня в объятиях и принялся торопливо шептать:

— Тихо, тихо, тихо... Это была глупая шутка. Подвал совершенно не подходящее для тебя место. Успокойся, все нормально, сейчас мы встанем и уйдем отсюда.

Вряд ли бы я успокоилась, шепчи он все это хоть до второго пришествия, но он так сжал меня своими ручищами, без конца затыкая мне рот поцелуями, причем длительными, после которых требовалось время, чтобы отдышаться, что в конце концов я присмирела. Руслан поднялся, подхватил меня на руки и понес из подвала, а я желала ему (правда, мысленно) подвернуть обе ноги и хрястнуться со всего размаха на камни, пусть даже я сама при этом набью основательную шишку.

Но Руслан крепко стоял на ногах. Он благополучно покинул подвал и вынес из него меня, поставил на ноги, с доброй улыбкой на устах чмокнул в нос, запер дверь на замок, после чего

спросил как ни в чем не бывало:

— Ну что? К тебе, ко мне?

— Урод, — ответила я и с чувством глубокого удовлетворения вторично заехала ему в ухо, после чего припустилась бежать со всех ног, в любой момент готовая заорать «караул». Впрочем, вряд ли бы это помогло: в доме, за исключением Женьки да разве что Наташи, не было человека, готового прийти мне на помощь.

Больше всего я боялась за Женьку. Что, если она сидит в каком-нибудь каменном мешке, в темноте, по колена в воде... Я влетела на третий этаж, распахнула дверь в свою комнату и увидела подружку, та курила, сидя возле настешь распахнутого окна.

— Где тебя черти носят? — прошипела Женька. — У меня на башке седые волосы поперли.

Я рухнула на постель и попыталась отдышаться. Женька, сообразив, что я пережила нечто сродни землетрясению, подала мне стакан сока и принялась поглаживать по спине.

— Анфиса, все в порядке, совершенно незачем так на меня смотреть и вообще...

Минут через десять я настолько пришла в себя, что смогла рассказать о своих приключениях. Сначала Женька слушала, вытаращив глаза, затем принялась ухмыляться.

— Твой Руслан редкая сволочь, — вздохнула она, когда рассказ подошел к концу. — И тут, как говорится, ничего не поделаешь. Расчет его был прост: напугать тебя до смерти, чтоб стала покладистой. Сначала напугал, потом от смерти спас, должна проникнуться и полюбить со всей страстью души. Он ведь ни за что не поверит, что ты мужа любишь. Какой, к черту, муж, если здесь такое сокровище. Ну, по роже ты ему съездила, думаю, это отобьет у него охоту шутить глупые шутки.

— Ты думаешь, это была шутка? — усомнилась я.

— А ты что думаешь, он хотел тебя в подвале навеки оставить? Это даже не детектив, дорогая, это страшилки, они нынче не в моде.

— Я испугалась, — сурово заявила я.

— Конечно, кто спорит. Руслан обнаружил в тебе большой интерес к подземельям и решил сыграть на этом. Все мы любим страшненькое. Ах, крыса... дама в обмороке. Парень надеялся, что ты, перепугавшись, ручки на груди сложишь и запоешь: «Руслан, ты не можешь поступить со мной так жестоко»... — «Посмотрим, как будешь вести себя»... — «Я сделаю все, что ты захочешь»... А ты, вместо того чтобы парня порадовать, кулаком в ухо. Совсем ты без понятия, Анфиса. И он в дурацком положении, и шутка не удалась, и остался с носом. Прямо не позавидуешь мужику.

Конечно, Женька была права, только не она сидела в мрачном подвале и не на нее смотрел с паршивой улыбкой Руслан. Я вздохнула и спросила подружку:

— Ты-то чем занималась?

— Инструменты искала. Захожу в подвал, там ни души, облазила все полки, ничего нет, собралась уходить, уже дверь открыла, свет выключила, вдруг слышу голоса. Я припустилась к тебе, а там вместо тебя одна веревка. В общем, юркнула я в ту же комнату, что и в прошлый

раз, охранники мимо прошли и ничего не заметили. Потом попробовала тебя отыскать. Нарвалась на Олимпиаду. Ведьма опять по дому бродила. Так что пришлось мне сюда вернуться и ждать, когда ты появишься.

— Да, — покачала я головой. — Столько страхов натерпелись, а ничего ценного не узнали.

— Не скажи, — возразила Женька. — Вот, к примеру, откуда в кладовке взялись охранники, если за минуту до этого их там не было?

— Что-то я не понимаю...

— И понимать нечего, кладовая была пустая, я это собственными глазами видела, и вдруг их черт откуда-то вынес.

— Ты хочешь сказать, что там есть ход? — наконец дошло до меня.

— Конечно. Вопрос, куда он ведет и откуда. И почему охрана по ночам так любит проводить время в кладовой? Там надо все как следует осмотреть.

— Мы же смотрели.

— Смотрели. Но теперь, когда мы знаем наверняка... должен быть ход. Если учесть, что у Левушки с мозгами проблемы, он может быть замаскирован. Какое-нибудь хитрое приспособление, стеночка отодвигается...

— Хорошо, — согласно кивнула я. — Будем искать. Только не сегодня. Сегодня я уже ни на что не способна.

Я раскинула руки и зажмурилась, но Женька погнала меня в ванную, сама за это время расстелила постель, ночевать она опять осталась у меня.

Не успели мы лечь, как за окном послышался какой-то шорох. Напуганная предыдущими приключениями, я вскочила, чтобы закрыть окно, тут занавеска отодвинулась, и я увидела Руслана с розой в зубах.

— Привет, — сказал он, устроившись на подоконнике, всучил мне розу и предложил со вздохом: — Давай мириться. Ужасно глупо все получилось.

— Как ты сюда забрался? — ахнула я, выглядывая в окно.

— По водосточной трубе, естественно.

— Ты спятил.

— Нет. Я влюблен. А влюбленному положено совершать безумства. Ты меня простила?

— Не знаю.

— Да или нет?

— Простила, — торопливо кивнула я.

— Слава богу, а то я собрался прыгать. — Руслан схватил меня за руку и притянул к себе, а Женька громко кашлянула. — Евгения Петровна? — удивился он. — Не ожидал вас здесь

увидеть.

— Я вас тоже.

— Ну что ж, — едва сдерживая смех, сказал Руслан. — Спокойной ночи. — Я ухватила его за рубашку и сказала:

— Топай через дверь. Я не хочу, чтобы ты свернул себе шею.

Руслан прошел к двери, сделал ручкой и исчез, а я заперла за ним дверь.

— А вот скажи, Анфиса, — разглядывая потолок, начала Женька, когда я наконец устроилась рядом с ней. — Не будь ты замужем, ведь непременно бы клюнула.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — фыркнула я.

— Не что, а кого. Руслана, моя радость, Руслана. Ведь ясно, что сволочь, но умеет, подлец, себя подать.

— Обаяние зла, — сказала я, зевая во весь рот. — Сильный характер всегда производит впечатление, даже если это дерьмовый характер. Только сказать по чести, я бы на него не клюнула, даже будучи совершенно свободной.

— Это почему же?

— У него нутро бандитское. Кстати, чем он занимается, мы так и не узнали. Большой друг Льва Николаевича. Это что вообще такое? Говорю тебе, он бандит. А что может быть интересного в бандите?

— Ну, ты не права... Каждый человек чем-то интересен. А бандиты... Я тут забавную штуку вычитала. Один умник утверждает, что наши бандюги — последние романтики ушедшего тысячелетия.

— А у этого умника постоянное место прописки не на улице Фрунзе, где у нас сумасшедший дом?

— Нет, он в другом городе живет.

— Но это еще не значит, что не в сумасшедшем доме.

— Не значит, — согласилась Женька. — Только ты не перебивай, а послушай, в любом утверждении есть доля истины.

— Слушаю, — кивнула я, потому что спать мне не хотелось, опять же было интересно, за какие уши Женька бандитов притянет к романтикам, даже для ее хитроумия задача эта не по силам. Но насчет Женькиного хитроумия я, как оказалось, дала маху, очень даже можно притянуть, было бы желание.

— Попробуем провести параллель между ними и странствующими рыцарями. Этим-то в романтизме не откажешь.

— Допустим, только мне о странствующих рыцарях мало что известно. Убивали драконов и спасали прекрасных дам... Ах да, еще турниры в их честь устраивали. Ну, турниры — это от безделья, дамам стоило проявить благоразумие, тогда и в передряги, глядишь бы, не попадали,

а вот драконов жалко. К несчастью, «Гринпис» в то время себя еще не проявил.

— Допустим, только мне о странствующих рыцарях мало что известно. Убивали драконов и спасали прекрасных дам... Ах да, еще турниры в их честь устраивали. Ну, турниры — это от безделья, дамам стоило проявить благоразумие, тогда и в передряги, глядишь бы, не попадали, а вот драконов жалко. К несчастью, «Гринпис» в то время себя еще не проявил.

— Вот-вот, рыцари эти — темные лошадки. Страсть к большим дорогам выглядит весьма подозрительно. И кое-какое внешнее сходство с нашими братишками прямо-таки бросается в глаза. Начнем с простого, — принялась загибать пальцы подружка. — К примеру, золотые украшения, которые ребята так любят и над чем вся страна потешается. Это ведь как золотые доспехи, признак доблести, чем больше на тебе золота, тем выше ты на иерархической лестнице или по крайней мере в собственных глазах. Или машина. Машина должна быть крутой и страшно дорогущей. Это тоже от рыцарства — арабский скакун и прочее. У меня может не быть за душой ни копейки, это нормально, но ехать на старой кляче... Так и наши, лучше просто им в лицо плюнуть, чем посадить на «копейку». Истоки, между прочим, те же: конь для странствующего рыцаря отнюдь не роскошь, это, если угодно, надежный товарищ, он не должен подвести...

— Особенно когда уходишь от возмездия, — съязвила я.

— Правильно. Следующая общая черта: дух странствия и равнодушие к дому. Некоторые наши мафиози в таких берлогах живут, чуть ли не в «хрущевках», что от родителей достались, а если и заведут себе двести квадратных метров, то и там уютom не пахнет. А почему? Потому что они странники и дом им ни к чему. Так же как и женщины. Женщина привязывает к месту, а это плохо. Их жизнь в движении, одно приключение сменяет другое, и так до самой смерти. Женщина здесь может существовать лишь как нечто временное или недостижимое, например, как мечта. Женатый странствующий рыцарь это нонсенс, оттого и ребята наши холостые, смысла нет заводить семью, если завтра снова в путь. А коли женятся, так ничего хорошего из этого, как правило, не получается. Далее, идеал мужской дружбы: брат, братан и все такое. Это своеобразный вариант рыцарских орденов, устав заменили «понятия», неписанные правила и ритуалы. Вот нам смешно, что дюжие парни лобзаются и виснут друг у друга на шее, а ведь все это имеет глубокие корни. Даже специфика языка, манера одеваться, короткие стрижки — это ведь все опознавательные знаки, сигнал для своих: «я из вашего братства». Нет, если вникнуть, окажется, что наша братва в самом деле последние оставшиеся на земле романтики. Жизнь их, как свеча на ветру, оттого и живут недолго, летят навстречу судьбе и своей смерти. — Я покосилась на Женьку, подозревая, что она роняет горькие слезы, но подружка радостно ухмылялась. — Может, статью забачать на тему бандитского счастья?

— Забачай, — кивнула я. — Может, найдутся дураки, спасибо скажут.

— Почему же дураки? — обиделась подружка.

— По кочану.

— Когда человек не может аргументированно возражать, а переходит на оскорбления...

— На самом деле, — перебила я, — все, что ты здесь наболтала, доказывает только одно: любому дерьму можно при желании создать романтический ореол. «Свеча на ветру, навстречу судьбе...» — передразнила я. — Мне Ромка про эти свечи рассказывал. Романтикой там и не пахнет. На самом деле это постоянные стрессы. Человек изо дня в день ходит не под тюрьмой, так под пулей, а стресс русский человек привык снимать одним способом, отсюда кромешное

пьянство и дикий разгул. Когда здорово забирает, уже не страшно, а с утра сразу в опохмелку. Так и живут с мозгами, водкой разбавленными. А дом им действительно ни к чему, к дому привыкаешь. А уходить из него страшно, когда не знаешь наверняка, сможешь ли вернуться. И с бабами беда, потому что любая женщина ищет стабильность, ей родить надо и ребенка вырастить. Оттого-то в подругах у них либо «отмороженные», у которых дети и семья вызывают нервный тик, либо женщины, подсознательно настраивающие себя на вдовство, к мужу привязываться не спешат, а торопятся бабки прикопить на черный день. А кому приятно, что тебя уже хоронят. Вот и скандалят ребятишки. Про братство вообще говорить смешно, какое, к черту, братство, если на деле человек лишен собственного мнения, вынужден жить по понятиям и поступать по понятиям, даже если ему это поперек души. Стая индивидуалистов не выносит, стоит лишь заявить о собственном мнении, тебя либо вышвырнут, либо сожрут, а в одиночку страшно, коли привык гуртом бегать и не очень на свои силы рассчитываешь. Вот тебе и романтика.

— Вечно ты все опошлишь, — вздохнула Женька. — Ведь как все красиво получалось... А с чего это мы о братках заговорили?

— Мы о Руслане заговорили, — недовольно напомнила я.

— Ну, этот точно в стае бегать не будет, гонору много.

— Это у него с нами гонору много, а...

— Я рада, — заявила Женька.

— Чему? — нахмурилась я.

— Парень напрасно старался. Любовь к Роману Андреевичу творит чудеса.

— Так ты что, проверку мне устраивала?

— Я проявляла беспокойство.

— Женя, ты дура, — заявила я, отвернулась и закрыла глаза.

Проспали мы дольше обычного и едва не опоздали к завтраку. Я направилась в кухню с намерением попросить горячего молока. После вчерашнего гостевания в подzemелье у меня побаливало горло. Подходя к дверям, я услышала грозный рык Олимпиады.

— Прекрати болтать глупости, — выговаривала она. — Чтоб я больше этого не слышала. Только посмей еще раз рот открыть...

— Но ведь я, Олимпиада Назаровна, правда слышала...

— Замолчи, мерзавка, не то я тебе поганый язык-то вырву...

Я тяжело вздохнула: во-первых, было жалко Наташу (воспитывали, конечно, ее), во-вторых, стало ясно, с молоком придется подождать, потому что в разгар таких увещеваний входить неудобно.

Мысленно чертыхаясь, я пошла в столовую и у ее дверей столкнулась с Женькой.

— Как молоко?

— Никак, — отмахнулась я. — Старая ведьма Наташу воспитывает.

— У девчонки жизнь не сахар. Надо бы с ней поговорить об Олимпиаде и местных нравах. Сдается мне, мы узнаем много любопытного.

— Я бы еще в деревне поспрашивала, — кивнула я. — Да боюсь, придется, как вчера, везде ходить с сопровождением.

В коридоре появился Руслан, и мы замолчали. Он обнял меня за плечи и поцеловал куда-то в ухо, я хотела возмутиться, но Женька отчаянно замотала головой, и я только нахмурилась. Несмотря на то что Руслан влез на третий этаж и принес розу в зубах, после приключения в подвале я испытывала к нему неприязнь, а если честно, то и побаивалась. Такому типу ничего не стоит... в общем, Женька, конечно, права, лучше с ним не конфликтовать.

Следом за Русланом явился Олег. Не успели мы сесть за стол, как Олимпиада возвестила, что вернулся наш хозяин. Катер только что прибыл к пристани. Мы решили отложить завтрак и все вместе вышли на крыльцо встретить Льва Николаевича. Он выглядел осунувшимся и усталым, точно не спал всю ночь. Завтракал без всякого аппетита, говорил мало. Извинившись перед Женькой, что работу придется перенести на послеобеденное время, заперся в своем кабинете с Русланом, Олегом и прибывшим с ним Мстиславом. Последний, кстати, за столом не появлялся, что нас с Женькой насторожило.

Когда мужчины удалились, мы с подружкой отправились искать Наташу, но она словно сквозь землю провалилась. В холле Люба мыла полы, и я решила узнать у нее, в чем дело.

— Приболела Наташа, — ответила женщина. — Ушла домой.

— А что случилось? С утра она больной не выглядела.

— Не знаю. Кажется, живот прихватило.

— Давно она ушла?

— Минут сорок назад.

За столом подавала Люба. Я поначалу не придавала этому значения, но теперь вдруг испугалась. Моя тревога передалась Женьке.

— Давай-ка в деревню, — нахмурилась она. — Пока мужики совет держат, нас не хватятся.

Мы спешно покинули дом и направились в деревню. Шли по тропинке вдоль озера, оказалось, что деревушка расположена не так близко. Мы потратили не меньше получаса, прежде чем выбрались к дому, где жила Люба. На высоком крыльце сидел молодой мужчина и возился с каким-то странным приспособлением, его назначение так и осталось для меня загадкой. Услышав наши шаги, он поднял голову и принялся нас разглядывать.

— Здравствуйте, — громко сказала Женька. Он молча кивнул и смотрел нам вслед, пока мы не достигли соседнего дома.

— Почему он так смотрит? — испуганно спросила я.

— Любопытство, — равнодушно пожала плечами подружка.

— Вдруг здесь не любят чужаков?

— А где их любят?

— Тогда, может, с нами и разговаривать-то никто не захочет?

— Для Наташи мы не чужаки. Надо узнать, где она живет.

Я огляделась и на скамейке возле третьего дома увидела женщину лет пятидесяти, она держала на руках рыжего котенка. Мы опасливо приблизились и дружно поздоровались.

— Здравствуйте, — ответила женщина, отпуская котенка, тот, смешно переставляя лапы, направился в палисадник.

— Простите, мы ищем Наташу, она работает в доме, что на той стороне острова, — жалобно сказала я, указывая рукой в направлении дурацкого замка.

— А вот ее дом, — кивнула женщина на соседние хоромы. — Только Наташки нет, минут пятнадцать как убежала на озеро, вернется не раньше чем через час.

— Это она вам сказала? — спросила Женька.

— А чего мне говорить, я и так знаю. За час управится, а раньше нет. Помочь-то некому, мать больная, а папаша с утра пьяный... И где они только ее берут, проклятую. Должно быть, Фроська опять из города привезла мужиков спаивать.

— А где ее можно найти на озере? — не унималась Женька.

— Чего ее искать? Говорю, через час придет. Да вы садитесь. Посидим, поболтаем, так и время пройдет. — Она подвинулась, освобождая нам место на скамейке. Мы охотно воспользовались предложением, однако я на всякий случай спросила:

— Мы вам не помешаем?

— На скамейке сидеть? — засмеялась женщина. — Свое я отработала, теперь на заслуженном отдыхе, живу одна, только и радости, что языком почесать.

Мы с Женькой переглянулись, сообразив, что нам здорово повезло.

— А вы, значит, из щелгуновского дома?

— Вы имеете в виду дом Льва Николаевича Илларионова? — насторожилась я.

— Это он по матери Илларионов, а мы его по старинке зовем. Папашу его, Николая Семеновича Щелгунова, вся округа хорошо знала. И деда его. Известные кровопийцы. — Женщина хихикнула, точно сообщила нам что-то чрезвычайно забавное. — А как там тетка Олимпиада? Давненько ее не видать. Раньше она к себе в Михайловку ездила, домишко у нее там, от племянника остался, тогда и ко мне заглядывала, а в этом году так и не собралась. Вот ведь чудеса, живем на одном острове, родня, а годами не видимся.

— Олимпиада Назаровна ваша родственница? — ахнула я.

— Тетка, — кивнула женщина. — Человек она добрый, но ладить с ней нелегко.

— Добрый? — переспросила Женька.

- Ага, — опять кивнула наша собеседница. — Люди разные, одни доброту на лице носят, другие глубоко в душе прячут. Олимпиада человек хороший, только жизнь с ней сурово обошлась. Вот она душу-то за семью печатями и держит. А вы Льву-то родственницы или так, знакомые?
- Знакомые. Мы по работе приехали.
- Поди, в доме-то у него жить дрожь берет?
- Дом, конечно, необычный, но комнаты уютные.
- А привидений там нет? — спросила женщина насмешливо.
- Да вроде не видно, — в тон ей ответила Женька.
- Жаль. По справедливости-то надо, чтоб вся их дьяволова порода до самой смерти мучилась. Сколько народу загубили, страх.
- Лев Николаевич загубил? — удивилась я.
- Нет, этот если и придушил кого, то чужими руками, сам-то слабоват, не в родителя.
- Чем же родитель так знаменит?
- Как же, он у нас тут двадцать лет главным был по врагам народа. Говорят, от Сталина именное оружие получил, но это врут скорее всего, но крови на нем, что воды в озере. Зверюга... Никого не жалел, ни баб, ни ребятишек. Руки, ноги свяжут — и в прорубь. Развлекались так. Да видно, черти мучили, пил неумеренно и загнулся от белой горячки. Сказали, сердце слабое. Когда памятник ставили, один из местных партийцев так и сказал: «Надорвал сердце, дорогой товарищ, радея за наше светлое будущее». Кругом враги виделись, хотел быть святей святого, да родословная-то подкачала, сам-то был не пролетарских кровей, поневоле начнешь выслуживаться. Дед тут первым человеком был, но до раскулачивания не дожил, а сынок быстро сообразил, куда ветер дует, и сразу подался в пролетарии. Вот так. Говорят, любил сам допрашивать — коли в доме ночью свет горит, значит, лютует, уж как кого к нему отправят, считай, не свидимся.
- А Лев Николаевич говорил, что отец его здесь строительством железной дороги занимался.
- И «железку» на костях построили, а как же? Тоже он. Ладно, девоньки, вы на меня внимания не обращайтесь, дело-то, конечно, старое и нехристь этот сдох давно, так что и поминать его вроде грех, только он весь наш род извел, остались Олимпиада да мама моя, две сестры, а в семье двенадцать душ было. Всех, как косой, выкосили, дядек, теток. Я совсем маленькой была, а помню, как он маме-то сапогом в лицо... Вот злоба-то во мне и плещется на весь их род.
- Как же так? — растерялась я. — Вы говорите, отец Льва Николаевича всю вашу родню извел, а Олимпиада Назаровна у него работает.
- Так это из-за Лидочки, из-за Левкиной матери. Щелгунов ее привез откуда-то, должно быть, тоже из репрессированных... Совсем девчужка, лет семнадцать ей и было. А красавица, не рассказать. Я ее один раз видела. Он ее в этом доме держал, никуда не выпуская, точно в тюрьме. А Олимпиаду взял в услужение. Они и подружились, как сестры были. Лидочка двоих ребятишек родила, Левку и Костю, Олимпиада у них нянькой стала, и они ей как свои. Потом

Щелгунов Лидочку убил, а Олимпиаде куда деваться, ребятшек-то жалко, так и осталась.

— Подождите, отец Льва Николаевича убил свою жену? — нахмурилась я.

— Да не жена она ему, а арестантка... была. Потом времена сменились, сюда учитель приехал, молодой. Ну и вышло дело, полюбили они друг друга, а Щелгунов, конечно, узнал и жену застрелил.

— И что? — Женька слушала не дыша, так потрясла ее эта история... Должно быть, все рассказанное нашей собеседницей ничего общего с автобиографией Льва Николаевича не имело.

— Ничего, — горько усмехнулась женщина. — Лиду схоронили, а Щелгунов запил, да и отдал черту душу.

— И что же, его за убийство жены по головке погладили? — не поверила я.

— По головке, может, и не гладили, но дело замяли. С одной стороны, заслуженный человек, в летах и медалях, с другой — молодая вертихвостка, путалась с кем ни попадя. Чего только не наплели: договорились до того, что она сама застрелилась. Словом, осиротели детки, растила их моя тетка. Да, видно, дурная кровь свое дело сделала. Выросли, да не порадовали. Один точно сыч в отцовском доме сидит, должно быть, есть ему за что людей бояться, а другой...

— Что другой? — испугалась я.

— А другой копия папаши. Жену убил. Здесь же, в доме. Не успел жениться, и тут же удавку на шею. Не зря говорят: яблоко от яблони...

— Когда же это случилось? — продолжила я расспросы.

— Давно... Лет двадцать назад. Косте повезло меньше, отвертеться не сумел, посадили его, но и тут выгорело: не в тюрьму, а в больницу специальную.

— Двадцать лет срок большой, — нахмурилась Женька. — Убил жену, какую-то причину он назвал? Допустим, за все про все схлопотал десять лет, это я по максимуму, на самом деле наверняка меньше. Чего ж он — до сих пор в больнице?

Женщина пожала плечами:

— Может, в самом деле у него что-нибудь с головой приключилось?

— А почему вы дом Льва Николаевича отцовским зовете? — спросила я. — Он же его недавно построил?

— Это он башню свою построил да каменный забор. А дом на этом месте лет сто стоял. Еще их прадед соорудил. Они из староверов. Здесь раньше скит был, потом дом, а в нем молельня. А Щелгунов, папаша то есть, тюрьму устроил. Так что дом новый, начинка старая, оттого про привидения и спрашиваю.

Мы с Женькой задумались над услышанным. Женщина между тем приманила котенка и стала его гладить, а потом сказала:

— Вон и Наташка.

Мы повернули головы и в самом деле увидели Наташу, она шла по тропинке с большим тазом белья в руках. Заметив нас, девушка вроде бы удивилась, кивнула, прошла мимо, а мы, извинившись перед нашей собеседницей, припустились за ней.

— Олимпиаде привет передайте, — крикнула нам вдогонку женщина.

— Обязательно, — ответила я, а Женька, догнав Наташу, взяла ее за руку.

— Наташа, мы к вам.

— Да? — спросила та хмуро. Поставила таз и добавила: — У меня белье на озере. Надо идти.

— Мы с вами, — вызвалась Женька. Девушка пожала плечами, и мы пошли к озеру. Лишь только деревня осталась позади, я осторожно спросила:

— Олимпиада сказала, вы заболели. Это правда?

— Ничего я не заболела, — рассердилась Наташа. — Я оттуда ушла. Отец ругался, а мама говорит, правильно сделала. Чертово место, доброго там не жди. Тетя Сима говорит: Олимпиада добрая, а она недобрая, она злющая и молчать велит. Только и слышу: молчи, рта не раскрывай, язык вырву.

— За что она на вас так?

— Из-за стонов этих. Говорю: стонет кто-то в подвале, — а она: «Врешь, нарочно врешь, сплетни про нас распускаешь». Какие сплетни, ее хозяев здесь сроду добрым словом не вспоминали.

— Ваша соседка рассказывала...

— Вот-вот... а она — сплетни...

— Что за стоны вы слышали? — спросила Женька деловито.

— Из подвала. И вы не верите? — нахмурилась девушка. — Я в самом деле слышала. Сегодня ночью в кладовку отправилась, а в подвале вроде кричит кто-то, а другой смеется. Жуть такая... Я к Олимпиаде... Она пошла со мной, но ничего уже слышно не было. Я к охране кинулась, чтоб дом проверили, ведь страшно же... Их и в комнате-то не было. Где-то через час пришли, сказали: дом осматривали. И этот противный Руслан с ними.

— Почему противный? — осведомилась Женька.

— Потому...

Мы переглянулись, и Женька осторожно спросила:

— Он что, приставал к вам?

— Не ко мне... Любу жалко. Она хорошая, а он... ясно ведь, что бросит, зачем ему деревенская...

— Давайте вернемся к этим стонам, — вмешалась я. — Сегодня ночью вы их в первый раз слышали?

— Нет, во второй. Первый раз за день до вашего приезда. Мстислав Наумович вечером приехал и Олег Петрович. Олимпиада попросила меня остаться, чтоб с ужином помочь и комнаты для гостей подготовить. Я раньше никогда в доме не ночевала, а тут пришлось. Дом огромный, и в окошко что-то стук да стук. Так жутко! А потом началось: кто-то внизу, прямо подо мной кричать стал, а ему вроде рот затыкают. Не знаю, как до утра дожила. Утром сказала Олимпиаде, та Льву Николаевичу, а он не велел меня больше в эту комнату селить.

— Где была ваша комната?

— На первом этаже, в правом крыле. Там комнаты попроще, специально для прислуги.

Если я ничего не путала, это была как раз та комната, где мы с Женькой прятались, когда едва не наткнулись на охранников.

— А сегодня вы там ночевали?

— Нет. Сегодня на втором этаже, рядом с кабинетом Льва Николаевича.

— Как же вы внизу очутились? — допытывалась Женька как заправский следователь.

— Я ночью проснулась и вспомнила, что дверь в кладовку оставила незапертой, когда за продуктами на завтрак ходила. Ужас как страшно идти было, но Олимпиаду побоялась, ругаться будет, и пошла. Дверь-то оказалась запертой, выходит, она, перед тем как лечь, проверила, а когда я назад шла, услышала, что опять кто-то стонет. Жуть. Я к Олимпиаде и за охраной, их на месте не оказалось, а Олимпиада... Я к ним больше не вернусь. Правду говорят, место там дурное. — Девушка подхватила таз и пошла к своему дому, не обращая на нас внимания.

— Что скажешь? — вздохнула Женька, устраиваясь на зеленой травке.

— А что тут сказать? — пожала я плечами. — Кто-то стонет в подвале. Когда Руслан мне обзорную экскурсию устроил, подвал был пуст. Ни ты, ни я в привидений не верим. Души невинно загубленных вряд ли являются своим палачам, не то палачей было бы гораздо меньше. К тому же являться ко Льву Николаевичу довольно глупо, раз зверствовал не он сам, а его отец. Значит, либо это дурацкий фокус, либо...

— В подвале кто-то есть, — совершенно серьезно закончила Женька.

— В каком смысле? — насторожилась я.

— Кого-то в этом подвале держат, — пояснила подруга и даже не ухмыльнулась.

— Ты сама-то в это веришь?

— Нет, — вздохнула она. — Но... Шекспира я тебе цитировать не буду, однако просто желаю напомнить: в жизни встречаются удивительные вещи.

— Допустим, Лев Николаевич устроил в подвале тюрьму, — разозлилась я. — Только допустим. В доме полно людей, охрана, прислуга, гости. Мы с тобой, наконец. Это риск. И кого он может там держать? Какого-то своего недруга? По-моему, от него легче избавиться, чем этак-то...

— Слышала, что соседка сказала: яблоко от яблони... Папаша тюремщик, всю округу держал в страхе, тип с явно садистскими склонностями. Убивает жену, возможно, на глазах детей. Лев

Николаевич, став взрослым дядей, ни с одной женщиной судьбу связывать не стал, зато выстроил идиотский замок, как раз на том месте, где папаша тюрьму устроил. И подвалы сохранил, а в каземате должен быть узник.

— У меня такое в голове не укладывается...

— Еще бы... Родной брат убил жену и до сих пор сидит в психушке. А то, что папа — выдающийся псих, это не вопрос. Вот и детки... Один разделяется с близкой женщиной по примеру папули, а другой, незаметно съехав с катушек, держит в подвале узника.

— Но пропавшего человека ищут, и Лев Николаевич рискует...

— А если это какой-то бомж? Без родни, без документов? Человек погибнет в этом каменном мешке, его по-тихому закопают и нового привезут, чтоб хозяин не скучал.

— Какие ужасы ты говоришь, — пробормотала я и потянулась к мобильнику.

— Ты кому звонить-то собралась? — удивилась Женька.

— Не кому, а куда. В милицию, естественно.

— Анфиса, ты спятила, — покачала головой подружка. — Да нас засмеют. Или в психушку отправят.

— Я Ромке позвоню, его не засмеют.

— Он решит, что нам надо больше времени проводить на свежем воздухе. К тому же твой Ромка в Моздоке, а это довольно далеко.

— Что же ты предлагаешь?

— Искать. Если в подвале кто-то есть, мы должны помочь человеку, иначе, как только на горизонте появится милиция, от него поспешат избавиться.

— А если мы сами окажемся в подвале? — пожившись от недавних воспоминаний, спросила я.

— Надо быть оптимистом.

Тут я сообразила, что Женька уже некоторое время что-то вычерчивает палочкой на земле.

— Что это? — проявила я любопытство.

— План дома. Ну-ка, попытайся сообразить, в какой части подвала вы с Русланом путешествовали?

Соображала я никак не меньше получаса, и Женька изо всех сил мне помогала, только толку от этого было мало. Как узнать, по всему подвалу мы прошлись или самого главного мне не показали?

— Обрати внимание на то, что Наташа сказала, — закончив со схемами, вздохнула Женька. — Охраны на месте не было. И в нашем случае они появлялись как черт из табакерки. То, что в кладовой есть ход, мне совершенно ясно. Вот только куда он ведет?

— Будем искать ход в кладовой? — спросила я без энтузиазма.

— Будем. А эту ночь проведем в таинственной комнате.

— Я не пойду, — торопливо заявила я.

— Значит, я пойду одна, — вздохнула Женька, и мне стало ясно, что идти придется. — Не худо бы заручиться мужской поддержкой, — почесав в затылке, продолжила Женька. — Как тебе Олег? По-моему, очень приличный парень.

— Возможно. Только доверять ему нельзя. Вдруг он знает о проделках Льва Николаевича... Пстой, ведь к Илларионову милиция приезжала, мы-то думали — из-за нашей машины... — Я почувствовала, что бледнею. — Значит, действительно кого-то ищут?

— Анфиса, давай не будем слишком фантазировать. Наша задача обследовать подвал и приглядеться к Олегу. Подвал придется обследовать вместе, а пригляжусь к нему я одна.

— А как же Олимпиада? — воскликнула я. Женька только глаза вытаращила, явно мало что понимая. — Мы же решили, что она кого-то прячет. И на Наташу она разозлилась, ведь неспроста же.

— Олимпиада кого-то заманила в подвал и там держит? — спросила Женька хмуро.

— Подожди, не путай меня, — махнула я рукой. — Кто-то стонет в подвале, а мы знаем, что рядом с домом бродил тип с бородой. И скрылся он скорее всего в дурацком замке при помощи Олимпиады, и та нервничает, когда речь заходит о подвале.

— Хочешь сказать, старая ведьма помогает своему воспитаннику? Они заманили в дом бородача и...

Не сходится, — в два голоса сказали мы. — Наташа слышала стоны до нашего приезда.

— Хватит гадать, — вздохнула подружка. — Пора действовать. — И решительно поднялась.

Возвращались мы другой дорогой, прошли через деревню, затем по тропинке к лесу, а уж потом вдоль берега озера. Выходило значительно дальше, но в логово Льва Николаевича мы не спешили.

Путь наш лежал через новостройку: кому-то, как видно, лавры нашего хозяина не давали спать, и он решил посоревноваться с ним в размахе. Дом стоял в стороне и пока только-только начал приобретать очертания. То есть строительство находилось в начальной стадии.

На стройке трудились трое рабочих. По крайней мере мы заметили только троих, а когда свернули на тропу, я увидела четвертого. Он замешивал раствор, весело насвистывая. Что-то в его облике показалось мне знакомым. Я замерла, дернув Женьку за руку, и уставилась на парня. Тут он как раз повернулся, и я узнала нашего питерского знакомого, а Женька даже имя вспомнила.

— Юра! — окликнула она. Он удивленно посмотрел на нас, но почти тут же улыбнулся и пошел нам навстречу.

— О, девчонки, смотри, как судьба сводит. Вы как сюда попали?

— Мы в гостях, вон в том доме. — Женька неопределенно махнула рукой, потому что дом Льва Николаевича отсюда при всем желании увидеть было невозможно. — А ты как здесь оказался?

— Так я сюда работать приехал. Платят прилично, и отдохнуть можно, а в Питере у меня сейчас работы нет.

— Ясно. Что ж, приходи в гости, у нас пляж отличный.

— Обязательно, — пообещал он.

Мы помахали ему на прощанье и стали подниматься по тропинке. Обернувшись в очередной раз, я вдруг увидела Наташу, она стояла в нескольких шагах от Юры с литровой банкой молока в руках. Лицо ее имело какое-то странное выражение, то ли испуганное, то ли растерянное. Юра направился к ней, взял банку, и они о чем-то заговорили.

— Кажется, наша девушка влюблена, — прокомментировала все это Женька, а я пожала плечами.

Дальше мы шли молча. Я была полностью погружена в свои мысли, и разговаривать мне совсем не хотелось, зато очень хотелось, чтобы рядом шел мой бравый полковник. Уж он-то бы быстренько вывел всех жуликов на чистую воду. С ним можно и в подземелье привидений ловить. В этом месте я поежилась — перспектива провести ночь в Наташиной комнате вгоняла меня в тоску.

Мы вышли к озеру и стали подниматься по тропинке. Подъем оказался не из легких. Шли мы друг за другом, вскоре я стала задыхаться и подумала, что лучше было бы нам возвращаться через лес.

— И как только здесь люди ходят, — охая за моей спиной, пробурчала Женька. — Шею свернуть — раз плюнуть.

— Привычка, — пожала я плечами. И в этот момент откуда-то сверху мы услышали девичий голос:

— Евгения Петровна, Анфиса Львовна! — Я подняла голову и в нескольких метрах над собой увидела Наташу. — Я вас спросить хотела... Поднимайтесь, я жду. — Она махнула рукой, а мы с Женькой заспешили вперед, и тут произошло нечто в высшей степени неожиданное. Наташа шарахнулась от кустов, возле которых стояла, нелепо взмахнула руками, жалко вскрикнула и, сорвавшись с тропинки, камнем рухнула вниз.

Мы с Женькой истошно заорали, Наташа упала у самой воды, а я тяжело осела на тропинку.

— Осторожней, — пролепетала Женька. — Привались вот так, а я к ней... Может, жива, может, как... может, повезло... — Подружка и сама-то не верила в то, что говорила, высота была приличная, и упала Наташа прямо на камни. Я с трудом поднялась и сказала:

— Да... идем. — И вот тут я увидела Олимпиаду. Она замерла метрах в ста впереди и, глядя вниз, медленно перекрестилась.

— Вот ведьма, — в ужасе пробормотала Женька. — Неужто она?

Олимпиада скрылась, а мы попытались спуститься. Но не тут-то было, склон оказался слишком крутым, пришлось возвращаться к деревне, а это заняло минут пятнадцать, хотя мы спешили изо всех сил. Навстречу нам от ближайших домов бежали люди, как выяснилось чуть позже, один из жителей вышел на своей моторке в озеро на рыбалку и увидел падение Наташи.

Вскоре возле тела девушки собралась вся деревня. Женщина лет пятидесяти прибежала последней, взглянула на Наташу и страшно закричала, соседки подхватили ее под руки. К нам подошел Юра, лицо его было растерянным, он взял меня за локоть и спросил:

— Как же это так получилось?

Женька принялась сбивчиво рассказывать, а я тупо смотрела в одну точку где-то у себя под ногами. Мать Наташи судорожно всхлипывала, ее кто-то утешал, а мужчина в комбинезоне, размазывая по лицу слезы, обиженно говорил:

— Ведь сколько раз ругал, не ходи здесь... будто дороги нет. Прошлым летом только чудом жива-то осталась, на спине съехала, ободралась вся... И вот, пожалуйста.

— Может, врача? — нерешительно спросил кто-то. Ответа не последовало, врач Наташе был уже без надобности.

— Надо за участковым послать, — шепнула женщина в пестром платке.

— Максим уже отправился.

Буквально через десять минут в поле нашего зрения появился катер с милицейскими чинами на борту. Оперативность милиции произвела на нас впечатление... Однако скоро стало ясно, что прибыли они сюда совсем по другому делу и о происшедшей трагедии еще и не знали.

Катер подошел к берегу чуть дальше того места, где на каменистом пяточке собрались все обитатели деревни, и двое мужчин в форме направились в нашу сторону.

— Что случилось? — зычно спросил один. Ему разом ответило несколько голосов. Раздвинув толпу, он подошел к телу, стянул фуражку и произнес: — Ах ты, господи...

Я пристроилась на каком-то валуне и пыталась прийти в себя. Рядом Женька разговаривала с Юрой.

— Зачем она побежала за нами?

— Не знаю, я цемент понес, оглянулся, вижу, она вверх по тропинке бежит, а потом крики... — Он нахмурился и покачал головой.

Лицо Наташи прикрыли платком, народ стал потихоньку расходиться. Незаметно исчез и Юра. Нежелание людей находиться рядом с трупом было вполне понятно. Но мы с Женькой упорно продолжали торчать на берегу. Наконец на нас обратили внимание.

— Вы видели, как это произошло? — спросил пожилой дядька в погонах капитана. Женька принялась объяснять ему, а дядька смотрел вверх на тропинку и качал головой. — Да... вот ведь...

Тут в поле нашего зрения появился катер, в нем находились Мстислав Наумович и охранник по имени Саша. Через минуту Мстислав оказался возле нас и деловито осведомился:

— В чем дело? — Должно быть, адвоката здесь знали — местная власть разговаривала с ним в высшей степени уважительно.

Милиционер, тот, что помоложе, поднялся наверх и обследовал тропинку. Спустился он минут через двадцать.

— Все ясно, — сказал он со вздохом. — Там тропинка совсем узкая, девчонка вниз посмотрела, голова закружилась...

— Отец говорит, тем летом едва не разбилась, и вот на тебе...

— Как будто другой дороги нет.

— Я думаю, Анфиса с Евгенией могут быть свободны, — заявил Мстислав, и оба милиционера согласно кивнули.

— Конечно, дело-то ясное...

При этих словах все во мне возмутилось. Лично для меня дело было отнюдь не ясным.

— Вам следует поговорить с Олимпиадой Назаровной, — вмешалась Женька. — Она вон там стояла и, должно быть, все видела.

— Что? — вроде бы не понял Мстислав.

— Видела, как девушка упала...

— Произошел несчастный случай. Думаю, и без лишних вопросов картина вполне ясна. Но если вы хотите поговорить с Олимпиадой Назаровной... — обратился адвокат к капитану.

— Зайду, — кивнул тот. — Хоть особой нужды не вижу. Вот и отец ее говорит... Жалко девчущку.

Беседуя, мы вышли на дорогу. Где-то рядом хрустнула ветка, я резко повернулась, но никого не увидела, вроде что-то мелькнуло между деревьев, впрочем, нет, показалось.

— Вы, говорят, зачем-то девушку искали? — обратился ко мне капитан. Мстислав нахмурился, а Женька, выпорхнув вперед, затараторила:

— Наташа у Льва Николаевича работала, сегодня приболела, а мы пошли прогуляться, в деревню заглянули, ну и решили ее проведать.

— А зачем она за вами побежала?

— Не знаю. Видно, хотела что-то сказать, крикнула, мы голову подняли и...

— Анфиса, вы плохо выглядите, — тревожно сказал Мстислав, глядя на меня. — Пожалуй, нам стоит поскорее отправиться домой. Николай Иванович, если мы понадобится, вы знаете, где нас найти.

— Я, Мстислав Наумович, не прощаюсь, еще загляну... Я ведь сюда ко Льву Николаевичу прибыл, хотел узнать, из его гостей никто не пропал?

— В каком смысле? — удивился адвокат.

— Ну, мало ли как бывает, от вас уехал, а домой не прибыл. Я ведь почему спрашиваю — у Льва Николаевича всегда гости, чужие люди, так сказать...

— А в чем, собственно, дело? — нахмурился Мстислав.

— Возле парома труп выловили. Мужчина, вроде молодой, лица считай что нет, видно, камнем... рук и ног тоже нет, сроду у нас ничего похожего не было... и из местных никто не пропадал. Значит, турист или приезжий кто...

— У нас, слава богу, все живы-здоровы.

— Ага. Что ж, значит, из туристов. Вот ведь не было печали. Должно быть, по пьяному делу. Руки, ноги-то зачем рубить?

— Наверное, убийца хотел расчленив труп, чтоб понадежнее спрятать, но не успел осуществить свой план до конца.

— Да, такое в наших краях впервые...

— Все когда-нибудь бывает в первый раз...

Мы достигли окраины деревни.

— Пожалуй, возвращаться лучше через лес, — заметил Мстислав, с тревогой поглядывая на меня. Эти его взгляды начали раздражать, не так уж скверно я себя чувствовала. Скорее всего Мстислав Наумович просто ломал комедию, желая оградить нас от вопросов стражей порядка. Я же, напротив, очень хотела бы поговорить с ними, да боялась, что затея эта пустая.

То, что Наташа погибла в результате несчастного случая, для них вопрос уже решенный. У меня же на этот счет свое мнение. Только вот что я могу рассказать? Поведать о своих смутных подозрениях, о стогах из подземелья, о том, что в своем подвале Лев Николаевич устроил тюрьму? Женька права, нас немедленно отправят в психушку — необходимы улики, и идти с ними надо не к капитану, которого скорее всего Лев Николаевич подкармливает, а... к кому? «К Ромке», — очень быстро нашла я ответ. Ромка на многое способен, и если эти гады убили девчонку... впрочем, даже Ромка меня сейчас слушать не будет, решит, что у меня крыша поехала, к тому же для него наши с Женькой расследования точно кость в горле, и он меня хоть под конвоем, но с острова увезет. В этом случае мы ничего не узнаем и мерзавцы, творящие здесь все эти гнусности... Мы как раз вышли на дорогу, когда Мстислав вспомнил об охраннике.

— Надо предупредить Сашу, чтобы не ждал, — спохватился он. — Вы идите, я вас скоро догоню. — И зашагал к озеру. Вскоре мы услышали звук моторки, удаляющейся в сторону замка, но адвокат так и не появился. Женька схватила меня за руку.

— Идем. — И потащила к озеру. Вскоре я поняла, что она затеяла. Тропинка, по которой шла Наташа, была в трех шагах от нас. Со своего места мы хорошо видели озеро, камни у кромки воды и деревню справа. — Вот отсюда она упала, — зашептала Женька, тревожно оглядываясь. — Здесь кусты, к ним вполне можно подобраться со стороны дороги. И времени на это уйдет всего ничего. Толкнула девчонку и дальше по тропинке. Ни мы, ни дядька на лодке ничего не увидят.

— Ты имеешь в виду Олимпиаду? — тоже шепотом спросила я.

— Конечно. Это она ее толкнула.

— Но зачем? — усомнилась я, хотя так же, как и подружка, была в этом уверена. Почти.

— Не знаю. Девушка о чем-то догадалась и бросилась за нами, чтобы рассказать.

— А Олимпиада, по-твоему, следила за нами?

— Почему бы и нет? Ясно, она чего-то боится. Постоянно Наташу ругала, грозила ей. А потом просто убила. С этой ведьмы станется.

Слушая Женьку, я торопливо шла по тропинке, то и дело поглядывая на часы, вскоре мы уже стояли на том самом месте, где заметили старуху.

— Нет, — твердо заявила я, покачав головой. — Чтобы незаметно толкнуть девушку и выбраться сюда, она могла воспользоваться только этой тропой. Так?

— Так.

— Мы с тобой потратили четыре минуты. Даже если бежать бегом, все равно минуты две. А Олимпиаду мы увидели через несколько секунд после падения.

— Да... неувязочка, — суксилась Женька. — Но все равно, без старухи не обошлось. Либо подослала кого-то, либо видела убийцу.

— А если капитан прав? — вздохнула я, когда мы спускались к воде по тропинке. — И это действительно несчастный случай?

— Какой случай, когда здесь такие дела творятся? — рявкнула подружка.

— Какие дела? — еще раз вздохнула я, и Женька, подумав, тоскливо согласилась:

— Да... может, в самом деле бес попутал и мы все напридумывали?

Словно в ответ на ее слова что-то прогрохотало совсем рядом. Женька взвизгнула, а я, не помня как схватив подружку в охапку, свалилась вместе с ней в ближайшие кусты, с ужасом наблюдая, как огромный камень пролетел как раз в том месте, где мы только что стояли, рухнул вниз, и наступила тишина.

— Господи... — пролепетала Женька. — И ты еще болтаешь о случайностях.

Не успела я ответить, как услышала голос Мстислава.

— Анфиса, Евгения, — настойчиво звал он.

— Мы здесь, — хрипло ответила я и вскоре увидела адвоката.

— В чем дело? — Он вроде бы удивился, застав нас в несколько необычной позе: сидя на четвереньках, мы трясли головами, пытаясь прийти в себя.

— Камень сорвался, — сообщила Женька.

Мстислав сначала нахмурился, а затем побледнел.

— Какой камень? — спросил он испуганно.

Женька ткнула пальцем вниз:

— Вон тот. А упал отсюда. Не знаю, как мы живы остались.

— Вы что, хотите сказать... Пойдите...

— Я хочу сказать, — перебила Женька, — мне эти несчастные случаи крайне подозрительны.

— Подозрительны? — Я испугалась, что Мстислав чего доброго рухнет в обморок, хотя и чувствовала себя хуже некуда, но за него начала всерьез беспокоиться и даже встала, чтобы в случае чего поддержать его. — Скорее идемте отсюда, — в крайнем волнении заявил он и, подхватив нас под руки, буквально потащил к дороге. Идти таким образом было неудобно, и я попыталась освободиться, но не тут-то было, адвокат впился в меня, точно клещ.

— Нельзя ли полегче? — не выдержала Женька, как видно, Мстислав и ее успел доконать. Он замер, сбившись с шага, посмотрел на нас пустыми глазами и пробормотал:

— Да-да...

А я окончательно решила, что он не в себе.

Мы приближались к той части дороги, где она шла по открытому пространству, я увидела дом, то есть замок, мост и Руслана, который стоял возле моста и курил, должно быть, наблюдая за дорогой, Ник весело носился рядом. Мстислав тоже заметил Руслана и повел себя еще более странно: несколько минут назад он буквально тащил нас к дому, а теперь потянул за руки назад в лес.

— Вот что, я хотел бы с вами поговорить.

— О чем? — нахмурилась Женька, которой все его выкрутасы порядком надоели, она выдернула свой локоть и, сложив руки на груди, решительно уставилась на адвоката.

— Обо всем этом, — беспомощно кивнул Мстислав. — Видите ли, если... если вы намекнете Льву на возможность покушения на вас, я говорю о возможности, — торопливо добавил он, — это будет... в общем, это произведет совершенно ненужный эффект. — Вряд ли парень сам понимал, что говорит.

На это Женька прозрачно ему и намекнула:

— Если хотите, чтобы мы сообразили, что к чему, выражайтесь яснее.

— Да-да, конечно. — Бедняга облизнул губы и покосился в сторону дома, а затем принялся торопливо излагать: — С некоторых пор Лев очень беспокоится за свою жизнь. Если угодно, это стало его навязчивой идеей. Он даже обратился к Руслану, оттого тот и живет здесь.

— А кто у нас Руслан? — насторожилась Женька.

— Он специалист по вопросам безопасности, — сам себе не веря, сообщил Мстислав. — И очень опасный человек. Вечно всех подозревает. Он способен превратить нашу жизнь в ад. Просто запереть в этом замке и подвергать многочасовым допросам. А ваш рассказ — как раз хороший повод, чтобы так поступить.

— Это что же выходит? — не выдержала подружка. — Если мы сейчас сообщим о том, что нас чуть не прикончили, Руслан решит, что мы посягаем на безопасность хозяина? Чепуха получается, Мстислав Наумович, придумайте что-нибудь другое.

— Мне нечего придумывать, — взвился тот. — Сообщите ему об этом камне и увидите, что начнется. Это не человек... змея... нет, хуже. Господи, я вас умоляю, не забивайте свою голову фантазиями, это всех нас погубит.

— Фантазии? — повысила голос Женька. Я все это время стояла молча, пытаюсь сообразить, отчего так разбирает адвоката.

— Да, фантазии, — твердо заявил Мстислав. — Погибла девушка, это произвело впечатление, вдруг сорвался этот камень, вполне естественно...

— Камень не естественно, — перебила Женька. — И гибель Наташи... — начала она, но я сделала ей знак молчать, и Женька поспешно прикрыла рот, гневно сверкая глазами.

— Чего вы хотите? — вмешалась я, выждав, когда все немного успокоится.

— Я? — Мстислав вроде бы растерялся. — Я хочу, чтобы из сегодняшнего происшествия не раздували слона, то есть из мухи слона. Погибла девушка, это печально, да, вы напуганы, но... тысячи людей ежедневно гибнут...

— Давайте вернемся к нашей ситуации, — напомнила я.

— Вот именно, — кивнул Мстислав. — Я не хочу поднимать шум. Только и всего. Наташа погибла, но какое это имеет отношение к нам?

На данный вопрос мы ответить не могли, но я была уверена, связь есть, при условии, что это не несчастный случай. А где доказательства, что так оно и было? Может, прав Мстислав и мы своим вмешательством заварим такую кашу... как бы потом самим не пришлось ее расхлебывать.

Мстислав терпеливо ждал, а мы с Женькой размышляли, время от времени поглядывая друг на друга. Если камень сорвался не случайно, логично предположить, что укокошить нас хотели по той же причине, по которой убили Наташу (если ее убили, конечно). Некто решил, что девушка что-то знает, и, когда она бросилась за нами, он... Но ведь Наташа ничего нам не успела сказать, зачем же тогда от нас избавляться? Да... Предположим, некто все-таки решил, что Наташа рассказала нам что-то важное, тогда вполне понятно желание избавиться и от нее и от нас. Беда в том, что я не могу взять в толк, что такого могла сообщить нам Наташа? О столах в подвале? Но впервые она заговорила об этом еще до нашего приезда, а погибла лишь сегодня. Убийца выжидал удобного случая? Но ведь она этой тропой ходила ежедневно. Почему же сегодня? Или мы с Женькой что-то проглядели, или в самом деле не было никакого убийства и, следовательно, покушения на нас тоже не было, а все это бред нашего воспаленного воображения. Если мы будем настаивать на своем, придется объяснить, с чего мы вообще решили, что кто-то мог убить Наташу, то есть придется выложить наши подозрения. Вряд ли они понравятся участковому и уж точно не понравятся Руслану. Да...

Я хмуро взглянула на Женьку, по выражению ее лица стало ясно: в ее голове бродят те же мысли. Мы перевели взгляд на Мстислава: он был по-прежнему бледен, на лбу выступил пот, глаза бессмысленно смотрели куда-то вдаль. С этим хмырем как раз все ясно. Заговори мы о своих подозрениях, Руслан насторожится и, очень возможно, узнает о двойной игре адвоката. То, что он ведет двойную игру, было мне абсолютно ясно.

— Хорошо, — вдруг заявила Женька. — Мы будем молчать. Но если с нами что-нибудь случится...

— Что с вами может случиться? — всплеснул руками Мстислав, вроде бы обидевшись. — Просто выбирайте для прогулок безопасные места, там, где нет камней и головокружительных подъемов. Берите с собой Ника, меня, наконец, того же Руслана. — Последнее предложение мне показалось особенно ценным. Мы с Женькой вздохнули и направились к дому. Мстислав плелся сзади, казалось, его вот-вот разобьет паралич.

Руслан, заметив нас, пошел навстречу.

— Бедная девочка, — сказал он с нежностью и взял меня за руку так, что я даже не сразу поняла, к кому эти слова относятся. Оказалось, все-таки к Наташе. — Я уже все знаю. Наташе на днях исполнилось восемнадцать. Олимпиада слегла, Лев вызвал ей врача. Как ты? Говорят, это случилось на ваших глазах?

— Да, — кивнула я и заревела, так мне сделалось жаль Наташу, ее родителей и себя почему-то тоже. — Она нас окликнула, мы подняли головы и вдруг...

— Бедная девочка, — сказал он с нежностью и взял меня за руку так, что я даже не сразу поняла, к кому эти слова относятся. Оказалось, все-таки к Наташе. — Я уже все знаю. Наташе на днях исполнилось восемнадцать. Олимпиада слегла, Лев вызвал ей врача. Как ты? Говорят, это случилось на ваших глазах?

— Да, — кивнула я и заревела, так мне сделалось жаль Наташу, ее родителей и себя почему-то тоже. — Она нас окликнула, мы подняли головы и вдруг...

— Вам лучше выбрать для прогулок безопасное место, — заметил он совсем как Мстислав недавно. — Идемте, Лева беспокоится...

Руслан взглянул на адвоката, и тот под его взглядом побледнел еще больше. Выходит, парню в самом деле есть что скрывать.

— Вы навещали Наташу? — как бы между делом задал вопрос Руслан.

«А он непрост», — подумала я и насторожилась, пожалуй, стоит следить за своими словами.

— Нет, — подала голос Женька, тоже почуяв опасность. — Мы просто пошли прогуляться, в деревне познакомились с женщиной, Наташиной соседкой, немного с ней поболтали, а тут как раз Наташа вернулась с озера, она белье полоскала.

— Олимпиада сказала, Наташа приболела, а потом выяснилось, они с ней просто повздорили. Наташа не рассказывала, из-за чего?

Неужто Руслан тоже подозревает Олимпиаду? О происшедшем утром скандале ему наверняка донесла Люба, но какое отношение ссора экономки с прислугой может иметь к безопасности Льва Николаевича? Я покосилась на Мстислава, тот шел, глядя прямо перед собой, и вроде бы не слышал нашего разговора.

— Мы об этом не говорили, — ответила я. — Мы вообще болтали несколько минут, в основном о погоде. Я, честно говоря, подумала, что у Наташи сегодня выходной.

Мы вошли в малую гостиную, где нас ожидали Олег и сам хозяин. Лев Николаевич выглядел встревоженным.

— Какое несчастье, — заявил он, лишь только мы вошли. — Я успел привязаться к этой девочке, хотя она работала у нас совсем недавно. Анфиса, садитесь, вы так бледны... Евгения...

Мы сели, и Женька рассказала о происшествии. Руслан слушал очень внимательно, но в продолжение рассказа смотрел не на подружку, а на Мстислава. Тот отрешенно сидел в сторонке и участия в беседе не принимал. Олег тоже молчал, при этом почему-то казалось, что из всех мужчин лишь он искренне огорчен смертью девушки.

Рассказ много времени не занял, мы еще повздыхали, после чего все вдруг растерянно замолчали, затянувшуюся паузу прервало появление милиции, в гостиную заглянула Люба и сообщила об их прибытии.

Лев Николаевич извинился и покинул комнату вместе с Русланом и адвокатом, а мы остались втроем.

— Какая нелепая смерть, — тихо сказал Олег, глядя в окно.

Милиционеры отбыли через два часа, мы все это время сидели в гостиной почти в молчании. Я решила, что день для меня выдался не из легких, и отправилась в свою комнату, но лишь затем, чтобы, лежа на кровати, таращить глаза в потолок и в сотый раз задавать самой себе все те же вопросы.

Потратив на это часа полтора, я наметила следующий план действий: следует выяснить, что за чертовщина происходит в доме. Если в самом деле происходит и мы в этом убедимся, значит, Наташа погибла не случайно, а вот если все, что мы с Женькой успели напридумывать, не более чем бред двух свихнувшихся на тайнах дамочек, значит, убивать Наташу было не из-за чего и ее смерть действительно несчастный случай. Выходило не очень складно, но ничего не поделаешь.

Я вспомнила о подруге и подошла к окну. Так и есть, Женька под ручку с Олегом гуляла в саду. Конечно, союзник в этом подозрительном месте нам не помешает, но почему-то во всех детективах самый милый парень и оказывается подлым убийцей. Как бы нам с Женькой не лопухнуться.

В изнеможении я опустилась на кровать и, как всегда в минуты отчаяния, вспомнила о муже, рука сама собой потянулась к телефону, я набрала номер, но, услышав Ромкин голос, струхнула и решила, что не стоит торопиться с изложением фактов (тем более что никакими фактами я не располагаю), оттого, немного поболтав о том о сем, я высказалась весьма туманно:

— Сегодня здесь погибла девушка. Упала на камни. — Ромка настороженно молчал. Так как я тоже замолчала, он не выдержал и рывкнул:

— Конечно, твоя чокнутая сразу решила, что это убийство.

— Какая чокнутая? — прикинулась я дуручкой.

— Женька, естественно. Анфиса, я тебя умоляю, никаких расследований. Я не могу здесь работать, ожидая каждую минуту, что... в общем, ты поняла. Девушку жалко, но это не ваше дело.

— Я просто так сказала, — торопливо заверила я. — Настроение ужасное, мы с Женькой видели, как она упала... — Я пожаловалась на несправедливость судьбы, а Роман Андреевич

мне посочувствовал, вскоре мы простились, а я решила подзарядить сотовый и обнаружила, что подзарядное устройство куда-то исчезло. Вчера оно лежало в моей сумочке, а сегодня как сквозь землю провалилось. Я обыскала всю комнату, перешла в Женькину, на всякий случай и там все посмотрела. Крайне озадаченная, я стала прикидывать, куда оно могло подеваться, за этим занятием меня и застала вернувшаяся Женька.

— Хорошо смотрела? — хмуро поинтересовалась она, когда я сообщила ей новость.

— Конечно.

— Так... ты его с собой брала сегодня, когда в деревню пошли?

— Нет, — удивилась я. — Зачем мне брать с собой подзарядное устройство?

— Дура ты, Анфиса, — со вздохом заявила подруга. — Ведь русским языком тебе сказано было: молчи о телефоне, убери его с глаз долой. По-твоему, люди дураки, не сообразят что к чему?

— В каком смысле? — насторожилась я.

— В смысле, если есть подзарядное, значит, есть и телефон.

— А откуда... — В этом месте я обвела растерянным взглядом комнату и перешла на шепот: — Нас что же, обыскивали?

— Очень может быть, — кивнула подруга. — Знать бы кто...

— Это Руслан, — хватаясь за сердце, сообщила я. — Он нас с самого начала подозревал. Точно он, больше никому.

— Не скажи, в этом серпентарии в кого ни ткни пальцем, каждый потенциальный убийца. К примеру, Олимпиада, ей комнату обыскать раз плюнуть, и подозрений никаких.

— Но зачем старухе подзарядное устройство? — усомнилась я.

— А затем, чтоб мы остались без связи. Ты вот что, Анфиса, ты Ромке звони по обычному телефону, хозяина мы не разорим, он не бедный, заодно сможет убедиться, что никакой ценной информацией мы не располагаем. А подзарядное мы добудем, не переживай.

— Но ведь для этого придется в город ехать...

— Вовсе не обязательно.

Происшествие повергло меня в тоску и уныние. Во время ужина я сидела молчаливая и даже о предстоящей экспедиции не думала.

— Мне очень жаль, что это случилось, — глядя на меня, заявил Лев Николаевич, имея в виду гибель Наташи и наше с Женькой присутствие при этом.

Лица у всех обитателей дома были постные, за столом прислуживала заплаканная Люба, а Олимпиада так и не появилась. Лев Николаевич сообщил, что был врач и советовал ей пару дней полежать. То, что он искренне обеспокоен самочувствием старой няни, у меня сомнений не вызвало, и Олимпиада могла слечь от душевных переживаний, и все же... что-то не давало мне покоя, а тут еще исчезновение подзарядного устройства.

Разговор за столом неизбежно вернулся к недавней трагедии, вот тут и выяснилось, что стражи порядка, тщательно все обследовав и опросив свидетелей, окончательно убедились, что это несчастный случай. Тело девушки отправили на материк, а тропинку решили перегородить с обеих сторон, чтоб никто там не мог ходить. В общем, в деле о гибели Наташи милиционеры поставили жирную точку. Мы с Женькой переглянулись, а я тут же поймала на себе взгляд Руслана. Он ухмыльнулся и сказал громко, привлекая внимание всего стола:

— Кажется, Анфиса Львовна слегка разочарована. Вместо таинственного убийства банальный несчастный случай.

Я хотела ответить в том смысле, что тут еще надо разобраться, но вовремя сдержалась, выдала улыбку и заявила:

— По-моему, в этих краях убийство не редкость. Сегодня капитан рассказал чудовищную историю о найденном трупе. У него отрезаны конечности и обезображено лицо... ужас. Так что если вы намекаете на мою страсть к детективам... — В этот миг раздался грохот, и все повернулись в сторону Мстислава. Тот сидел бледный, потный и поспешно сказал:

— Извините, я, кажется, разбил тарелку...

Вошла Люба, убрала осколки, за столом повисла продолжительная пауза.

— Да, занятно, — немного невпопад сказал Руслан и весело хохотнул, Олег, взглянув на него с недоумением, завел разговор на тему: «Почему люди решаются на убийство». Женька его с готовностью поддержала, и под конец в беседу включились все, даже Мстислав. Руслан, кстати, несколько раз обращался к нему как к специалисту (надо полагать, он имел в виду профессию адвоката), тот отвечал витиевато, к чему склонны все представители его касты, тарелок больше не бил и даже смог вернуть лицу его нормальный цвет. В целом можно было констатировать, что ужин прошел интересно. Сразу же после ужина я удалилась к себе, Женька последовала за мной.

— Он его убил, — заявила подружка, едва за ней захлопнулась дверь.

— Кто? — перепугалась я.

— Мстислав, естественно. — Женька устроилась на кровати и посмотрела на меня в крайней досаде. — Ты же видишь, как он нервничает. Как только заговорили о трупе, он чуть в обморок не рухнул. А когда милиция приехала, он же весь позеленел... Оттого и нас уговаривал помалкивать.

— Да кого он убил? — растерялась я.

— Шантажиста, само собой. Тот ему звонил, назначил встречу, Мстислав его убил, ножки, ручки оттяпал, чтоб опознать не могли, и...

— Постой, а когда он смог это проделать?

— Когда уезжал с Левушкой. Вчера Мстислав весь день отсутствовал, а сегодня менты трупик нашли.

— Но если он был с Левушкой, — нахмурилась я, — как же тогда смог избавиться от шантажиста?

— Мы ведь не знаем, все ли время они были вместе. Мстислав хитрый, вспомни, как он нас в универмаге провел. Мы-то думали, что скрываемся от него, а на самом деле...

— По-моему, ты фантазируешь, — отмахнулась я.

— Еще чего, говорю, он его убил. Он же трясется весь и об этом трупке напоминаний не выносит. На воре шапка горит. Руслан, кстати, тоже что-то заподозрил, все его взглядом сверлил, я наблюдала.

— Что же делать? — испугалась я. — Мало нам гибели Наташи, теперь еще какой-то труп без рук, без лица.

— Смотреть в оба.

— Ясно, — поскущнула я. — А засаду в комнате Наташи будем устраивать?

— На привидение? Обязательно. Как все улягутся, так и пойдем. Олимпиаде врач прописал покой, надеюсь, сегодня старая ведьма нам помешать не сможет. Давай подремлем малость, ночка будет не из легких.

Мы легли, и я честно попыталась заснуть, что мне вскоре и удалось несмотря на то, что Женька крутилась рядом точно веретено да еще вздыхала.

Открыв глаза, я едва не закричала: в комнате кто-то был, стоял возле противоположной стены. Только я собралась заорать что есть мочи, как неизвестный испарился, а я, отдышавшись, сообразила, что это просто тень от окна. Луна заглядывает в комнату, а тени до того причудливы... В общем, просыпаться в такую ночь не стоило, а уж привидений ловить...

Я повернула голову, собираясь предложить Женьке отложить экспедицию, и только тогда увидела, что место рядом со мной пусто.

— Женька, — позвала я, но мне никто не ответил. После исчезновения подзарядного устройства, с моей точки зрения, могло произойти все, что угодно. Я вскочила, бросилась в ванную, а потом в Женькину комнату. Подружки нигде не было. Не могла же она пойти искать привидений в одиночку? Тогда куда исчезла? Я заревела с перепугу, погрызла ноготь, а потом осторожно выглянула в коридор. Разумеется Женьки там не было, да и что ей делать в коридоре? Но я на всякий случай позвала: — Женька. — Ответа не последовало, я прошла к лестнице, свесилась через перила и позвала громче, тоже без всякого толку. — Где же она? — бормотала я в отчаянии, спускаясь по ступеням, и достигла первого этажа. Здесь меня ждал сюрприз: дверь, ведущая от лестницы в холл, была заперта. Я поднялась на второй этаж, с намерением обойти дом по кругу, чтобы оказаться в холле. Второй этаж, который в нашем крыле был нежилой, тонул в темноте. Я попыталась найти выключатель, но мне не повезло, пришлось двигаться на ощупь.

Впереди мелькнул свет, и я обрадовалась, до спальни Льва Николаевича оставалось метров десять, когда в полумраке коридора я увидела... что тут поделаешь, я увидела привидение — нечто в белом балахоне двигалось мне навстречу. Я шарахнулась вправо, налетела на столик с какой-то скульптуркой и со всем этим хозяйством оказалась на полу. Грохот был невообразимый, а привидения, как известно, шума не выносят, поэтому, когда я, чертыхаясь, поднялась с пола, его и след простыл.

Ожидая появления охраны и растревоженных домочадцев, я поставила столик на место, водрузила на него скульптуру, которая, к счастью, не пострадала, и направилась к комнате

Льва Николаевича, подготавливая речь, полную извинений. Но ни Лев Николаевич, ни охрана, ни вообще кто бы то ни был не появились.

Сначала я удивилась, а потом перепугалась, создавалось впечатление, что я одна во всем доме. Я бросилась к хозяйской двери и осторожно постучала. Мне не ответили. Тогда я легонько толкнула дверь, но она оказалась запертой. В следующей комнате жил Руслан, я уже собралась постучаться к нему, но вовремя вспомнила, что стою в пижаме и он может расценить мое появление... В общем, понять меня превратно. Я взглянула на часы: десять минут второго, самое бесовское время. Что же делать, черт возьми, где искать Женьку?

Беспомощно оглядевшись, я направилась к лестнице и спустилась на первый этаж. В холле горел свет, но тишина стояла, как на кладбище. Я заглянула в кухню, а потом решила зайти в библиотеку, вдруг Женька там? Довольно глупо с ее стороны, но где она еще может быть?

В библиотеке было пусто, я вздохнула и вновь вернулась в холл. Путь мой лежал через длинный коридор с большими окнами, выходящими в сад. Я опасливо покосилась на них, при такой луне, как сегодня, немудрено чертей увидеть. И тут вроде бы что-то стукнуло по стеклу, я обернулась и едва не лишилась чувств: из окна на меня смотрело чье-то лицо, перекошенный рот, безумные глаза, встрепанные волосы... Я завопила что есть мочи, бросилась бежать, и тут с улицы послышались самые настоящие выстрелы, сначала один, затем второй. Я заорала еще громче, где-то рядом хлопнула дверь, я увидела Олега, а рядом с ним Женьку и в изнеможении опустилась на пол.

Подружка мгновенно оказалась рядом со мной, к моему величайшему облегчению, живая и здоровая, а вслед за этим дом ожил, теперь о тишине не было и речи. Первой в холле (не считая нашего трио) появилась Олимпиада.

— Кто стрелял? — рявкнула она. Бабка была в ситцевой ночной рубашке, с седыми волосами, заплетенными в косицу, но при этом умудрилась выглядеть очень грозной.

— Понятия не имею, — ответил Олег, который испытывал определенные затруднения: то ли бежать за водой для меня, то ли помочь Женьке подняться. Олег, кстати, был в халате, а Женька щеголяла в пижаме, и у меня по этому поводу возникли кое-какие вопросы, но с ними пришлось повременить.

В холле показался хозяин, тоже в халате и, по-моему, перепуганный насмерть, потом Мстислав в полуобморочном состоянии (вот уж кто точно нуждался в стакане воды), затем охранник и наконец Руслан. Эти появились из коридора, прямо противоположного тому, где находились их комнаты.

— Кто стрелял? — спросил Лев Николаевич, запахнув халат.

— Сашка, — ответил Руслан, он, кстати, был в джинсах и рубашке, расстегнутой на груди, лицо встревоженное, а в руках охранника в самом деле был пистолет, правда, звали охранника не Саша, а Володя. Должно быть, Саша остался в саду.

— Что произошло? — переводя настороженный взгляд с одного на другого, спросил Лев Николаевич.

— Не знаю, — зло ответил Руслан. — Саше показалось, что в саду кто-то есть.

— Что значит кто-то есть? — повысил голос хозяин.

— То и значит, — огрызнулся Руслан. — Я думаю, тебе с дамами следует побыть в кабинете, а мы здесь все как следует осмотрим. Не нравится мне это.

— О господи... — Лев Николаевич заметно побледнел. — Саша в самом деле кого-то видел или ему показалось?

— Не знаю, — повторил Руслан. — Говорю, здесь надо все как следует осмотреть.

В этот момент за окном завыл Ник, да так, что впору было лишиться чувств. Женька охнула, Олимпиада перекрестилась, а я поежилась.

— Идите в библиотеку, — кивнул Руслан, мы направились туда, а Олег пошел переодеваться. Через пять минут, уже в джинсах и в куртке, он присоединился к Руслану и охранникам, бледный до сероты Мстислав остался с нами.

Минут двадцать мы провели в напряженном молчании, затем Руслан с Олегом вернулись, и первый сказал с заметным облегчением в голосе:

— Никого. Должно быть, показалось. — При этих словах Олимпиада, прикрыв глаза, вздохнула, а я, не удержавшись, брякнула:

— Я ее видела.

Руслан с хозяином быстро переглянулись и уставились на меня.

— Кого? — наконец спросил Руслан.

— Не знаю, — честно ответила я. — Кажется, это была женщина. Да. Светлые волосы, а лицо... знаете, как будто она... мне сложно объяснить, в первый момент я решила, что это привидение.

Все растерянно молчали, а Лев Николаевич так сдвинул рукой подлокотник кресла, что тот, казалось, не выдержит и сломается.

— А во второй? — спросил Руслан. Я с удивлением посмотрела на него, а он нетерпеливо добавил: — Это в первый момент, а во второй?

— Я испугалась и бросилась бежать.

— Это точно была женщина?

— Кажется... я ведь видела ее одно мгновение, и выглядела она странно. Конечно, это женщина. Блондинка и... похожа на сумасшедшую.

— Час от часу не легче, — вздохнул Руслан. — Только сумасшедших нам и не хватало. Двери мы проверили, посторонние в дом проникнуть не могли, значит, ты в безопасности, — повернулся он к хозяину. — Дождемся рассвета и прочедем окрестности. Думаю, Сашу рано утром надо отправить в город, я бы усилил охрану.

Лев Николаевич вроде бы пребывал в трансе, при последних словах Руслана как будто очнулся и кивнул:

— Делай, что считаешь нужным.

Совершенно неожиданно подал голос Мстислав, до этого момента он как будто попросту отключился и теперь вдруг решил принять самое деятельное участие в разговоре:

— Что за чепуху вы здесь болтаете? Анфиса видела женщину... Какую еще женщину, откуда ей здесь взяться? Может быть, это действительно привидение? Лично я бы не удивился, окажись это именно привидением. Анфиса стала свидетелем гибели молодой девушки, вполне логично предположить, что это отразилось на ее душевном спокойствии.

— Вы на что это намекаете? — спросила Женька голосом, каким обычно прапорщик поднимает солдат на зорьке. — По-вашему, Анфиса спятила и ей все привиделось?

— Я бы не стал называть это так, — пошел на попятный адвокат, вот уж воистину крапивное племя, — но согласитесь, даже абсолютно здоровый человек в такой ситуации...

— А до этого вам нечто подобное видеть приходилось? — спросил Олег. Я подумала и кивнула, к вящей радости Мстислава.

— Да. Я видела женщину в белом, то есть это, кажется, была женщина. Я спустилась на второй этаж и увидела ее совсем недалеко от комнаты Льва Николаевича.

Руслан неожиданно громко рассмеялся, а все уставились на меня с растерянным видом.

— Я тоже видела, — заявила Олимпиада.

— И я, — кивнул Лев Николаевич с заметным облегчением. После этого последовала немая сцена. То есть мы втроем переглянулись, обретя поддержку друг в друге, а остальные пялились на нас во все глаза, точно ожидали конца света. — Я не придавал этому значения, — вздохнул хозяин. — Я решил... то, что любой здравомыслящий человек решил бы на моем месте. Но если Олимпиада Назаровна и Анфиса... Это меняет дело.

— Ты хочешь сказать, что в доме завелось привидение? — не зная, то ли смеяться, то ли злиться, спросил Руслан. — Выходит, Сашка по нему пальнул?

— Нам свойственно с насмешкой относиться к вещам, которых мы не понимаем, — голосом пастыря изрек Лев Николаевич и устремил в окно невидящий взгляд.

— Ну что же, — пожал плечами Руслан. — Привидение или нет, а Саша завтра отправляется в город, охрану в любом случае следует усилить.

— Завтра, то есть сегодня, годовщина маминой смерти, — сообщил Лев Николаевич, Олимпиада хмуро кивнула, а мы в некотором недоумении замерли.

— Замечательно, — хмыкнул Руслан, поднимаясь с кресла. — Я очень уважаю вашу маму, мой дорогой друг, только не могу взять в толк, при чем здесь ее смерть? Вынужден вас покинуть. Мы с ребятами не верим в привидения и на всякий случай еще раз осмотрим дом. — С этими словами Руслан удалился, а мы затихли в креслах. Минут через пять Олег взглянул на часы и сказал:

— Может, есть смысл лечь спать?

— Да-да, — встрепенулся хозяин. — Отправляйтесь на покой. Прошу прощения за беспокойство.

Все дружно поднялись и направились к двери, только Олимпиада продолжала сидеть, хмуро разглядывая пол. Я уже покидала комнату, когда хозяин неожиданно меня окликнул:

— Анфиса Львовна, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Да, конечно, — кивнула я, Женька притормозила рядом со мной, и Лев Николаевич добавил: — Женечка, вы можете присутствовать при нашем разговоре, разумеется, если пожелаете. Идемте со мной.

Мы поднялись на второй этаж, свернули налево (насколько я знала, это крыло пустовало) и подошли к одной из дверей. Лев Николаевич распахнул ее настежь и сказал:

— Прошу. — Вспыхнул свет, и я с любопытством огляделась.

Комната была небольшой и производила довольно странное впечатление. Мебель пятидесятых годов, расшитые занавески на окнах, слоники на шкафу, салфетки, связанные крючком, однако, вне всякого сомнения, ни занавески, ни салфетки антиквариатом не являлись, впрочем, как скорее всего и мебель — выглядела она образцово, так что трудно было поверить, будто люди пользовались ею в течение многих лет.

— На этом месте когда-то стоял наш дом, — тихо сказал Лев Николаевич. — Сгорел в годовщину маминой смерти. Местные разное болтали, участковый даже поджог подозревал... пожар длился час, а все выгорело до основания. Абсолютно все. Я построил новый дом... конечно, это ребячество, но мне захотелось, чтобы в нем была мамина комната, и я постарался все устроить так, как было при ней. — Он подошел к стене напротив и, кивнув, спросил: — Женщина, которую вы видели, похожа на нее?

Только тогда мы с Женькой обратили внимание на висевший на стене портрет. Молодая женщина в синем платье с белым вязаным воротничком смотрела на нас с мягкой улыбкой. Синеву глаз подчеркивал цвет платья, лицо было нежным и почему-то испуганным, словно женщина ожидала дурного известия.

— Это ваша мать? — спросила Женька.

— Да, — кивнул он и вновь обратился ко мне: — Похожа?

— Я... я не знаю, — честно сказала я. — Та точно была блондинка. Но я, понимаете, я здорово перепугалась...

— Понимаю, — кивнул Лев Николаевич. — Сегодня годовщина ее смерти. Прислуга жаловалась, что слышит какие-то стоны... Я и сам слышал. Остался в комнате, где ночевала Наташа, и слышал... Как раз в этом месте находилась комната, где погибла моя мать. Вы понимаете? Я сам неоднократно видел фигуру в белом, которая при моем появлении поспешно удалялась.

Я слушала, вытаращив глаза: Лев Николаевич большой оригинал, если б в моем доме завелось привидение, я бы немедленно его продала, дом, я имею в виду.

Чтобы как-то нарушить тягостное молчание, следовавшее за этим откровением, я подошла вплотную к картине. Надо признать, портрет художнику удался. «Вересов», — прочитала я внизу размашистую подпись и спросила:

— Кто написал портрет?

— Местный художник. Очень талантливый человек. Мама здесь... мама здесь как живая, — собравшись с силами, сказал Лев Николаевич. — Моя мать погибла совсем молодой, в двадцать семь лет. Очень красивая, очень добрая женщина, ее все любили.

— Как она погибла? — спросила Женька.

— Она застрелилась.

— Застрелилась? — не смогла сдержать удивления Женька.

— Да. Мой отец был намного лет старше ее, они любили друг друга, по-настоящему любили и были счастливы. Пока здесь не появился один человек. Он ненавидел отца, ведь тот был незаурядной личностью, и многие питали к нему ненависть. Мерзавец знал, что бессилен против отца, замыслил отвратительный план и смог привести его в исполнение. Мама была так молода и так неопытна, она увлеклась, а когда поняла, что за человек соблазнил ее... Она была гордой, она решила, что, разбив сердце достойнейшему человеку, не имеет права жить. Отец все понял и простил ее, но мама себя простить не смогла. Когда отца не было дома, она застрелилась.

Понятно. Прославленный чекист избежал судебного разбирательства, дело представили как самоубийство, вполне возможно, сын до сих пор убежден в этом... Сколько ему было тогда? Лет восемь, от силы девять. Да... А теперь по дому расхаживает привидение... Есть над чем подумать.

— Как сохранился портрет? — спросила я и добавила: — Я имею в виду после пожара? — Если честно, я ожидала какой-то фантастической истории, но все оказалось куда как проще.

— Портрет находился в моей питерской квартире, к тому моменту дом сильно обветшал и жить здесь было невозможно. — Вы построили этот дом на том самом месте, где стоял дом вашего отца?

— Прадеда, так будет точнее. Да, на том же месте. Мне хотелось сохранить его частицу. Впрочем, сохранились только подвалы. Возможно, вам будет интересно взглянуть на них. Когда-то в доме совершались богослужения, мои предки из староверов... — Женька сосредоточенно кивала, о предках ей Лев Николаевич успел поведать достаточно. — Я хочу построить церковь, — вдруг заявил Лев Николаевич, пытливо глядя на нас. — Возможно, тогда душа моей матери наконец-то обретет покой.

— Разумное решение, — брякнула Женька, и мы замолчали, не зная, что еще сказать друг другу.

Лев Николаевич, устроившись в кресле, устремил взгляд на портрет матери и то ли забыл про нас, углубившись в свои мысли, то ли попросту задремал. Мы на цыпочках покинули комнату, прикрыли за собой дверь и с облегчением вздохнули.

— Ты в самом деле ее видела? — прошептала Женька, недоверчиво глядя мне в глаза.

— Кого? — вздохнула я.

— Не валяй дурака, убитую мамашу, естественно.

— Вовсе не факт, что ее застрелили, она вполне могла покончить жизнь самоубийством. А местные жители, не жаловавшие ее мужа, додумали остальное. Лев Николаевич говорит,

родитель в ту ночь отсутствовал.

— Ага, ты еще скажи, что это ее заблудшая душа бродит и стонет в этом дурацком доме.

— Душа не душа, но я видела женщину. Блондинку, и теперь, когда я успокоилась, мне кажется... Нет, я уверена, она очень похожа на ту, что на портрете.

— Анфиса, у тебя жар, — нахмурилась Женька и тут же зло добавила: — Что за чушь ты несешь? Кто ж сейчас верит в привидения, это даже неприлично.

— Душа не душа, но я видела женщину. Блондинку, и теперь, когда я успокоилась, мне кажется... Нет, я уверена, она очень похожа на ту, что на портрете.

— Анфиса, у тебя жар, — нахмурилась Женька и тут же зло добавила: — Что за чушь ты несешь? Кто ж сейчас верит в привидения, это даже неприлично.

— Я верю своим глазам, — отрезала я, а подружка еще больше заволновалась:

— Ты же сама говоришь, что была очень напугана. А в таком состоянии...

— Помолчи немного, — перебила я Женьку. — Я дважды видела женщину в эту ночь. Один раз в нескольких метрах от комнаты Льва Николаевича, а потом она постучала в окно. В коридоре было темно и, кроме того, что у нее светлые волосы, распущенные по плечам, ничего сказать не могу. Но во второй раз я видела ее совершенно отчетливо. И вот еще что: она тоже видела меня и хотела, чтобы я обратила на нее внимание, для этого даже постучала по стеклу. Ты понимаешь? Она очень хотела, чтобы я ее увидела.

— Кто хотела? Привидение? — совершенно обалдела Женька.

— Идем вниз, — схватив ее за руку, пробормотала я, и мы бросились к лестнице.

— Что ты задумала? — испугалась Женька, но я ничего не стала объяснять. — Послушай, Анфиса, давай рассуждать здраво, сегодня все немного понервничали...

— Не будь душой, — рывкнула я. — Ее видел Лев Николаевич, видела я и видел Саша, он даже дважды выстрелил. Кто-то ходит по дому. Вопрос — кто?

Женька в полнейшем замешательстве кивнула, а мы между тем достигли коридора, в окне которого не так давно я видела женщину. Теперь сад был ярко освещен, возле окна Руслан и два охранника что-то искали, пригнувшись к земле. Я постучала по стеклу, Руслан поднял голову и кивнул мне, указывая на дверь. Дверь в сад оказалась не заперта, и мы направились к Руслану. Он ждал нас, привалившись к стволу высокого дерева, охрана продолжала что-то искать.

— Вот это окно, — указала я.

— Никаких следов, — поморщился он. — А должны бы быть. Саша видел ее вот здесь, точнее, не ее, тень, он просто увидел, что кто-то пытается проникнуть в дом, и выстрелил, потому что ты закричала, и он решил... Ты действительно кого-то видела?

— Конечно, — усмехнулась я. — Я ее видела, и охранник ее видел, значит, здесь в самом деле кто-то был.

— И куда же этот кто-то исчез? — скривился Руслан и совершенно неожиданно добавил, взяв меня за руку: — Извини. Я здорово нервничаю.

В этот момент подошел Олег.

— Ну что? — спросил он без энтузиазма. — Следы есть?

— Ничего, — ответил Руслан.

Женька, которая все это время стояла поодаль и в разговоре участия не принимала, наклонилась, присела на корточки, затем резко выпрямилась и протянула к нам руку. Поначалу мы даже не поняли, в чем дело, Руслан взял Женькину ладонь, и вот тогда я увидела кровь на ее пальцах.

— Вот здесь, на траве, — заплетающимся языком сообщила подружка. Мы подошли ближе, и я в самом деле, приглядевшись, увидела несколько капель крови на яркой в свете прожектора траве. Олег побледнел, взглянул на Руслана — в этом взгляде было что угодно, только вот дружбой не пахло.

— Кровь, — с усмешкой сказал Руслан, по-прежнему держа Женькину ладонь в своей, и зло добавил: — Пусть мне теперь кто-нибудь расскажет сказку о привидении. Ищите, — повернулся он к охране. — Прочесать весь дом, утром займемся островом, раненый не мог уйти далеко. — Он сказал «раненый», но в тот момент меня это не удивило, нервничает человек. — Вам лучше отправиться к себе, — сказал Руслан вдруг потеплевшим голосом и пожал мою ладонь. — Окна не открывайте, дверь закройте. Олег, тебе придется нам помочь.

— Разумеется. Только провожу Женю с Анфисой.

Олег, заглянув в нашу комнату и убедившись, что она пуста, еще раз напомнил об осторожности и ушел. Женька плюхнулась на кровать, но я сделала ей знак приблизиться и, как только шаги Олега стихли в коридоре, приоткрыла дверь.

— Ты куда? — насторожилась подружка.

— К Олимпиаде, — ответила я. Женька нахмурилась, но вопросы задавать поостереглась.

Мы вновь отправились бесконечными коридорами и через несколько минут оказались возле двери Олимпиады. Я осторожно постучала — ни звука. Толкнула дверь. С легким скрипом она открылась. В комнате было так темно, что она казалась просто черной дырой, но в этой самой дыре кто-то был. Я не смогла бы внятно объяснить, почему я так решила, не было слышно ни звука, но я ощущала присутствие человека. Тут вспыхнул свет, и Олимпиада властно спросила:

— Кто здесь?

— Олимпиада Назаровна, — заблеяла я, щурясь от света. — У вас все в порядке?

— У меня да. А вы какого дьявола бродите по ночам и людей баламутите? — Теперь я смогла увидеть старуху, она стояла возле двери в ванную все в той же ситцевой сорочке и гневно сверкала глазами.

— У вас дверь была приоткрыта, мы подумали...

— Чепуха, дверь я закрыла плотно. Идите спать, никакого покоя в доме, — пробормотала она и

приблизилась к двери, вне всякого сомнения решив захлопнуть ее перед нашим носом. Мы вовремя отпрянули и услышали, как ключ дважды повернулся в замке.

Женька спросила с сомнением:

— Ну и что? — Я молча пожала плечами. — Я бы заглянула в кухню, — заметила подружка. — Грамм сто водки как раз то, что мне в настоящий момент необходимо.

Мне водка была без надобности, но Женька выглядела такой очумевшей, что я согласно кивнула, и мы пошли. В кухне, пристроившись возле стола, Мстислав пил коньяк и смотрел в пространство.

— Можно и мне коньяк? — громко спросила Женька. Мстислав вздрогнул, бессмысленно посмотрел на нас, затем вскочил и с готовностью потянулся за чистым стаканом.

— Сумасшедшая ночь, — покачал он головой, словно извиняясь.

— Да уж... — поддержала Женька. — Ночка исключительная. Ловить привидения мне еще не приходилось.

— Мне никогда не нравился этот дом, — грустно заметил Мстислав. — Не понимаю, почему Лева так упорно за него держится.

— Мы нашли кровь на траве, как раз возле окна, — деловито сообщила я, плеснув и себе немного коньяка. — Так что о привидениях можно забыть.

— Кровь? — Мстислав вроде бы перестал дышать на мгновение, так поразила его новость. — Вы нашли кровь?

— Да, теперь Руслан уверен, что...

— О господи, — не дал он мне договорить. — Не может быть.

— Почему же не может быть? — удивилась я. — По-моему, разумный человек скорее поверит в злоумышленника, нежели в привидение. Вы так не считаете?

— Но ведь вы видели женщину? — встрепнулся Мстислав. — Вы точно видели женщину?

— Конечно.

— И она была похожа на Левину мать?

— Утверждать это категорично я бы не стала, но считаю: сходство есть.

— Я так и думал, — пробормотал он.

— Что вы думали? — влезла Женька.

Мстислав посмотрел на нее безумными глазами и кивнул:

— Здесь становится опасно. Я бы на вашем месте уехал... я бы сам уехал, но уговорить Леву отправиться со мной невозможно, он точно присох к этому месту, а оставить его здесь одного я не могу.

— Почему одного? — удивилась я. — Есть еще Руслан, охрана, Олег, наконец.

— Руслан, — фыркнул адвокат, но тут же спохватился и пожал плечами: — Я считаю себя ответственным...

— Лев Николаевич хорошо себя чувствует? — спросила я, надеясь, что в таком состоянии Мстислав может сболтнуть лишнее, а это как раз то, чего мне очень хотелось.

— Лева? — вроде бы удивился он. — Да. А почему вы спросили? — Он последнее время не жаловался на усталость, депрессию, сонливость, наконец? — Мстислав смотрел на меня никак не меньше минуты, точно пытался что-то понять, затем пробормотал свое:

— Боже мой. — И вдруг кивнул: — А ведь в самом деле. Он в Питере даже ездил к врачу. И мне жаловался, что сердце пошаливает. А почему вы спросили?

— Просто Лев Николаевич мне симпатичен, и я беспокоюсь о его здоровье, — удивилась я. Мстислав вроде бы тоже удивился, но возражать не стал.

— Он завещание составил, — немного подумав, сказал он. — Я очень удивился. То есть удивляться совершенно нечего, богатому человеку следует позаботиться о своих деньгах, но раньше он об этом даже говорить не хотел и вдруг...

— А кому завещал свои деньги Лев Николаевич? — спросила я.

Мстислав, как ни странно, отвечал охотно:

— Основные деньги пойдут фонду, очень крупную сумму получит Олимпиада Назаровна, при условии, конечно, что переживет Леву, солидные деньги клинике, где содержится брат Левы, ну и небольшие суммы родственникам, женщинам, которые были близки Лева, мне, Руслану... Олегу все акварели в квартире Левы в Питере. Олег очень любит живопись, и Лева решил, что это отличный подарок.

— А Руслан сколько получит? — наострила уши Женька.

Мстислав взглянул на нее с некоторым изумлением, после чего улыбнулся.

— Нет, что вы, при чем здесь Руслан? Сумма для него совершенно незначительная, это чисто символический дар. Они с Лева сопредседатели фонда. Руслан очень богатый человек.

— Да? — подняла брови Женька. — А что это за фонд такой?

— Я не занимаюсь делами фонда, — сразу же посуровел Мстислав, и это показалось мне занятным. Подружка, нимало не печалась, продолжала настаивать:

— Но название у этого фонда есть?

— Конечно. «Эра милосердия».

Мы дружно присвистнули.

— Звучит впечатляюще, — кивнула Женька. — Значит, основные денежки идут в фонд, а родственники и друзья получают кое-какие суммы.

— «Кое-какие», — передразнил Мстислав. — Речь идет о весьма внушительных суммах. Например, клиника получит не только разовую выплату, но и солидное пособие на развитие. Сумма более чем приличная, скажу я вам.

— Очень мило, что Лев Николаевич так заботится о брате. А лично ему он ничего не оставил?

— Нет, — несколько смутившись, ответил Мстислав. — Дело в том, что Константин вряд ли сможет покинуть клинику.

— Что, дела его так плохи?

— Боюсь, хуже некуда. Он даже Леву не узнает, сидит целыми днями, уставившись в одну точку. Абсолютная деградация. Первоначально Лева собирался все завещать брату, но посоветовавшись со специалистами... в общем, его убедили, что никаких надежд питать не стоит. Родной дядя Левы умер в сумасшедшем доме. Видимо, в семье есть предрасположенность к безумию, и Костя как раз...

— А у самого Кости были какие-то деньги?

— У Кости? — Мстислав вновь удивился. — Нет, конечно. Откуда? Он только-только закончил училище, женился и... случилось это несчастье. Отец не оставил им ничего, кроме дома-развалюхи на этом острове, да и тот сгорел. Лева начал с нуля, он выдающийся человек.

«Дом-развалюха, за который Лев Николаевич упорно цепляется», — подумала я.

— А что за неприятность случилась на днях с братом Льва Николаевича? — задала я очередной вопрос. Он произвел самое неожиданное впечатление: Мстислав нахмурился, выдавил из себя протяжное «э-э-э», после чего заявил с некоторой поспешностью:

— Ему стало значительно хуже, он перестал говорить и вообще... Лева очень расстроился. Его даже не пустили к брату. — Мстислав перевел взгляд с Женькиной физиономии на мою и спросил сердито: — Только я не пойму, какое все это имеет отношение к сегодняшнему происшествию?

— Так и мы не поймем, — удивилась я и, схватив за руку Женьку, потянула ее прочь с кухни.

— Куда ты меня тащишь? — принялась возмущаться подруга уже на лестнице. — Хорошо ведь беседовали...

— Конечно. Только этот чертов адвокат уже насторожился. Как бы с перепугу не побежал стучать хозяину, что мы свой нос суем в чужие дела.

— Если ты хотела что-то выяснить, — не унималась Женька, — то разговор стоило продолжить.

— Вот что, надо узнать, что это за фонд такой.

Женька присвистнула:

— Лично я понятия не имею, как это сделать.

— Но узнать ведь как-то можно?

— Наверное.

— Давай подумай, как это сделать.

— Позвонить твоему Ромке. Для него это пара пустяков, но, если фонд ему чем-то не понравится, мы быстренько съедем с этой квартиры, так ничего толком и не разнюхав, а мне страсть как охота во всем разобраться. Сплошные тайны, а теперь еще и привидения.

— Не смейся, — отмахнулась я. — Руслан прав, привидениями и не пахнет. А Ромке звонить в самом деле не стоит. Кто еще мог бы нам помочь?

— Людка Сергеева, — пожала плечами Женька.

— Почему Людка? — удивилась я.

— Потому что у нее большие возможности. — Людка работала в налоговой полиции, причем занимала довольно высокий пост.

— Ты думаешь? — нахмурилась я.

— Конечно. По своим каналам она в два счета узнает, что это за лавочка.

— Что ж ты дурака-то валяла? — возмутилась я. — Немедленно звони ей.

Мы как раз вошли в мою комнату, а я, кое-что вспомнив, чертыхнулась:

— Сотовый сдох, а подзарядки нет.

— Есть, — заявила Женька и в самом деле извлекла из кармана пижамы подзарядное устройство. — Держи.

— Это наше? — обрадовалась я. — Где ты его нашла?

— Я его свистнула, а наше или нет — утверждать не берусь, но склонна считать, что нет. Олег не похож на парня, который станет рыться в твоей сумке, чтобы позаимствовать эту штуку. Надеюсь, оно подойдет к твоему телефону...

— А как тебе удалось... — начала я, но тут же вспомнила, в каком виде появилась Женька в коридоре, когда я увидела привидение, впрочем, вид был точно такой же, как и сейчас, подруга щеголяла в пижаме... а рядом с ней был Олег в халате... о, господи, только этого не хватало. — Только не говори, что ты... — Я хмуро взирала на подругу и очень надеялась, что голос мой звучит грозно, только Женьке было на это наплевать.

— Ну и что? — спросила она насмешливо. — Он симпатичный парень. И бабки водятся. Может, я за него замуж выйду?

— Этого только не хватало, — возмутилась я. — Вы же едва знакомы?

— Ничего подобного, мы успели познакомиться довольно близко.

— Ты сумасшедшая, — покачала я головой. — У нас тут черт знает что творится, а ты...

— Между прочим, я взрослая девочка и совершенно свободна. И он, кстати, тоже, по крайней мере уверял, что не занят. Все получилось само собой. Ты дрыхла, как лошадь, а мне не спалось, я открыла окно и устроилась на подоконнике, он свое тоже открыл, увидел меня, спросил, нет ли у меня желания выйти в сад, естественно, оно у меня возникло, мы немного

погуляли, после чего Олег пригласил меня выпить на сон грядущий. Мы зашли к нему и выпили. Потом он сказал...

— Потом мне не интересно, — рявкнула я. — Между прочим, я едва не свихнулась, когда, проснувшись, не обнаружила тебя рядом. Ты могла бы меня разбудить.

— Ты стала бы вправлять мне мозги, а я этого не люблю. Короче, я свистнула у хорошего человека подзарядное устройство, и теперь мы можем позвонить.

— Но он ведь сразу заподозрит тебя, — всполошилась я.

— Совсем необязательно. Но если даже и так, пусть подозревает на здоровье. В конце концов, мы тоже пострадали. Ты звонить будешь?

— Лучше ты, — вспомнив, что характер у Людки не сахар, заявила я. Женька взяла телефон и набрала номер. Устройство в самом деле подошло, и, пока мы болтали, трубка подзарядилась.

— Люда, — бодро гаркнула она. — Это Женя...

— Я догадалась. Какой еще придурок будет звонить в это время.

— Да ладно тебе, много спать вредно. Вот мы с Анфисой вторую ночь не спим, привидения ловим, их тут ужас сколько.

— Вам с Анфисой делать нечего, — проворчала Людка. — Вот вы чертей по ночам и гоняете...

— Привидения, — миролюбиво поправила Женька. — Хочешь сделать доброе дело? У нас здесь убийство или что-то очень на него похожее. Еще труп без лица и рук, и в доме в самом деле привидение разгуливает.

— Дура ты, Женька, — вздохнула Людка, и я, признаться, с ней согласилась.

— Ладно, на дураков обижаться грех. Так доброе дело сделаешь? — И, не дожидаясь Людкиного ответа, Женька изложила нашу просьбу. Должно быть, Людке очень хотелось спать.

— Сделаю, — коротко ответила она, и мы простились.

— Зачем тебе этот фонд? — спросила Женька, закончив разговор по телефону.

— Меня заинтересовало сопредседательство Руслана.

— Думаешь, какая-то бандитская лавочка?

— Почти уверена. У меня твердое убеждение, что кто-то решил избавиться от Льва Николаевича.

— Ну, это не новость, — поморщилась Женька. — Мы даже убийцу ходили в подвал искать. Но если ты намекаешь на мафию, все это довольно глупо. С неугодными там разговор короткий: один выстрел из снайперской винтовки, и прощай, дядя.

— Я не говорила, что избавиться от Левушки хочет мафия. Руслан, обнаружив кровь, здорово разозлился, привидения ему не понравились.

— Что-то я не очень понимаю, — поморщилась Женька.

— Тут и понимать нечего, все очень просто. Мафия вложила денежки в этот самый фонд...

— Мы еще даже не знаем...

— Не перебивай, — отмахнулась я. — Так вот, денежки в фонде, а Руслан в сопредседателях, чтобы, значит, все держать под контролем. Похоже, что Лев Николаевич дорог ему, как отец родной, и он о его безопасности печется всерьез. То есть организации от Льва Николаевича явная польза. Так?

— Ну, допустим, — пожала плечами Женька.

— А теперь представь: есть некто, желающий от Левушки избавиться, но с мафией задираться опасно, и снайперская винтовка здесь не подходит. Что бы ты предпринимала в такой ситуации?

— Что? — спросила Женька.

— А ты подумай.

— Ну... я бы постаралась представить дело так, будто дядя сам коньки отбросил.

— Правильно. А как это проделать, зная историю семейства с врожденной склонностью к сумасшествию?

— Так ты думаешь?.. — ахнула Женька, вскочила с кровати и принялась бегать вокруг меня. — Ну, Анфиса, а ведь действительно...

Я торжествующе кивнула:

— Кто-то задумал свести Левушку с ума. Отсюда стоны, привидения и мамаша, явившаяся в годовщину своей смерти. К тому же он жаловался на сердце. В определенных условиях довести его до инфаркта левое дело. А условия здесь лучше некуда. Один этот дурацкий замок чего стоит.

— Значит, кто-то устроил здесь представление?

— Конечно. До нашего появления привидение видел лишь хозяин. Наташа и Олимпиада слышали стоны. Кстати, когда мы застучали Олимпиаду в коридоре, она ведь сидела возле решетки.

— Ну...

— Очень может быть, что старуха раньше нас начала подозревать, что дело нечисто. И Наташу ругала за ненужные разговоры. Не хотела, чтобы о привидении кто-то узнал, пыталась разобраться сама, оттого и бродила по ночам.

— Подожди, мы ведь решили, что она кого-то прячет? — нахмурилась Женька.

— Решили, но никаких доказательств у нас нет. Ты сама говорила: очень сомнительно, что старуха помогает врагам Левушки, ведь он ей все равно что сын. Нет, она пытается его защитить. Оттого и нас невзлюбила. Являются какие-то девицы, бродят по дому, да еще вопросы задают.

— А как же тип, которого ты держала за бороду?

— Это мог быть шантажист. Он звонил Мстиславу по телефону, а затем, угнав лодку, явился сюда, в дом его впустил Мстислав, а вовсе не Олимпиада.

— Но про калитку она соврала, а не Мстислав.

— Ну и что, не хотела раньше времени шум поднимать. Кстати, ты заметила, как вел себя адвокат? Он пытался убедить всех, что я спятила. А все почему? Он боялся, что Руслан пойдет обыскивать дом.

— Это что же выходит, шантажист Мстислава и есть то самое таинственное привидение?

— Очень удобная версия, но не годится. Наташа утверждала, что стоны слышала еще до появления здесь гостей. А шантажист звонил, когда мы уже прибыли. Следовательно, подозревать его в истории с привидением глупо. К тому же не стоит забывать, что я видела женщину, а шантажист — мужчина.

— Во все не обязательно, ты ведь не слышала, кто звонил Мстиславу?

— А как же борода?

— Вот черт... Кто же тогда наше привидение? — спросила Женька, выглядела она слегка очумелой.

— Да кто угодно. Любой, кому выгодна смерть Льва Николаевича.

— Кому же она выгодна?

— На этот вопрос пока трудно ответить, но кандидатов предостаточно. Например, Руслан. Почему нет? Организация организацией, но он не откажется от куска пирога. Дальше Олег, очень неприятно напоминать об этом после сегодняшнего события, но они с Левушкой партнеры по бизнесу. Черт знает, что это такое, а главное — что за этим кроется. — Женька нахмурилась еще больше и кивнула.

— Сегодня, когда на траве обнаружили кровь, они обменялись с Русланом очень выразительными взглядами.

— Вот-вот. Уже двое подозреваемых. Плюс двурушник Мстислав. Я не удивлюсь, если он еще и для себя старается.

— Точно. Олимпиаду я бы тоже не стала сбрасывать со счетов, особенно сейчас, когда мы узнали про наследство. Старушка, кстати, как и Мстислав, очень поддерживает идею о странных видениях, ведь так прямо и сказала: есть привидения, есть.

— Хорошо, пусть будет Олимпиада, — согласилась я. — В общем, подозреваются все плюс личности, о которых мы даже не знаем.

В этот момент в дверь постучали. Мы с Женькой разом вздрогнули, а я сказала громко:

— Да.

Вошел Олег, с беспокойством посмотрел на нас и спросил:

— Я вас не разбудил?

— Мы не ложились, — хмуро ответила Женька. Ей явно хотелось броситься к Олегу в объятия (что неудивительно, в данных обстоятельствах широкое мужское плечо было бы как раз кстати), при этом она подозревала, что данный шаг может оказаться опрометчивым, оттого и злилась.

— Вот что, — будто после тяжких раздумий, заявил Олег. — Я останусь у вас.

— У кого? — не поняла Женька, а ее новоявленный возлюбленный воззрился на нее с некоторым недоумением.

— Вам лучше лечь в одной комнате, а мне побыть с вами. Я могу устроиться в кресле.

— Что-нибудь случилось? — пролепетала я, хватаясь за сердце. — Я имею в виду — еще что-нибудь случилось?

— Нет, — поморщился Олег. — Но происходящее здесь... Ладно, пока мы не разберемся, в чем тут дело, мне лучше побыть с вами. И не возражайте, в противном случае мне придется устроиться возле ваших дверей в коридоре.

После таких слов мы возражать не рискнули и, со всеми возможными удобствами устроив Олега в кресле, легли спать. Женька в самом деле вскоре уснула, а ко мне сон не шел. Очень хотелось позвонить Ромке. Хотя подружка и намекала на его недалекость, муж у меня со всеми загадками разделяется в два счета. И с этим привидением непременно бы разобрался. Кровь на траве была самая что ни на есть настоящая, выходит, женщину, изображающую привидение, ранил охранник. Конечно, рана могла быть пустяковой, но любое ранение, как ни крути, вещь опасная. А мы на острове, где сейчас эта женщина? К кому она обратится за помощью?

Я чуть приподняла голову — Олег мирно дремал в кресле, а мне в голову пришла вот такая мысль: что, если он нас не охраняет, а сторожит? Чтобы мы под ногами не путались, пока его дружки... что? Не спеша доводят хозяина дома до сумасшествия, вот что.

Я попробовала определить, спит Олег или притворяется, и с этой целью отправилась в туалет. Он поднял голову, сонно посмотрел на меня, а я улыбнулась, точно извиняясь, и опять разозлилась, потому что ничего не поняла, то ли он вправду спал, то ли нет... Что ж, ночь выдалась не из легких.

Утром я проснулась оттого, что Женька с кем-то разговаривала, приоткрыла один глаз и увидела: Олега в комнате нет, а Женька сидит на подоконнике, дрыгает ногами и декламирует:

— «Пора, красавица, проснись...»

— Ты спятила совсем, что ли? — разозлилась я.

— Если хочешь попасть на завтрак, поднимайся. Уже без пятнадцати десять, — сообщила Женька.

Я взглянула на часы — так и есть.

— Голова что-то болит. Уснула лишь под утро. Может, наплевать на завтрак?

— Я бы тоже наплевала, — кивнула подружка, — да очень хочется знать последние новости.

— А они есть? — усомнилась я.

— Лежа в постели об этом вряд ли узнаешь.

Немного поохав, я поднялась и пошлепала в ванную. После душа я кое-как пришла в себя, и к завтраку мы вышли вовремя, однако до столовой добирались окружным путем, пытаюсь разнюхать, что творится в доме. Судя по звукам, в доме вообще ничего не происходило. На двери комнаты Руслана висела табличка: «Не беспокоить», — какие обычно используют в гостиницах, дверь в комнату охраны была распахнута настежь, но самих охранников не видно. Подходя к столовой, мы услышали голоса и порадовались: пока мы шли, дом показался нам вымершим и оттого жутковатым.

За столом в обычном порядке сидели Лев Николаевич, Олег и Мстислав, подавала Люба, а Олимпиада возилась на кухне, несколько раз в приоткрытой двери мелькнула ее грозная фигура, выходит, старушенция уже выздоровела.

Мы бодро поздоровались и устроились за столом. Хозяин выглядел немного утомленным, Мстислав, как обычно, напуганным, а вот Олег бледным и чересчур сосредоточенным на своих мыслях. За весь завтрак он не сказал ни слова, в нашу сторону не смотрел, то и дело хмурился и вроде бы даже замирал, точно прислушиваясь к чему-то. Такое поведение очень заинтересовало Женьку, и она спросила:

— Ты плохо себя чувствуешь? — Все уставились на Олега, а он, вроде бы смутившись, торопливо ответил:

— Да... что-то неважно...

— А где Руслан? — в свою очередь, спросила я.

Лев Николаевич охотно ответил:

— Руслан с охраной до девяти утра обыскивали дом. Теперь отдыхают. Саша уехал в шесть, к вечеру должен вернуться. Руслан настоял на дополнительной охране. По-моему, это бесполезно. — Последние слова он произнес едва ли не с насмешкой. Неужто Лев Николаевич в самом деле верит в призрак матери, который в годовщину смерти шатается по дому?

— Руслан знает, что делает, — подал голос Олег, а Мстислав тяжело вздохнул.

После завтрака Женька с хозяином занялись работой, Олег ушел к себе, вторично сославшись на недомогание, а я от нечего делать поднялась на стену, окружающую замок. Вид отсюда открывался прекрасный, и на озеро, и на часть острова, а главное — на дурацкую башню. Облокотившись о перила, я стала прикидывать, где удобнее всего укрыться привидению? Первое, что пришло в голову: конечно, подвал. А не попробовать ли обследовать его, пока охрана, Руслан и Олег отдыхают, а остальные заняты? Я уже почти решила, но, вспомнив о своем предыдущем посещении, скисла и подумала, что привидений нужно ловить хотя бы вдвоем, но уж никак не в одиночку.

Взгляд мой от подвала переместился к окнам первого этажа, затем второго и тут... показалось мне или в самом деле в одном из окон что-то мелькнуло? Я стала торопливо прикидывать, чье же это окно. Выходило, что таинственный некто находится в комнате Олимпиады.

Я бросилась в дом, на ходу придумывая, что скажу проклятой ведьме, если столкнусь с ней в комнате. Однако врать не пришлось, дверь оказалась запертой, я подергала ручку, но без всякого толка. Затем приложила к двери ухом и так стояла минут десять. Тишина. Если кто-то и был в комнате, то благоразумно затаился. Мне ничего не осталось, как убраться восвояси.

Я вновь поднялась на стену и с завидным упорством часа полтора таращилась на окно Олимпиадиной комнаты. Ничего. Или мне померещилось, или наше привидение чрезвычайно осторожно.

Расстроившись из-за постигшей меня неудачи, я стала смотреть на озеро, и очень скоро нечто вновь привлекло мое внимание. Поначалу я даже не поняла, что это, и лишь через несколько минут сообразила, что на волнах неподалеку от берега качается лодка. Сколько я ни старалась, большего разглядеть не смогла — ни надписи на борту, ни каких бы то ни было предметов, за исключением мотора, который даже с такого расстояния был отлично виден. Моторная лодка, брошенная в нескольких метрах от берега? Может, в другое время я бы не обратила на это особого внимания, но теперь мне все казалось подозрительным. Я вторично спустилась со стены и вошла в дом. Олимпиада все еще была в кухне, в гостиной работал пылесос, значит, там Люба, Женька со Львом Николаевичем в его кабинете. Я отправилась дальше по коридору. О лодке стоило бы сообщить Олегу, а еще лучше Руслану. Если он действительно озабочен безопасностью хозяина, то вполне может оказаться нашим союзником. Я как раз поравнялась с его дверью, подумала и осторожно постучала. Мне никто не ответил. Я покосилась на табличку, а потом повернула ручку. Дверь скрипнула, а я заглянула в полумрак комнаты. Тяжелые шторы на окнах были задернуты, и я не сразу увидела Руслана.

— Заходи, детка, — сказал он. Я вздрогнула и отпрянула. Вспыхнул свет настольной лампы, и я увидела хозяина комнаты. Он лежал на кровати поверх покрывала, в брюках, рубашке и даже ботинках, приподнялся на локте и заявил: — Рад тебя видеть.

— Я просто шла мимо и подумала... — невнятно залепетала я, продолжая стоять на пороге.

— Может быть, ты войдешь? — Руслан поднялся, прошел к окну и раздвинул шторы. — Садись, — улыбнулся он и добавил насмешливо: — Я не кусаюсь.

Не очень уверенная в том, что поступаю правильно, я вошла и устроилась на краешке кресла.

— Тебя не было на завтраке, — сказала я, точно это объясняло мой дурацкий визит.

— Я завтракал часов в восемь. Потом решил полежать в темноте и немного поразмышлять. Иногда это полезно.

— Я тоже размышляла, — заявила я, а Руслан поднял брови, как будто сомневаясь в моих словах. — Об этом привидении.

— И что? — проявил он интерес.

— Думаю, кто-то решил довести Льва Николаевича до сердечного приступа, — выпалила я, а Руслан настороженно замер. Отвечать он не спешил, и было заметно, что мои слова произвели на него впечатление.

— С чего ты взяла? — наконец спросил он, и я подробнейшим образом изложила свои доводы, передала рассказ Наташи, ну и рассказ нашего хозяина, конечно, тоже.

Руслан выслушал меня очень внимательно, плеснул коньяк в две рюмки и одну протянул мне. В сильнейшем волнении я залпом выпила рюмку и уставилась на Руслана. Тот сел рядом, взял меня за руку и сказал:

— Знаешь, в этом что-то есть. Ты умная девочка. Просто удивительно.

— Что удивительно? — не поняла я.

— Что такая красивая девочка еще и умница. Твоему мужу повезло. Ты в самом деле его любишь?

— Руслан, — сказала я укоризненно. — О чем мы сейчас говорим?

— О том, что кому-то выгодно свести Леву в могилу, — вздохнул он и спросил: — Больше ничего подозрительного не заметила?

Я собралась было рассказать о Мстиславе, но в последний момент передумала.

— Есть еще лодка, моторная. В нескольких метрах от берега, ближе к деревне.

— Что лодка?

— Ничего. Болтается на волнах. А в ней пусто. Моторные лодки просто так не бросают.

— Когда ты ее видела?

— Только что.

— Пойдем, покажешь, — кивнул Руслан и взглянул на меня с уважением. Это так на меня подействовало, что я заявила:

— Надо как следует осмотреть подвал.

— Уже осмотрели. Даже стены простучали. В общем-то, спрятаться там невозможно, коридоры, несколько комнат... Пожалуй, если кто-то и прячется в доме, то скорее не в подвале, а в жилых помещениях. Парни немного отдохнут и продолжат обыск. Сегодня вернется Саша с подкреплением, и мы здесь все вверх дном перевернем. — Я кивнула, соглашаясь, и мы покинули комнату.

Подниматься на стену мы не стали, а пошли к озеру. Высмотрев лодку с тропинки, я ткнула пальцем в ту сторону и сказала:

— Вот она.

Руслан хмуро наблюдал, как лодку медленно относит к деревне, после чего кивнул, не говоря ни слова.

— Давай спросим у местных, — предложил он, и мы отправились в деревню.

К тому моменту, когда мы достигли первого дома, жители лодку уже заметили, двое мужчин на моторке отправились за ней, человек пять стояли на берегу, наблюдая за их действиями.

— Чья лодка? — спросил Руслан.

— А кто ее знает, — пожал плечами высокий мужчина в кепке. — Должно быть, соседей, наши все на месте.

Отсюда хорошо было видно, как лодку взяли на буксир, и обе моторки направились в сторону поселка.

— Может, цепь оборвалась, вот ее и отнесло от берега, — высказала предположение стоявшая рядом со мной женщина, глядя на озеро из-под ладони.

— Чего ты болтаешь? — осадил ее мужичок в спецовке, и все настороженно замолчали. На нас поглядывали с неодобрением. Островитяне привыкли жить тихо, а тут что ни день, то событие, а кого в этом винить, если не чужаков? Я подумала, что ничего полезного мы от местных не узнаем. Руслан это тоже понял и, взяв меня за руку, повел к дому.

Возвращались мы через лес и как раз выходили к мосту, когда я вдруг услышала глухое рычание и испуганно замерла.

— Что это?

Руслан торопливо огляделся, а через минуту я сообразила, в чем дело. Возле сосны в стороне от дороги Ник рыл лапами землю и при этом злобно рычал. Увидев нас, залаял и бросился в нашу сторону. Руслан схватил его за ошейник, но собака, известная своим незлобивым нравом, попыталась вырваться из его рук, при этом отчаянно лаяла.

— Да он что, спятил? — разозлился Руслан и, удвоив усилия, дотащил-таки упирающегося пса до ворот. — Володя, — крикнул он охраннику, курившему возле двери дома, — поддержи пса.

Однако Володя оказался недостаточно расторопен, Ник вырвался и стрелой помчался все к той же сосне. Отсюда нам не было видно, что делает пес. Руслан постоял немного, глядя в ту сторону, и сказал охраннику:

— Посмотри, что там.

Володя отправился в лес, а мы вошли в дом. Не успели выпить по чашке кофе, как охранник вернулся.

— Ник кошку задрал, — сказал он растерянно. — Валяется под деревом. Пойду закопаю, а Ника пока на цепь посажу.

Кошек в доме я не видела, значит, животное из деревни. Вот так Ник, добрейшее создание. Не зря я не люблю догов. Что это на него нашло? Видимо, Руслан думал о том же, лицо его было озабоченным и даже злым. Ему, как и мне, события, происходящие вокруг нас, явно не нравились, хотя какое ему дело до кошки? В конце концов, собаки и кошки — исконные враги.

Ник, посаженный на цепь, принялся скулить, и это ужасно раздражало.

— Пожалуй, пойду к себе, — сказала я.

Руслан молча кивнул.

В комнате я устроилась возле окна и попыталась понять, что меня так беспокоит. Состояние, в котором я пребывала, следовало бы назвать предчувствием, я так разволновалась, что места себе не находила, пробовала читать, смотреть телевизор, все без толку.

Тут подошло время обеда. Взглянув на часы, я с облегчением вздохнула и спустилась вниз. В малой гостиной Женька и Лев Николаевич ждали, когда в столовой накроют на стол. Через минуту к нам присоединился Мстислав. Вид у него был такой, точно он с минуты на минуту ожидал конца света. Впрочем, может, это мне так казалось. Например, наш хозяин на душевное состояние адвоката не обращал никакого внимания, может быть, это его обычное состояние? Наконец появилась Олимпиада, приглашая нас в столовую, а за ней Руслан.

— Ник задрал кошку, — сообщил он хозяину.

— Не может быть! — удивился тот. — Он и мухи не обидит.

— Я тоже так думал. Пес точно спятил, пришлось его на цепь посадить.

— Может, у него бешенство? — моргнув, выдала идею Женька. — Он по всему острову носится, мог заразиться от деревенских собак.

— Ник в деревню не заглядывает, слишком далеко, — возразил Лев Николаевич. — И тамошние собаки здесь не показываются, — заявил он и, точно опомнившись, широко улыбнулся: — Извините, пожалуй, стоит сменить тему.

Слова хозяина на Руслана никакого впечатления не произвели, он продолжал хмуриться и явно нервничал.

— Саша до сих пор не звонил. И я до него не могу дозвониться, — сообщил он. Лев Николаевич пожал плечами:

— Плохая связь...

— Какая, к черту, связь, — взорвался Руслан. — Он уже должен быть в Питере. Я только что звонил, у наших он не появился.

— Не понимаю, почему ты кричишь? — глядя на своего друга с укором, очень спокойно казал Лев Николаевич. — Он поехал на машине?

— Разумеется. Его машина была на стоянке в городе. Я проверил: он забрал ее в семь пятнадцать. За это время можно сто раз доехать до Питера.

— Разумеется. Его машина была на стоянке в городе. Я проверил: он забрал ее в семь пятнадцать. За это время можно сто раз доехать до Питера.

Мы с Женькой помалкивали, переглядываясь, и только когда подали первое, сообразили, что за столом не хватает Олега. Поначалу, увлеченные чужими разговорами, мы на это попросту не обратили внимания.

— А где Олег? — спросила Женька, и все дружно посмотрели на пустующее кресло. Руслан пожал плечами, а Мстислав напомнил:

— Он с утра неважно себя чувствовал.

Что верно, то верно, Олег жаловался на недомогание.

— Может, сходить к нему, узнать, в чем дело? — не унималась Женька.

— Люба, — позвал хозяин, — зайди, пожалуйста, к Олегу Петровичу, узнай, может, обед принести к нему в комнату?

Люба покинула столовую, а мы приступили к трапезе. Через минуту она была прервана душераздирающим криком. Кричала, вне всякого сомнения, Люба. Мы вскочили из-за стола и бросились наверх, однако все равно оказались в комнате позднее охраны. Когда я влетела в спальню Олега, Люба, стиснув рот рукой, стояла у стены и жалобно всхлипывала, возле ее ног лежал Олег. Глаза его закатились, лицо было землисто-серым, на губах виднелся какой-то зеленый налет, а на полу рядом с ним — следы рвоты. Охранники приподняли его голову, Руслан прижался ухом к груди Олега и сказал тихо:

— Вроде жив.

Лев Николаевич бросился к телефону, а мы с Женькой бессмысленно тарасили глаза. Хозяин успел вызвать «Скорую», когда Руслан неожиданно зло рявкнул:

— Какая, к черту, «Скорая», их ждать придется больше часа. Быстрее на катер.

Охранники стащили с постели покрывало и соорудили из него подобие носилок.

— Катер готов, — сообщил Лев Николаевич, руки его дрожали, а взгляд испуганно метался. Руслан собирался отправиться в город вместе с Олегом, но в последний момент передумал.

— Машина ждет вас на пристани, — сказал он двоим охранникам. — Володя, останешься с ним, а ты сразу же возвращайся. — Он покосился на хозяина, и его беспокойство стало мне понятно: Лев Николаевич оказался без охраны, если, конечно, не считать самого Руслана.

Про обед никто не вспомнил, что вполне естественно. Хозяин с Русланом заперлись в кабинете, вскоре к ним присоединился адвокат. Олимпиада поспешно собирала со стола. Люба отпросилась домой, а мы с Женькой вышли в сад — находиться в доме не было сил.

— Что скажешь? — шепнула подружка, подозрительно оглядываясь.

— Ничего, — испуганно замотала я головой. — То есть я хочу сказать, сматываться отсюда надо.

— Катер ушел.

— Ну и что? Деньги есть, можно договориться с кем-то из местных.

— Ты в самом деле хочешь уехать? — вроде бы удивилась Женька.

— Конечно, хочу, — разозлилась я.

— А как же расследование?

— Какое расследование?

— Но ведь должны же мы узнать, что за дела здесь творятся?

— Что узнавать, и так ясно: хреновые дела.

— Да, неладно что-то в Датском королевстве... Олега отравили. Симптомы налицо. — Я пожала плечами, так как в медицине была не сильна. — Чего ты плечами-то жмешь? — фыркнула

Женька. — Где твоя дедукция?

— Олега отравили, — кивнула я, чтобы отвязаться от нее. Тут я вспомнила, где подружка провела часть ночи, и испуганно спросила: — Ты им увлеклась?

Женька закатила глаза:

— Увлеклась. Только речь сейчас не об этом. Скажи на милость, зачем им травить Олега?

— Кому им? — испугалась я.

— У тебя что, мозги отшибло? — рассвирепела она. Я тяжело вздохнула и попробовала соображать.

— Мы даже не знаем, действительно ли его пытались отравить, — подумав немного, заметила я со вздохом.

— По-твоему, он сам отравился?

— Может, съел что-нибудь некачественное...

— Анфиса, ты меня с ума сведешь. Что съел? Мы же вместе питаемся. — При этих словах я ощутила некое беспокойство в своем организме и тихо ойкнула. — Не дури, — обиделась Женька. — Если бы мы хватили этой гадости, то сейчас лежали бы рядом с Олегом.

Это немного успокоило меня, и, чтобы доставить подружке удовольствие, я стала размышлять вслух:

— Травить Олега, с моей точки зрения, ни к чему. Кто-то задумал свести Льва Николаевича в могилу. С привидением ничего не вышло, вот и сыпанули яду, но вместо Льва Николаевича он попал к Олегу.

— И кто сыпанул яд?

— Ну... за столом это сделать затруднительно. Впрочем...

— Это Олимпиада, — твердо сказала Женька. — Или Люба. Кстати, она домой сбежала.

— И правильно сделала, — не выдержала я. — Здесь черт-те что творится. Зачем Любе травить хозяина?

— Ее мог кто-то подкупить.

— Допустим. Только лично мне в это не верится. Мы же решили...

— Ничего мы не решили. Допустим, Люба действительно ни при чем, Олимпиада подсыпала в тарелку яду, а Люба, подавая на стол, перепутала тарелки и поставила ее перед Олегом.

— Эдак старушенция всех нас перетравит, — проворчала я. — И вообще, все это теткой Агатой отдает. Яд, тарелки, наследство...

— Допустим. Но ведь Олег-то прямиком отправился в больницу, — напомнила Женька.

— Давай подождем, что врачи скажут, — вздохнула я. — Может, у него какая-нибудь хитрая

болезнь.

Мнение врачей на этот счет мы узнали от Руслана. Парня пытались отравить мышьяком. Олег находился в тяжелом состоянии и ничего рассказать не мог. В дом вместе с охранником прибыли представители правоохранительных органов, и мы до глубокой ночи отвечали на их вопросы.

Мышьяк обнаружился очень скоро, лежал себе преспокойненько в кладовке, в металлической банке, на которой так и было написано «мышьяк». Олимпиада объяснила, что стоит она здесь очень давно, то есть стояла еще в сгоревшем доме, в той же самой кладовой, до которой огонь так и не добрался. В старом доме было полно мышей, и их периодически травили, а в новом их, слава богу, нет, и она успела забыть про банку. Объяснение повергло блюстителей закона в легкий шок. Войти в кладовку и взять мышьяк мог практически каждый. В общем, за нас взяли всерьез.

Очень скоро я поняла: подозрение милиции пало на нас с Женькой. Вся загвоздка была в мотиве. Как ни бились с нами два мудрых дяди, а изобрести приличный повод, с чего бы это нам травить Олега, так и не смогли. Думаю, только это нас и спасло. С ворохом исписанных бумаг они удалились, а Лев Николаевич принялся извиняться перед нами. Я хотела пожаловаться Ромке, но Женька мне такой возможности не дала.

— Давай подумаем, когда это могли сделать? — лишь только мы остались одни, сказала она.

— Когда его могли отравить? — уточнила я.

— Разумеется. Если за завтраком он жаловался на недомогание, значит, успел хлебнуть этой гадости... — При этих словах Женька вытаращила глаза, а потом схватила меня за руку. — Идем.

— Куда? — не поняла я.

— В его комнату.

— Зачем? Милиция там уже все обшарила.

— Что может твоя милиция? Машину и ту до сих пор не нашли... — Лучше бы ей про машину не вспоминать, я сразу загрустила. — Идем, говорю тебе, — рывкнула подруга, и я поплелась за ней, хоть и не видела в этом никакого смысла.

Мы подошли к комнате Олега, я зачем-то постучала и толкнула дверь. Рядом с кроватью стоял Руслан и хмуро оглядывался.

— Есть новости? — невинно спросила Женька.

— Сколько угодно.

— Олегу лучше?

— Нет. Еще вопрос, выкарабкается ли он, хотя врачи надеются.

— Что еще за новости? — насторожилась я.

— Сашка в Питер так и не доехал. Тачку нашли в лесу, в сорока километрах от Сортавалы, а сам он как сквозь землю провалился.

— Ничего себе, — охнула Женька. — Так, может, это он?

— Что он? — растерялся Руслан.

— Он... Олега того... А потом смылся?

Руслан вроде бы лишился дара речи, что неудивительно, Женька на многое способна.

— Зачем Сашке травить Олега? — наконец сказал он.

— А кому вообще это надо? — задала Женька встречный вопрос.

— История совершенно дурацкая, — вздохнул Руслан. — Травить человека мышьяком это совершенно... по-бабьи, — нашел он нужное слово и уставился на нас.

— Вот оно что, — вмешалась я. — Сначала менты, теперь ты со своими намеками.

— Я ни на что не намекал, — пошел он на попятный. — Просто сказал, что это ни на что не похоже.

— Давайте доверять друг другу, — миролюбиво предложила Женька. — И подумаем, когда и где он мог слопать эту дрянь? От нас он ушел утром, а за завтраком уже чувствовал себя неважно, но не настолько, чтобы забеспокоиться всерьез. Значит, после того как он покинул нашу комнату, он что-то съел, а потом этой дряни еще добавил. Соображаешь?

Руслан соображал неплохо.

— Выпивка, — коротко заявил он.

— Я тоже так думаю, — кивнула Женька и пошла к журнальному столику. — Здесь графин стоял, — кивнула она. — Вечером мы пили коньяк.

Поиски графина результатов не дали, в комнате его не было.

— Может, его милиция забрала? — предположила я.

— Нет, — покачал головой Руслан. — Я даже не помню, чтобы он здесь был.

— Может, его милиция забрала? — предположила я.

— Нет, — покачал головой Руслан. — Я даже не помню, чтобы он здесь был.

— Был, — заявила Женька, — раз мы из него коньяк пили. Стаканы, кстати, тоже исчезли. Что ж, долой сомнения... Если я жива-здоровая, значит, вечером коньяк был в норме, а когда Олег ночевал у нас, кто-то вошел в его комнату и подсыпал яд. Олег, вернувшись, выпил немного и почувствовал себя плохо. После завтрака решил подлечиться все тем же коньяком. Попытался позвать на помощь, но даже до двери не дошел.

Руслан слушал ее, не перебивая, и становился все мрачнее.

— Вопрос прежний, — вздохнула я. — Кому все это нужно? После вчерашнего я была уверена, что кто-то желает извести Льва Николаевича. Тогда при чем же здесь Олег? Если все было так, как предполагает Женя, значит, отравили его вовсе не по ошибке, а совершенно сознательно.

— Выходит, он увидел что-то, чего не должен был видеть, — изрек Руслан. Мы переглянулись.

— Графин исчез, — подумав немного, напомнила Женька. — Когда мы нашли Олега, он стоял на столике, я это точно помню, потому что подумала: «Не худо бы коньяка для бодрости духа». — При этих словах я поежилась, я и раньше-то коньяк не жаловала, а уж теперь никакие силы меня не заставят его пить. — Из комнаты мы вышли вместе. Ты все это время был со Львом Николаевичем, мы с Анфисой. Остается прислуга, Олимпиада и Мстислав.

— Почему? Есть еще привидение, — со вздохом напомнила я.

— Вот что, — внезапно потеряв интерес к разговору, заявил Руслан. — Завтра утром придут мои ребята, с этим дурацким отравлением разберемся. Дом не покидайте. Дверь и окна держите запертыми. Все ясно?

— Еще бы, — хмыкнула Женька, и мы поплелись к себе.

— Он нас подозревает, — жаловалась я. — И правильно делает, между прочим. Нормальные люди сразу бы уехали.

— Кто ж нам теперь разрешит уехать? — вздохнула Женька. — Нет, голуба моя, сидеть нам в этом чертовом замке до полного прояснения.

Вернувшись в комнату, я обратила внимание на сотовый, по забывчивости оставленный мною на кровати. За время нашего отсутствия был звонок. Я подумала, что это Ромка, и позвонила мужу. Оказалось, он только что вернулся с дежурства и позвонить мне еще не успел. Мне большого труда стоило утаить от него происшедшее с нами несчастье. Если б не подружка, я б, конечно, проболталась, но Женька все это время сидела рядом и строила мне зверские физиономии, потом отобрала телефон и позвонила Людке Сергеевой. У нее были для нас новости, она-то как раз и звонила полчаса назад.

— Фонд ваш — бандитская лавочка, — с места в карьер заявила Людка. — Бабки сумасшедшие, и люди серьезные. Бесплатный совет: держитесь от всего этого подальше. Впрочем, это я зря, вы с Анфисой точно мухи — где дерьмо, там непременно вы.

— Спасибо, — только и смогла сказать я.

— Нельзя ли поподробней? — совершенно не обращая внимания на слова подруги, попросила Женька.

— Кабы можно было знать подробней, фонд этот давно бы прикрыли.

— Да-а... Что, совсем ничегошеньки? И никаких интересных историй, убийств видных деятелей и тому подобное?

— Деятелей там полно, но, к сожалению, все живы-здоровы. У председателя фонда...

— Илларионова? — подсказала Женька.

— Да, у него, был шофер. Не знаю, какой он водила, но умные люди утверждают, что киллер он был профессиональный. Год назад погорел на глупости, очень похоже, что его подставили. Что-то они в своей лавочке не поделили, и парня сдали. Конечно, все это слухи, за достоверность ручаться не могу. Одно точно: парень сбежал и, очень может быть, захочет поквитаться. Соображаете? В общем, сваливайте оттуда в хорошем темпе.

— А как зовут парня? — торопливо спросила Женька.

— Вот только мне и забот, что с киллерами знакомиться, — съязвила Людка и отключилась.

— Не в духе, — пожала плечами Женька. — А чего бы проще узнать. Вот ведь характер...

— Может, Ромку попросить? — предложила я.

— Да заколебала ты своим Ромкой, без него обойдемся... Слушай, надо Сашке позвонить, менту, что твою машину искать обязан. У тебя его телефон есть? Заодно про «Фольксваген» спросим.

— Ты ему сейчас звонить будешь? — разозлилась я.

— Можно и завтра.

— Можно. Только про «Фольксваген» он сам ничего не знает, были бы новости, давно бы позвонил.

— Тем более должна быть от него польза, спросим про киллера.

Я только головой покачала, все-таки Женька ненормальная.

Мы легли спать, все равно от нашего бдения толку не было никакого. Лишь только голова моя коснулась подушки, под окнами раздался крик, а затем и выстрел. Я подпрыгнула от неожиданности, а Женька бросилась к окну, но, коснувшись рукой рамы, вовремя передумала и, жалобно глядя на меня, прошептала:

— Что делается...

В доме послышалось движение, а я, осторожно приблизившись, чуть приоткрыла раму. До меня донесся голос Руслана, он кому-то грозно выговаривал, но слова разобрать было невозможно.

— Что случилось? — крикнула я и даже рискнула высунуться.

Мне не ответили, а вскоре голоса стихли. Взглянув друг на друга, мы с Женькой, накинув халаты, спустились вниз. По дороге встретили Олимпиаду, она была здорово напугана и, как и мы, понятия не имела, что произошло.

В кухне горел свет, и мы направились туда. Через минуту нашим очам предстала довольно странная картина. Двое охранников (Володя, доставив Олега в больницу, сразу же вернулся) сосредоточенно хмурили лбы, а Руслан бинтовал руку Льву Николаевичу, который сидел возле окна, глядя куда-то в пол, и производил впечатление невменяемого.

— Кто стрелял? — спросила Женька.

— Я, — ответил Руслан. — Напугал? Все в порядке, отправляйтесь спать.

— Да что случилось-то? — охнула Олимпиада.

— Ник взбесился, — хмуро заявил Руслан. — Мы были в саду, Лева хотел его погладить, как вдруг он бросился на него, Лева успел рукой загородиться... — Руслан кивнул на руку хозяина, на которую только что наложили повязку. — Я с перепугу и выстрелил.

То, что Руслан выходит на прогулку с пистолетом, меня не удивило, но вот то, что Ник бросился на хозяина... Как-то в это не верилось.

— Вызвать врача? — тревожно спросила Олимпиада, глядя на своего воспитанника.

— Не надо, — покачал он головой. — Рана пустяковая. Руслан уже все сделал... Не пойму, что на него нашло. — Последние слова судя по всему относились к Нику. Руслан и оба охранника разом нахмурились и переглянулись. Лев Николаевич поднялся, намереваясь отправиться к себе, и тут в кухне появился Мстислав. Сначала никто не обратил на него внимание, и только когда он громко воскликнул: «Лев!» — мы дружно оглянулись и увидели его в дверях кухни.

— Что с твоей рукой? — перешел на истерический визг Мстислав.

— Собака укусила, — спокойно ответил Руслан.

— Какая собака?

— Ник, разумеется, других собак здесь нет. Пришлось пристрелить пса. С чего бы ему бросаться на людей? — сверля Мстислава взглядом, закончил он.

— Ты меня спрашиваешь? — удивился тот.

— По здравом размышлении только тебя и стоило бы спрашивать, — с откровенной враждебностью заявил «большой друг», охрана подобралась, а Мстислав побледнел.

— Ты с ума сошел, — пролепетал он. — Какое я могу иметь отношение...

— Прекратите, — резко сказал Лев Николаевич. — Так мы черт знает до чего дойдем. В конце концов, собаки иногда страдают бешенством. Идемте спать.

С этими словами Лев Николаевич покинул кухню, и остальные последовали за ним, причем Олимпиада заметно успокоилась, а вот Мстислав чувствовал себя скверно.

— Как тебе это нравится: собачка взбесилась? — зло фыркнула Женька, когда мы остались одни.

— Пес был на редкость добродушным созданием, — кивнула я. — Похоже, кто-то очень спешит разделаться с нашим хозяином.

— Ты думаешь, собачку чем-то накормили?

— Откуда мне знать? Но это первое, что приходит в голову. Саша исчез, Олега отравили, а собачка едва не загрызла хозяина. На счастье, Руслан у нас всегда во всеоружии. — Это каламбур? — хмыкнула Женька.

— Это мои наблюдения. Все происходящее мне ужасно не нравится.

— Кто бы спорил, — пожала плечами Женька. — Спать ляжем?

— Нет, — твердо заявила я. — Хотелось бы осмотреть дом.

— Чтобы найти привидение? По-моему, его и искать не стоит, это Мстислав. Я почти уверена: мышьяк Олегу подсыпал он и собачку тоже какой-нибудь дрянью накормил.

— Руслан его тоже подозревает.

— И правильно делает.

— Может, стоит рассказать ему о телефонном звонке?

— Ни в коем случае, — замотала головой Женька. — Руслан его непременно укокошит, вот увидишь.

— Но если мы промолчим, то Мстислав доберется до Льва Николаевича.

— Не хотелось бы... я лишусь заработка. Но это все же лучше, чем взять грех на душу.

— Какой еще грех? — разозлилась я.

— Анфиса, ты вот что, ты в эти бандитские разборки не лезь, пусть они убивают друг друга, лишь бы нас никто не трогал.

— Не понимаю, — возмутилась я. — То ты хочешь во всем разобраться, то предлагаешь никуда не лезть.

— Разобраться хочу, я от природы любопытная, но стучать на человека, чтоб его сразу...

— А Лев Николаевич?

— Что Лев Николаевич? У него охрана, глядишь, спасут дядьку и без нашего вмешательства.

— Нет, это даже странно, — возмутилась я, а Женька вздохнула:

— Конечно, Мстислав выглядит подозрительно, а вдруг мы все-таки ошибаемся? А Руслан парень сердитый и вполне способен человека угробить просто так, на всякий случай, все равно что собаку... Нет, мы придерживаемся нейтралитета и «стучать» можем только родной милиции, хотя особого толка я в этом не вижу, менты точно коты слепые, пока не ткнешь носом...

После пропажи машины в способности ментов сделать что-нибудь путное я тоже сильно сомневалась и с Женькой в конце концов согласилась, однако считала, что Льву Николаевичу мы обязаны помочь, не ждать же в самом деле, когда его убьют? Будем соблюдать нейтралитет и проводить собственное расследование. На том и порешили. Женька заявила, что обследовать сегодня дом вряд ли получится, раз охрана настороже. Она легла спать, а я от нечего делать устроилась у окна, потому что спать мне совсем не хотелось. Показалась луна, освещающая сад призрачным светом, а я в который раз терзалась догадками: что происходит в этом чертовом доме?

— Ты долго будешь привидения высматривать? — пробормотала Женька. Только я собралась ей что-нибудь ответить, как увидела его. Привидение или нет, но нечто белое возникло у калитки, а потом дважды мелькнуло между деревьями.

— Это она. — Я вскрикнула, не помня себя, тем самым едва не довела Женьку до инфаркта, по крайней мере та вскочила, хватаясь за сердце и испуганно бормоча:

— Кто она?

— Женщина, та, что изображала привидение.

Женька недоверчиво приблизилась и вместе со мной уставилась в окно и, разумеется, ничего не увидела. Я, кстати, тоже. Ничего подозрительного внизу больше не мелькало.

— Может, показалось? — с состраданием глядя на меня, предположила Женька.

— Я точно что-то видела, — возразила я.

— Что-то? — сморщила нос подружка.

— Это было похоже на женщину в белом.

— А наше с тобой состояние на белую горячку, — заявила Женька. — Пойдем ловить?

— Конечно, — нахмурилась я. — Фокус с собакой не удался, и теперь они вернулись к старой идее.

— Кто они? — вздохнула подружка.

— Мстислав и тот, кто его шантажирует. Идем, — поторопила я, и мы спешно покинули комнату.

Однако, как только мы оказались в коридоре, храбрости у меня поубавилось. Мы могли бы сообщить Руслану о появлении привидения — пусть у него голова болит. Я покосилась на подружку, но промолчала, только выразительно вздохнула.

По темной лестнице мы спустились на второй этаж и вскоре замерли неподалеку от спальни Льва Николаевича, укрывшись в нише с вазоном на подставке. Прошло минут двадцать, а привидение не появлялось. Женька взглянула на часы, а я шепнула:

— Ей нужно время, чтобы проникнуть в дом. — И мы просидели в засаде еще полчаса, после чего и подружка, и я сама начали проявлять нетерпение.

— Может, все-таки показалось? — шепотом спросила Женька. — Третий этаж, а у тебя зрение плохое.

— С чего ты взяла? — удивилась я.

— Ты сама все время говоришь.

— Я ее видела, — упрямо сказала я. Женька согласно кивнула.

— Ладно-ладно, давай подождем, какая разница, спать или здесь сидеть.

Однако очень скоро я ощутила разницу, а проклятое привидение все не показывалось.

— А что, если она нас опередила? — выдвинула я свежую идею.

— В каком смысле? — не поняла подружка, уже некоторое время клевавшая носом.

— Что, если она давно в его комнате?

Женька отреагировала неожиданно, вскочила, тараща глаза, и перешла на зловещий шепот:

— И он уже того?..

Не сговариваясь, мы бросились к двери, и Женька постучала, сначала тихо, потом погромче, а уж потом грохнула кулаком. Толку от этого не было вовсе, мы испуганно переглянулись, а я взялась за ручку, нажала ее и толкнула дверь. Комната тонула в темноте, при свете, падающем из коридора, можно было разглядеть фигуру человека на постели, рука его свесилась к самому полу... Мы дружно завопили. Тут фигура приняла вертикальное положение и тоже завопила, а я догадалась щелкнуть выключателем. В ярком свете электрических лампочек Лев Николаевич смешно моргал и пытался прийти в себя, а я глухо простонала, потому что не только мертвым, но даже раненым он не выглядел. Выходит, побеспокоили мы его совершенно напрасно.

— Ради бога, извините, — забормотала Женька, подавая ему стакан воды. — Мы шли из библиотеки, увидели, что ваша дверь закрыта неплотно, и на всякий случай постучали, а вы не ответили... Господи, как неловко получилось.

— Ничего страшного, — пролепетал Лев Николаевич, с трудом приходя в себя. — Я сплю, знаете ли, очень крепко, а сегодня еще и успокоительное принял.

— Может быть, вам что-нибудь нужно? — не унималась Женька. — Может, принести чаю?

— Нет-нет, благодарю... — торопливо заявил Лев Николаевич, и мы, пятясь задом, отступили к дверям. Глупо ухмыляясь, Женька выключила свет, мы оказались в коридоре и плотно закрыли дверь.

— Я тебя убью, — гневно заявила Женька.

— А я тебя, — не осталась я в долгу.

— Прежде чем орать, не худо бы убедиться, что дядя уже преставился.

— А где Руслан с охраной? — нахмурилась я. — Мы тут такой шум подняли, а им хоть бы что... или они тоже успокоительное приняли?

— Мне выяснять это совершенно не хочется, — поморщилась подружка. — Давай сматываться, еще только объяснений с Русланом мне и не хватало.

Мы поднялись к себе, но я и там продолжала ломать голову. Во-первых, охрана вела себя действительно странно в свете последних событий, им с хозяина нельзя глаз спускать, а они бродят неизвестно где и даже на крик не реагируют, так же, впрочем, как и Олимпиада с адвокатом, но эти еще куда ни шло, живут в другом крыле, в самом деле могли не слышать. Во-вторых, и в — главных: куда делось привидение? Если ему или ей не нужен Лев Николаевич, то зачем оно явилось?

— А что, если Руслан того?.. — ахнула я. Женька к этому моменту успела задремать и теперь глухо простонала. — Нет, в самом деле, — не унималась я. — Невозможно, находясь в соседней комнате, не обратить внимание на крики.

— К Руслану не пойду, — отрезала Женька. — До утра подождет, если его укокошили, пусть труп найдет кто-то другой.

— Он ведет себя неправильно, — заключила я. — То есть это вовсе ни на что не похоже.

— Анфиса, угомонись, Христом-Богом прошу, — взмолилась Женька.

— Хватит спать, пошевели мозгами. У меня такое впечатление, что безопасность Льва Николаевича волнует только нас с тобой. — Было еще что-то, не дающее мне покоя, какая-то мысль мелькнула, когда я стояла в спальне Льва Николаевича, мелькнула и ушла, а вот неприятное чувство осталось, и ничего поделать с этим я не могла... Я поднялась и потянула Женьку за рукав пижамы. — Давай осмотрим дом.

— Зачем? — чуть не плача спросила Женька.

— Затем, что она где-то здесь. Я видела ее в саду, она шла к дому. Если ее нет у Льва Николаевича, значит, она прячется, начнет стонать и прочей чепухой заниматься, чтоб дядька с катушек съехал.

— Да он спит как убитый, думаю, стонать она будет совершенно напрасно.

— Идем, тебе говорю. И захвати фонарик.

— Ну хорошо, — обреченно сказала Женька, и мы покинули комнату. Не успели мы достигнуть первого этажа, как услышали чей-то стон, затем приглушенные причитания, снова стон, и все стихло.

— Ну вот, пожалуйста, — удовлетворенно заявила я. Женька постояла, прислушиваясь, и, качая головой, заметила:

— Любопытно, для кого леди старается.

— Вот сейчас у нее и спросим.

Однако это было проще сказать, чем сделать. Мы прошли по коридору дважды из конца в конец, но больше не услышали ни звука.

— Куда она делась? — разозлилась Женька.

— Она наверняка в подвале, — ответила я.

Мы отправились к той самой решетке, что привлекла наше внимание в прошлый раз, и я приложила к ней ухом. Мне показалось или снизу действительно донесся слабый звук?

— Придется спускаться, — сказала я, переходя на шепот.

— У нас нет веревки, — напомнила Женька. Было заметно, что она отчаянно трусит. Если честно, я тоже ужасно боялась, но сильнее страха было желание покончить с тайнами.

— Веревку ты спрятала в кладовке, — напомнила я, и Женька кивнула, решив, как видно, соревноваться со мной в бесстрашии.

Мы сходили в кладовку, взяли веревку, а потом прихватили из кухни нож. Провозившись минут пятнадцать, смогли поднять решетку, сунули физиономии в отверстие и поежились: снизу пахло могильным холодом.

— Кто полезет? — нервно спросила Женька. — Обеим нельзя, кто-то должен страховать здесь. — Подружка извлекла из кармана пижамы монетку (подозреваю, прихваченную ею как раз для такого случая). — Орел — ты, решка — я.

Я несколько не удивилась, что лезть пришлось мне, только чертыхнулась мысленно в адрес своей удачи. Один конец веревки мы привязали к ручке соседней двери, а другой сбросили вниз, после чего я с Женькиной помощью пролезла в дыру и...

Вспоминать, как я спускалась, даже не хочется, спуск сложным не был, шахта оказалась довольно узкой, так что я упиралась в стену ногами, но, оказавшись в каменном мешке, я испытала такой ужас, что едва не лишилась сознания. Ноги мои коснулись пола, а я, включив фонарик, попыталась оглядеться.

— Ну что? — зловещим шепотом спросила Женька.

— Это в самом деле вентиляционная шахта, — разочарованно ответила я. — Отсюда два хода: налево и направо. Куда идти?

— Налево.

— Почему?

— Не знаю.

Я опустила на корточки, светя фонариком. Правый ход был узким и бесконечно длинным. Двигаться придется на четвереньках, и одному богу ведомо, как долго. Я поежилась и обратила взор к другому ходу. Судя по всему, он был тупиковым, впереди я ясно различала стену, но... что-то показалось мне любопытным, я продвинулась вперед, еще немного, еще... черт, так и есть. Ход неожиданно обрывался, поняла я это с опозданием и, взвизгнув, полетела вниз.

— Анфиса, — отчаянно позвала Женька, а я упала на что-то мягкое и с облегчением перевела дух. Фонарик погас, наверное, я случайно нажала кнопку.

— Спокойно, — сказала я себе и крикнула: — Все в порядке. — После чего включила фонарь, моля бога, чтобы свет загорелся. Фонарик работал исправно, но облегчение я почувствовала лишь на мгновение. Первое, что я увидела, — стена, сложенная из больших камней, и сводчатый потолок. Комната была довольно просторная, за моей спиной виднелась дверь. А еще я увидела туфли, обыкновенные мужские туфли, которые были на чьих-то ногах. Заподозрив неладное, я осветила прямо перед собой и взвыла так, что у меня уши заложило.

Я сидела верхом на мужчине, то есть он лежал себе смирно, а я умудрилась приземлиться на его живот. Конечно, в этой ситуации орать надо ему, а мне поспешно извиняться, да дело было в том, что орать он никак не мог, потому что я сидела верхом на трупе. Он был в темной футболке, лежал со сложенными на груди руками и с отрешенным от всего земного лицом. Я даже не сразу поняла, что это Саша. Тот самый охранник, которого Руслан посылал за подмогой. Шея парня представляла собой сплошную рваную рану с запекшейся по краям кровью. Но это еще не все: рядом с ним лежали ножницы, самые обычные ножницы, необычными были сгустки крови на них, что намекало на то, что именно ножницы и явились орудием убийства.

Я закатила глаза, слабо простонала и хлопнулась на каменный пол, фонарик откатился в сторону, а я посоветовала себе потерять сознание, чтобы это безобразие разом прекратилось, но сознание упорно не желало покидать меня. Я захныкала от жалости к себе. Потом приподнялась сама и подняла фонарик — надо было что-то срочно предпринимать для своего спасения, раз этот кошмар сам по себе исчезать не собирается.

Для начала я встала на ноги и, стараясь не смотреть на труп, достигла двери. Мои худшие

предположения оправдались: дверь была заперта и открыть ее не представлялось возможным. Но ведь должна я как-то выбраться отсюда? Я еще раз огляделась, принципиально игнорируя труп. Первое, что бросилось в глаза, — длинная цепь, вделанная одним концом в стену. Другой конец цепи заканчивался чем-то подозрительно напоминающим ошейник. Прямо у стены — нары (на них-то и покоился труп), маленький столик, на нем алюминиевая ложка и миска, в стене, в метре над нарами, — отверстие, через которое я сюда проникла, это действительно была вентиляционная шахта, в помещении ни намека на окошко, даже крохотное, и не будь здесь вентиляционного отверстия, дышать вскоре не было бы никакой возможности.

Тут я вспомнила о подружке и крикнула:

— Женька, со мной все в порядке, слышишь? — Хотя какой уж тут порядок. Мое внимание привлекло вот еще что: отверстие в шахту было забрано решеткой, сейчас она висела на одном болте. Окончательно осмелев, я взобралась на нары и осмотрела решетку как следует. — Мама моя, — пробормотала я через пару минут, потому что получалось вот что: я нахожусь в самой настоящей тюрьме, в которой, вне всякого сомнения, держали человека, и человек этот, пытаясь выбраться, смог вывернуть болты на решетке. Я так перепугалась, что не желала оставаться здесь не только лишнюю минуту, но и секунду. Дотянувшись до отверстия и, используя для упора решетку, влезла внутрь, но это было самым простым делом на пути освобождения: ход, по которому я скатилась сюда, был покатым, наподобие горки, и, как я по нему поднимусь, оставалось загадкой.

Выключить фонарик я боялась, а держать его в руках не было никакой возможности, кончилось тем, что я зажала его в зубах, перевернулась на спину, ногами уперлась в боковые стены, а руками в потолок и вот таким диковинным образом начала подниматься. Мысли в моей голове начисто отсутствовали, кроме одной: я навеки останусь в этом каменном мешке. На счастье, ход был коротким, вскоре я почувствовала, что пол подо мной выравнивается, встала на четвереньки — отсюда до шахты, где ждет меня Женька, рукой подать. Сунув фонарик в карман, я ринулась в том направлении, но вдруг что-то больно треснуло меня по затылку, я взвизгнула, а кто-то надо мной ойкнул.

Торопливо щелкнув фонариком, я увидела Женьку, облаченную в желтую пижаму, она почти достигла дна шахты и сейчас таращила глаза под слепящим лучом фонарика.

— Что ты здесь делаешь? — разозлилась я.

— Я испугалась... — захныкала Женька.

— Так и сидела бы наверху, кто нас теперь вытащит?

Подниматься по веревке наверх оказалось занятием не из приятных, лазание по канату мне и в школе никогда не нравилось, однако надо отдать нам должное: Женька поднялась в рекордно короткие сроки, а я вообще вспорхнула как ласточка.

Не успели мы выбраться в коридор, как я накинулась на подружку:

— Зачем ты вниз полезла, я же крикнула, что со мной все в порядке.

— Я не слышала.

— Как не слышала, если я орала во все горло.

— Говорю тебе, не слышала, только шорох какой-то, то ли стоны, то ли всхлипы. Зову тебя,

зову, а ты молчишь. Я тут чуть не спятила...

— Странно, — нахмурилась я, поражаясь звуковому эффекту: должно быть, звук терялся в переходах шахты и достигал поверхности в измененном виде. — Там кто-то кричал, — охнула я, поражаясь неожиданной догадке. — Там кто-то кричал, оттого-то эти стоны...

— Анфиса, хочешь чаю? — ласково предложила Женька.

— Господи, там же самая настоящая тюрьма...

— Конечно, ты рассказывала...

— Да погоди ты, там в самом деле кто-то был.

— Кто? — нахмурилась Женька.

— Понятия не имею. Теперь там труп.

— Труп? — не поверила подружка. — Какой труп?

— Никакой, а чей. Труп охранника по имени Саша. Надо немедленно сообщить Руслану. Он его везде ищет, а Саша внизу с перерезанным горлом.

— Анфиса, может быть, все-таки чаю? — жалобно пискнула Женька.

— Какой чай, в доме убийца. — И я со всех ног кинулась к комнате Руслана. Женька едва успевала за мной.

Однако нас ждал сюрприз: Руслана в комнате не оказалось. Мы постучали, затем заглянули и убедились, что комната пуста, а постель застелена.

— Где же он? — растерялась я. Бегом мы пустились в комнату охраны. Дверь распахнута настежь, свет горит, но и здесь ни души. — Куда они все делись? — возмутилась я, а Женька, сделав круглые глаза, заявила:

— Сбежали. Сама говоришь: убийца в доме. И эти гады смылись, бросив хозяина и нас на произвол судьбы.

— Не может быть, — пробормотала я.

— Еще как может, — возразила Женька. — Слышала поговорку: «Своя рубашка ближе к телу».

— Так, может, Лев Николаевич того?..

Мы бросились в его комнату, влетели без стука и включили свет, Лев Николаевич поднял голову и уставился на нас с видом полнейшего недоумения, а мы поспешно ретировались, бормоча «извините».

— Почему ты ему не сказала? — напустилась я на Женьку, как только мы очутились в коридоре.

— А ты?

— У меня из головы все вылетело...

— И у меня.

— Так давай вернемся. — Я уже сделала шаг в направлении комнаты Льва Николаевича, но Женька схватила меня за руку:

— У него слабое сердце... А если выяснится, что никакого трупа нет?

— Что? Я сама...

— Нет, так нельзя, — разволновалась Женька. — Так нам, пожалуй, в доме откажут.

— О чем ты говоришь? — возмутилась я. — Внизу труп, Руслан с охраной неизвестно где, а тебя волнует...

— Если там труп, то надо звонить в милицию.

— До милиции еще дожить надо. Идем, проверим двери.

Женька спорить не стала, и мы спустились на первый этаж. Оказавшись в левом крыле, мы услышали приглушенный крик, замерли и испуганно переглянулись.

— Где это? — шепнула Женька.

— Впереди, — невнятно промычала я. Держась за руки, мы пошли вперед и вскоре смогли разобрать голоса, мужские и женские. Женский жалобно просил:

— Где это? — шепнула Женька.

— Впереди, — невнятно промычала я. Держась за руки, мы пошли вперед и вскоре смогли разобрать голоса, мужские и женские. Женский жалобно просил:

— Не надо, пожалуйста. — А мужчины вроде бы смеялись.

Через несколько минут мы уперлись носами в дверь, голоса, вне всякого сомнения, доносились оттуда. Женька пнула дверь ногой, она распахнулась, и я увидела... То есть в первое мгновение я не поняла, что происходит, а во второе пунцово покраснела.

Происходило вот что: на широкой постели, занимавшей треть комнаты, двое охранников занимались любовью со светловолосой женщиной. Лица ее я не видела, а вот длинные золотистые волосы свисали почти до пола. Женька попятилась из комнаты и потянула меня за рукав, а я порадовалась, что охрана, чрезвычайно занятая своим делом, нас не заметила. И тут кто-то засмеялся, а я сообразила, что в комнате есть еще человек, сделала шаг в сторону и в кресле, стоящем ближе к окну, увидела Руслана. Спинка кресла была высокой, оттого я в первый момент и не заметила паршивца.

Он повернулся, и взгляды наши встретились, а я брякнула:

— Мне срочно надо с тобой поговорить.

Охрана наконец-то отвлеклась от своего основного занятия, и тут меня ожидал еще один сюрприз: женщина на постели оказалась Любой. Она вскочила и бросилась к двери, схватив с пола одежду, толкнула опешившую Женьку и полетела по коридору. Руслан широко улыбнулся, нагло глядя мне в глаза, а я повторила:

— Мне надо с тобой поговорить. — И вышла в коридор, хлопнув дверью, а подружка, замешкавшись, едва не получила по носу.

Руслан вышел следом. Вид он имел такой, точно ему полагалась премия за доблесть. Я стояла возле стены, ожидая, когда он приблизится.

— Я думал, ты крепко спишь, — прошептал он голосом змея-искусителя.

— Я бы и спала, если бы была уверена в том, что дом охраняется. Но...

— Ребятам надо расслабиться, — пожал он плечами. — Сидеть в четырех стенах день за днем не сахар.

— Способ вы выбрали весьма действенный, — съязвила я, а Женька, точно опомнившись, задвинула мне ногой по лодыжке.

— Ты ревнуешь к этой дурочке? — удивился Руслан.

— Свинья, — рявкнула я. — Как ты можешь...

— Я не принимал участия, просто зашел на огонек. — Он хохотнул и схватил меня за локоть, а я взвыла:

— Убери руки!..

— Ты потрясающе выглядишь, — совершенно не обращая внимания на Женьку, Руслан привлек меня к себе, явно желая поцеловать, а я собралась вlepить ему пощечину, но тут влезла подружка.

— У нас труп, — громко сказала она. Руслан взглянул на нее как на чокнутую, а я зло добавила:

— Вот именно об этом я и хотела с тобой поговорить. У нас труп.

— И кто преставился? — насторожился Руслан. В этот момент дверь открылась и появилась охрана, ухмылки на их физиономиях были под стать Руслановой.

— Саша, — с чувством глубокого удовлетворения сообщила я. — Какой Саша? — не понял Руслан.

— Охранник. Ты считал, что он в Питере, а он в подвале. Его кто-то зарезал, думаю, ножницами.

— Послушай, дорогая...

— Прекрати так со мной разговаривать, — заорала я.

Руслан слегка отшатнулся.

— Саша в подвале? Как он там оказался, скажи на милость?

— Откуда мне знать? Но он там лежит, а рядом окровавленные ножницы.

— Это точно он? — спросил Руслан, глядя не на меня, а на Женьку. Та пожала плечами.

— Я его не видела, но, если Анфиса говорит, почему бы ему там и не лежать?

Руслан воззрился на охрану, затем на меня и сказал:

— Надеюсь, это не глупая шутка. Идемте в подвал, а вы, — обратился он к парням, — быстро проверьте весь дом.

Парни поспешно удалились.

— Расскажи подробнее, — попросил Руслан.

И я все рассказала.

— Ты лазила в эту дыру? — вроде бы не поверил он. — Но зачем?

— Мы хотели найти привидение.

— Ты думаешь, оно в подвале? А как же экскурсия? Я тебе все показал.

— В той комнате мы не были.

— В какой комнате?

— О господи, — простонала я. — В той, где лежит Саша.

— А он точно там? Ну хорошо-хорошо, давай посмотрим вместе. — И, подхватив нас под руки, Руслан ускорил шаги, но повел нас вовсе не к вентиляционной шахте, через которую мы спускались, а к двери в подвал. В трех шагах от нее я вспомнила о предыдущем посещении и запаниковала.

— Я не пойду...

— В чем дело? — нахмурился Руслан.

— Ищи его сам.

— Так ты все выдумала? Ты выследила эту дурочку, а потом придумала идиотскую историю...

— Замолчи, — рывкнула я и сама распахнула дверь, не приходя в восторг от собственной отваги.

Руслан закрывать дверь не стал, и это меня порадовало, он включил свет, и мы не спеша прошли по подвалу, открыли все двери, однако не только труп, но и самой комнаты не обнаружили. Женька с печальным видом то и дело поглядывала на меня, а я разозлилась:

— Эта комната где-то здесь.

— Где? — вздохнул Руслан. — Есть еще кладовая, может, твой труп туда перебрался?

— Не говори глупостей. Он лежит внизу и ножницы рядом...

— У тебя никогда не было галлюцинаций?

— Хорошо, — широко улыбнулась я. — Этой комнаты здесь нет, но я в ней была, спустимся в шахту, и ты сам убедишься.

Мы выбрались из подвала, подошли к шахте, Руслан заглянул в нее и покачал головой.

— Ты хочешь, чтобы я туда спустился?

— Но ведь я спускалась...

— Я прикажу отчеканить медаль по этому поводу.

— Ты полезешь или нет?

— Я дождусь ребят...

— Боишься? — ядовито поинтересовалась я.

— Не очень, брюки жалко, они костюмные... — Говоря это, Руслан присел на корточки, а через минуту уже спускался по веревке, некоторое время я слышала, как он что-то ворчит себе под нос, затем все стихло.

— Он забыл фонарик, — сообразила я, а Женька, помявшись, спросила:

— Там правда труп?

— Лучше заткнись.

— Эй, я поднимаюсь, — через несколько минут послышалось снизу. — Здесь в самом деле комната, но никакого трупа.

— Как это? — растерялась я. Женька еще больше пригорюнилась.

— Так... просто пустая комната.

— Да не может быть, — ахнула я и начала спускаться по веревке, хотя Женька и пыталась этому воспрепятствовать.

Достигнув пола шахты, я включила фонарь и вскоре скатилась в объятия Руслана.

— Ты все классно придумала, — заявил он, целуя меня, а я попыталась встать на ноги, одновременно оглядываясь. Вне сомнения, я находилась в той же самой комнате... или нет? Она как две капли воды походила на ту, но ни трупа, ни ножиц, ни стола, ни посуды, ни нар в помине не было.

— Что это такое? — пискнула я.

— Понятия не имею. Весь этот дом сплошное недоразумение. Дверь заперта. Если учесть, что ее из подвала не видно, она скорее всего заложена кирпичом.

— А куда делся Саша?

— Я думаю, он в Питере.

— Так его нашли?

— Нет, — покачал головой Руслан. — Но здесь его не могло быть, потому что утром он уехал.

— Давай попробуем открыть дверь, — пробормотала я.

— Я же объяснял...

— Скажи охране, пусть принесут какие-нибудь инструменты.

— Детка, далась тебе эта дверь, ты что думаешь, Саша через нее вышел?

— Прекрати, — заорала я и смогла настоять на своем. К нам спустился охранник с гвоздодером в руках и занялся дверью. Открыть ее не представлялось возможным, в результате получасового труда удалось оторвать часть доски от двери, вот и все наши достижения. Руслан с трудом просунул руку в образовавшееся отверстие и сказал:

— Так и есть, там стена.

Я направила в том направлении луч фонаря и увидела нечто похожее на доски, а может, и не доски вовсе... В общем, дверь никуда не вела.

Дышать в каменном мешке становилось все труднее, я всерьез опасалась остаться здесь навсегда, потому что сил подняться по веревке у меня просто не будет.

— Надо выбираться отсюда, — с беспокойством, глядя на меня, заметил Руслан, и я вынуждена была с ним согласиться.

На обратном пути он проявлял обо мне трогательную заботу и буквально на руках поднял меня из этой чертовой шахты. Женька со вторым охранником ждали нас наверху.

— Ну как? — спросил он. Руслан пожал плечами, а я упрямо повторила:

— Саша там был.

— Детка, я готов искать с тобой привидения всю оставшуюся жизнь, это очень увлекательное занятие, но не слишком ли много впечатлений для одной ночи?

— Не смей делать из меня идиотку. Он там был, я на нем сидела.

— Ты сидела на трупе? — робко спросил Руслан, а я, не помня себя, кинулась на него с кулаками.

— Что происходит? — испуганно спросил кто-то, и мы наконец обратили внимание, что нашего полку прибыло: рядом стоял заспанный Мстислав, переводя взгляд с одного лица на другое.

— А тебе чего не спится? — хмыкнул Руслан. Я резко повернулась и зашагала прочь, Женька бросилась за мной, а адвокат за ней.

— Детка, — крикнул Руслан вдогонку, — может, остаток ночи ты проведешь у меня? Я беспокоюсь.

— Скотина, — зло пробормотала я, сжимая кулаки, и только тогда сообразила, что в руке у меня что-то есть, разжала кулак и увидела пуговицу, должно быть, я оторвала ее от рубашки Руслана. Я со злостью швырнула ее на пол.

— Скотина, — зло пробормотала я, сжимая кулаки, и только тогда сообразила, что в руке у меня что-то есть, разжала кулак и увидела пуговицу, должно быть, я оторвала ее от рубашки Руслана. Я со злостью швырнула ее на пол.

- Анфиса Львовна, — суетливо подскочил Мстислав. — Не могли бы вы объяснить...
- Пошел к дьяволу, — рявкнула я.
- Анфиса, я тебе верю, — заявила Женька, подавая мне стакан воды. — Ты свалилась в этот каменный мешок и в самом деле что-то увидела.
- Это был труп, — упрямо повторила я.
- Так я ж не спорю. Конечно, труп. Но если ты немного успокоишься и выслушаешь меня...
- Я совершенно спокойна.
- Выпей воды.
- Я совершенно спокойна.
- Хорошо, хорошо. Давай ненадолго отвлечемся от трупа. Кое-какая польза от наших мытарств все-таки есть. Мы нашли привидение.
- Какое привидение? — приоткрыла я рот.
- Обыкновенное. Женщина в белом — это Люба. Как видишь, все очень просто. В какой комнате они развлекались? То-то. А та, где ночевала Наташа, по-соседству. Стоны она в самом деле слышала, только стонали по другому поводу, а воображение все довершило: девушка утверждала, что стоны идут из подвала, а откуда же еще, раз привидениям положено жить в подвале, а не в соседней комнате? Где ты первый раз встретила привидение? Правильно. Недалеко от комнаты Льва Николаевича. А комната Руслана как раз рядом. Люба шла к нему и, разумеется, не хотела, чтобы ее видели. Так же как сегодня, когда пробиралась через сад от калитки.
- Но...
- Анфиса, отвлечись от романтических бредней. Думаю, и с Олимпиадой Люба не ладила по той же причине. Старушка знала, как та проводит время. Конечно, для женщины вроде Любы такое поведение как будто мало свойственно. Но, во-первых, мы ее совсем не знаем, во-вторых, цивилизация докатилась и до этих мест, а один из способов заработать стар как мир. Веселая групповуха вошла в привычку, все довольны, и лишь хозяин считает, что у него по дому шастает привидение. Чему тут удивляться с такой-то наследственностью.
- А как же женщина, которую я видела в окно? — проямлила я, чувствуя, как почва уходит из-под ног.
- Ты видела Любу. Растрепанные волосы, испуганное лицо, — она ожидала встретить своих приятелей, а наткнулась на тебя. Так и места недолго лишиться, а заодно и скверную репутацию приобрести.
- Но ведь Саша ее тоже видел и даже стрелял.
- Саша стрелял с перепугу, потому что не понял, в чем дело.
- А кровь? Слушай, а ведь мы его не видели, — вдруг поняла я.
- Кого? — перепугалась Женька.

— Сашу. С того самого выстрела мы ни разу его не видели. Это Руслан сказал, что он уехал, а если не уезжал? Если...

— Стоп, — сурово пресекла меня Женька. — Анфиса, не начинай все сначала.

— Подожди, подожди, — заметалась я по комнате. — Руслан сказал, что охранник уехал, потом его машину где-то обнаружили, а сам он исчез. Соображаешь? Когда на крик сбежалась охрана, Саши среди них не было, хотя Руслан сказал, что стрелял он.

— Ты что, хочешь сказать, что тем выстрелом его и убили? А как же ножницы? Ты ведь говорила, у него рана на шее. Или нет?

— Рана была, — испуганно кивнула я. — Но это не меняет главного. Саша мог исчезнуть в ту ночь, а вовсе не утром.

— Ну и что? — забеспокоилась Женька.

— Значит, его труп действительно лежал в подвале и я его видела.

— Тогда куда он делся?

— Пока Руслан водил нас по подвалу, двое охранников могли его вытащить и в комнате все убрать, чтобы мои рассказы выглядели полным бредом.

— Анфиса, я тебя умоляю — поднять труп через шахту невысказано, парни должны быть фокусниками. Ведь ты сама убедилась, что дверь замурована.

— Тогда что же выходит, я спятила? — Думаю, мы немного увлеклись, — миролюбиво заметила Женька.

Возражать я не стала, легла спать и даже глаза закрыла, однако в том, что я в здравом рассудке, ни минуты не сомневалась. Допустим, все эти дурацкие стоны действительно объясняются ночными играми охраны, и даже то, что доносились они из подвала (сами-то мы их слышали, сидя у решетки), могло быть следствием какого-то хитрого акустического эффекта, но труп-то в самом деле был. К тому же Люба... Я вспомнила, как она смотрела на Руслана, ведь она влюблена, и тут же групповуха с охранниками, и он сам в роли зрителя. Что ж за деньги такие они ей посулили? Деревенская женщина, и вдруг все это... Может, я сама отстала от жизни, но в голове просто не укладывается. Нет, тут что-то не так... Завтра же поговорю с Любой, а еще попытаюсь выяснить, действительно ли Саша покинул остров. Пока мы знаем об этом лишь со слов Руслана, а ему я совершенно не верю.

Составив план на завтра, я посоветовала себе уснуть и действительно вскоре уснула. Утро смешало все мои планы. Проснувшись я ни свет ни заря, и опять оттого, что под окнами шумели, кто-то зычно матерился, а я подумала: просто сумасшедший дом какой-то. Женька сидела на подоконнике, высунувшись в окно, и готовилась свалиться в любую минуту.

— Что там? — спросила я со вздохом.

— А черт его знает, отсюда не видно.

Вместо того чтобы закрыть окно и вновь уснуть, мы покинули комнату и припали к окну в коридоре. Возле моста стоял мужчина в засаленных джинсах, фланелевой рубашке и кепке и орал что есть мочи. Прислушавшись, мы сообразили, что у него серьезные претензии к

Руслану. Матерясь через слово, он обещал придушить его собственными руками.

Вот тут и появился виновник торжества. Как всегда нахально улыбаясь, спросил:

— Чего орешь, урод? — И замер перед ним, по привычке сунув руки в карманы брюк. Мужчина эмоционально высказал претензии, из его слов следовало, что Руслан скотина, тварь последняя и не жилец.

— Это муж Любы, — ахнула Женька, которая по утрам всегда соображает лучше меня. Руслан, заслушав выступление, хохотнул и заявил:

— Если твоя баба перед каждым мужиком подол задирает, это не мои проблемы. — Развернулся с намерением уйти, но Любин муж схватил его за плечо. Руку Руслан сбросил и что-то прошипел, мы не услышали что, зато увидели охрану, которая не замедлила возникнуть. Мужчина, сообразив, что силы неравные, попятился, выдав весьма оскорбительное замечание. Руслан наотмашь его ударил, а тот, не оставаясь в долгу, плюнул ему в лицо.

Охрана сорвалась с места, но Руслан махнул рукой, вытер физиономию и сказал негромко, но внушительно, четко произнося каждое слово:

— Ну все, урод, ты нарвался. — И зашагал в дом. Мужчина сделал попытку высказаться вдогонку, но охранники подскочили, скрутили ему руки и пинками погнали прочь.

— Кошмар, — прокомментировала я, держась за сердце. — Что же теперь будет?

— С кем? — нахмурилась Женька.

— С Любой, естественно.

— Любе раньше надо было думать, до того, как связываться с разными подонками.

Мы вернулись в комнату, но спать нам уже не хотелось. Женька вновь устроилась на подоконнике и минут через десять заявила:

— Руслан.

— Что?

— Руслан куда-то отправился. Вышел через калитку.

— Один? — испугалась я.

— Один.

— Может, стоит его догнать?

— Зачем? — не поняла Женька, я и сама не знала, если честно, но то, что Руслан покинул дом через несколько минут после скандала, да еще один, мне ужасно не понравилось. Его характер мне был уже достаточно понятен, и то, что он отомстит за оскорбление, стало совершенно ясно.

До самого завтрака мы не покидали комнату, а спустившись в столовую, застали Руслана на его обычном месте. Он хмурился, говорил мало. Лев Николаевич с вопросами не лез, должно быть, об утреннем эксцессе был уже осведомлен. Мстислав выглядел пришибленным и в

сторону Руслана даже не смотрел.

— Я звонил в больницу, — сообщил Лев Николаевич. — Справлялся о самочувствии Олега. Пока никаких заметных улучшений, но врачи не теряют надежды. — Я взглянула на Женьку, она кивнула, скроив сердобольную мину, а я подумала, что подружка у меня — черствоое создание, потому что подозревала, что об Олеге она успела забыть.

После завтрака они со Львом Николаевичем, как обычно, занялись работой, а я отправилась на пристань — мне срочно требовалось кое-что проверить. Пристань была пуста, лишь в нескольких метрах дальше по берегу сидел рыбак. Я с досадой вздохнула и вдруг услышала:

— Любуетесь нашими красотами? — Огляделась, но никого, кроме рыбака, не увидела, выходит, говорил он, и я направилась в ту сторону.

— Здравствуйте, — громко поздоровалась я, приближаясь, а рыбак, прищурившись, улыбнулся мне.

— Здравствуйте.

— Как улов?

— Да так себе, сижу больше для удовольствия.

На вид дядьке было лет семьдесят, глубоко посаженные глазки смотрели с интересом, чувствовалось, он из тех, кто любит поговорить. В пластмассовом ведерке рядом с ним били хвостами несколько рыб довольно внушительных размеров.

— Совсем неплохо, — кивнула я.

— Какое там... сейчас не рыбалка, а так... времяпрепровождение. Вот в прежние времена... — Я устроилась рядом и выслушала пятнадцатиминутный рассказ о прежних временах.

— А вы каждое утро ловите здесь? — спросила я, решив, что мы со старичком достаточно подружились.

— Да считай каждое, если дождя нет.

— И вчера были?

— Конечно.

— А пришли рано?

— Что это ты точно следователь? — усмехнулся дед. — Скажи попросту, чего тебе надо, я и отвечу.

— Вчера утром был здесь илларионовский катер?

— Был. Отчалил часов в шесть. Я только устроился, и они тут как тут. Взяли одного пассажира и сразу отчалили.

— А пассажир как выглядел?

— Это кто-то из щелгуновской охраны, они ж все на одно лицо. Вот ведь: что у отца, что у сына людишки, точно близнецы. Ты городская, и видно, что образованная, скажи, как такое делается?

— Не знаю, — пожала я плечами и попробовала уточнить: — Вы пассажира хорошо видели?

— А чего мне на него смотреть? Стриженный, в костюме, в очках, взошел на катер и поминай как звали. Ясно, что щелгуновский, у нас таких нет. — Старичок замолчал, а я тяжело вздохнула: выходит, Саша все-таки покинул остров. Но не с ума же я сошла, в конце концов?

Простившись со стариком, я отправилась по тропинке в лес, изводя себя загадками, которые по большей части оставались без отгадок. Гуляла я не меньше часа и уже собралась возвращаться, когда услышала крик:

— Анфиса! — А вслед за этим увидела подружку, она стояла на огромном валуне и отчаянно размахивала руками. Дурак поймет: у нас скверные новости. Я бросилась к ней, она ко мне и с ходу выпалила: — За Русланом пришли.

— Кто? — не поняла я.

— Менты. Тут такие дела: Любиного мужа убили. В лесу, под кустом лежал. Голову проломили, а в руке зажата пуговица от рубахи Руслана.

— О господи...

— То-то. Самое интересное, что труп нашли не местные, а менты. Им кто-то позвонил, сообщил об убийстве, а также об утреннем скандале. Соображаешь?

— Подожди... Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что о стычке между ним и Любиным мужем знали только наши: ты, я, охрана, Мстислав и Лев Николаевич. И кто-то из этой публики решил от Руслана избавиться, вот и настучал ментам.

— Думаешь, Любиного мужа действительно убил Руслан?

— Конечно, на него это похоже.

— Чепуха, — покачала я головой. — Идем скорее.

В доме мы застали полный переполох — Руслан орал, Лев Николаевич возмущенно выговаривал милиционерам, а Мстислав, которому сам бог велел принять в происходящем самое деятельное участие, говорил вяло, неохотно и невпопад. Трое милиционеров в форме флегматично кивали головами, извинялись перед Львом Николаевичем, монотонно повторяя:

— Разберемся.

Ситуация для Руслана сложилась, прямо скажем, незавидная: оскорбленный муж, угроза, отсутствие в доме в момент убийства (Руслан сказал, что пошел прогуляться, но даже я в это не поверила), и пуговица от его рубашки, которая оказалась в ладони убитого. Сама рубашка валялась в комнате Руслана, а также окровавленный носовой платок, и лично я ничуть не удивлюсь, если окажется, что на платке кровь убитого.

Вот эти два обстоятельства сильно меня смущали. Конечно, Руслан вполне мог проломить

голову человеку, оскорбившему его, это на него здорово похоже, но платок и пуговица... выходило, что Руслана нагло подставляли, о чем я не преминула сообщить милиции.

— Если вы имеете в виду пеструю шелковую рубашку, то на ней должно не доставать минимум двух пуговиц, потому что одну лично я оторвала ночью.

Менты слегка смутились, потому что рубашка оказалась та самая и на ней не хватает лишь одной пуговицы. Руслан утверждал, что рубашку сегодня не надевал, мы не могли это подтвердить, потому что утром видели Руслана в костюме и на рубашку не обратили внимания. Но я твердо стояла на том, что злосчастную пуговицу оторвала самолично. Коридор, где я ее выбросила, тщательно обследовали, но ее, разумеется, не нашли.

Тем временем прибыло милицейское подкрепление, и Руслана со скованными за спиной руками увели. Не успели они отбыть на катере, как в доме появились трое бравых ребят (надо полагать, долгожданное подкрепление), но, узнав о случившемся, один из них сразу же нас покинул, должно быть, отправился к руководству с докладом.

Лев Николаевич в печали от потери друга заперся в своей комнате, а Мстислав раз пять повторил, что у него важные дела в Питере и оставаться здесь он более не может. Дождавшись, когда шум понемногу уляжется, мы с Женькой покинули дом через калитку.

— Куда ты несешься? — сердилась подруга, пробираясь вслед за мной по тропинке по самой круче.

— К Любе, — пояснила я.

— Хочешь помочь Руслану? Понятно, хотя, по большому счету, ему в тюрьме самое место. Или у тебя другое мнение?

— Может, и место, но Любиного мужа он не убивал. Эти дурацкие улики никуда не годятся. Ясно, что парня подставили.

— Не волнуйся, он из тех парней, что из любой водички выходят сухими.

— Не в этом дело, я просто хочу разобраться...

— Понятно, — вздохнула Женька. — А как тебе такая идея. Руслан его убил, а кто-то решил этим воспользоваться и подложить ему свинью...

— Возможно. Вот это и предстоит узнать. Мы с тобой видели, как он покинул дом. То, что он прогуливался, маловероятно, где-то он был. Вариантов не так много, логично предположить, что он навещал Любу.

— Вот что значит детективы писать, — восхитилась Женька. — Однако у меня большие сомнения, захочет ли Люба с нами разговаривать.

— Интервью — это уже по твоей части, — не осталась я в долгу.

Дом выглядел необитаемым. Мы долго стучали без всякого толка, переглянулись, и Женька заметила:

— Возможно, она уехала вместе... с трупом, то есть с мужем, — испуганно поправилась подруга.

Мы обошли дом по кругу и обнаружили еще одну дверь, выходящую в огород, она была не заперта. Пробормотав что-то о незаконном вторжении, Женька вошла первой, а вслед за ней я. По темной лестнице мы поднялись в сени, Женька заметила настежь распахнутую дверь и устремилась туда.

Люба лежала на кровати за печкой, в первое мгновение я здорово перепугалась, решив, что она... в общем, я ожидала самого худшего и Женька, как видно, тоже, потому что шарахнулась в сторону при виде открывшегося нам зрелища. В этот момент женщина подняла голову, а мы с облегчением вздохнули.

— Чего вам? — спросила она растерянно, проведя ладонью по заплаканному лицу.

— Извините, — кашлянув, сказала Женька. — Мы пришли... может быть, вам...

— Мне ничего не надо. Уходите.

— Нам надо поговорить, — твердо заявила я. Она вдруг засмеялась и зло сказала:

— Хотите его вытащить? Ничего не выйдет. Пусть сдохнет в тюрьме. Я так и сказала, это он убил, он... он, негодяй. Слышите? Вы сами скоро поймете, это сейчас он перед вами танцует.

— Пойду-ка я чайник поставлю, — вздохнула Женька. — Посидим, поговорим...

— Что? — не поняла Люба.

— Я тоже думаю, что Руслану в тюрьме самое место, — пожала я плечами. — Но боюсь, что вашего мужа убил другой человек.

— Конечно. Сам он рук пачкать не станет. Послал кого-то. Он и ко мне пришел для того, чтоб больнее было, для того, чтоб я на суде свидетельствовала, что он у меня во время убийства был. Понимаете? Он же... он же... — Она заплакала, а я принялась гладить ее по плечу, пытаюсь понять, что оплакивает Люба: гибель мужа или своих иллюзий. Скорее всего и то и другое. Женька сноровисто собрала на стол и принесла Любе чашку чая.

— Выпейте, станет легче. И расскажите все, как было. Вам здесь вряд ли есть с кем поделиться, а с нами можно.

Люба покорно отпила несколько глотков и отдала чашку мне.

— Утром Руслан был у вас?

— Был. Я проснулась, Вити нет, это муж мой... Испугалась, потому что поняла, куда он пошел. Надо было промолчать, соврать, а я... о господи... И тут Руслан. Не знаю, что со мной случилось, ведь не хотела его в дом пускать, да подумала...

— Зачем он приходил?

— Грозил, конечно. Сказал, если я проболтаюсь... мог бы и не стараться, что ж я про этот срам буду людям рассказывать, да уж лучше...

— Но мужу вы все-таки рассказали?

— Я... он обычно крепко спит, выпивает он... выпивал... я в дом прошмыгну, он и не догадывался... А вчера бегу, а он на крыльце сидит, курит. Посмотрел на меня, будто все ему

известно. Мне бы соврать, а я точно с ума сошла, вот все про мерзавца этого и рассказала.

— Люба, что произошло вчера? — как можно спокойнее спросила я.

— Вы ж видели, — пряча лицо, пробормотала она.

— Я не думаю, что вы... что вам... вы из-за денег? — Я тут же пожалела, что задала этот вопрос. Лицо Любы сделалось белым от гнева, она сцепила руки, а я, схватив ее за локоть, попросила: — Расскажите, как все произошло. Мы не просто так спрашиваем, в этом доме черт знает что творится, должен кто-то разобраться...

— Я его любила. И он... сначала... такие мне слова говорил. И вдруг ни с того ни с сего как отрезало, в мою сторону даже не смотрит. А тут еще вы приехали, я же видела, как он вокруг вас кружит, и все думала: ну чем я ему не угодила? Ну, красивая вы, а я что, уродина?

— Вы пытались с ним поговорить?

— Конечно. Не один раз. Да он меня выгнал, ударил даже. А вчера сам сказал: приходи. И я, дура, пришла.

Дальше Люба могла и не рассказывать, без того ясно. Он ее встретил и даже что-то о чувствах сказал, и она на радостях ему душу открыла, а потом в комнате появились двое охранников с паскудными улыбками... У меня сразу же отпало всякое желание помогать Руслану, пусть немного отдохнет в компании таких же подонков...

— Люба, — когда женщина немного успокоилась, сказала я. — Пожалуйста, ответьте на несколько наших вопросов, даже если они покажутся вам странными. Вы часто приходили к Руслану по ночам?

— Нет. Всего четыре раза. У меня же муж.

— А как попадали в дом?

— Через калитку в саду, он мне дал ключ.

— И сегодня вы прошли через сад?

— Конечно. А потом еще накануне, когда мы столкнулись с вами в коридоре возле его комнаты.

— Так это вас я видела в окно?

— В окно? Не знаю. Я домой убежала.

— А выстрел слышали?

— Нет, — испугалась она. — Какой выстрел?

— В ту ночь в доме был переполох. Я столкнулась с вами в коридоре, а потом увидела лицо женщины в окне, блондинка с длинными волосами...

— Откуда там взялась женщина? — удивилась Люба.

— Ночью я обнаружила труп охранника в подвале.

— О господи...

— Руслан утверждал, что тот уехал рано утром. Действительно, кто-то отбыл на катере часов в шесть утра, это подтвердил старик, рыбачивший у пристани. Руслан до обеда не показывался, сидел в своей комнате.

— Его там не было, — твердо сказала Люба. — Я еле утра дождалась и, как пришла на работу, сразу же бросилась к нему. На двери висела табличка «не беспокоить», а самого Руслана не было. Я убиралась наверху и увидела, как он поднимается по тропинке.

— В котором часу это было?

— Ближе к обеду.

— Когда я пришла к нему, он валялся в постели и утверждал, что никуда не отлучался.

— Ну и что? — встряла Женька. Чужая бестолковость меня разозлила.

— Все очень просто. Руслан хотел скрыть убийство охранника. Они с ним одного роста, одной комплекции, прибавь стриженные затылки и темные очки. Не зря рыбак сказал, что они все на одно лицо, так и есть. Руслан перед нами комедию разыгрывал, покинул остров, взял машину, затем бросил ее в лесу по дороге в Питер и сюда вернулся, угнав моторку. Это ее я видела недалеко от берега. А потом устроился в своей спальне как ни в чем не бывало.

— Это что ж выходит, он сам охранника ножницами прирезал?

— Не знаю, но если нам морочили голову, значит, это кому-то нужно. — Люба таращила глаза и явно ничего не понимала. — Вы стоны из подвала слышали? — спросила я.

— Нет, Наташка рассказывала, но ведь это глупости. Подвал пустой, там ничего, кроме крыс, да и те передохли, Олимпиада их то и дело травит.

В том, что подвал пуст, я и сама могла убедиться. Но если лицо в окне не имеет отношения к Любе, значит, в доме находилась еще женщина, и уж точно был труп охранника, который потом исчез.

— Там должен быть ход, — пробормотала я.

— Где? — растерянно спросили Женька и Люба в один голос.

— В каменном мешке — как-то они вынесли труп, пока Руслан водил нас по подвалу.

— Анфиса, но ты же сама...

— Должен быть ход... Люба, вы хорошо знаете расположение дома?

— Как вам сказать, дом большой...

— Карандаш с бумагой у вас найдутся?

Карандаш с бумагой нашлись, и мы принялись вычерчивать план.

— Ход в кладовке, — отбрасывая карандаш в сторону, заявила я.

— Анфиса, будем реалистами, ты сама утверждала, что в этой комнате одна дверь и она замурована.

— Это очередная уловка Руслана. Пойми ты, в ту ночь что-то случилось, погиб охранник, его зарезали ножницами, которые, очень возможно, мы и уронили в шахту, а Руслан его смерть тщательно скрывал. Зачем?

— Вот именно!

— Причина может быть лишь одна: не хотел, чтобы узнали о гораздо худшем преступлении.

— Что же может быть хуже убийства?

— Пока не знаю. Но непременно во всем разберусь.

— Пойдите, — пролепетала Люба. — Вы ведь из-за Руслана пришли...

— Конечно. Можно я дам вам совет: ничего не скрывайте от милиции, даже то, что во время убийства Руслан был у вас, это верный способ увидеть его за решеткой. — С этими словами я покинула дом.

— У меня не такой богатый опыт детектива, и я за тобой не поспеваю, — взмолилась Женька. — Я имею в виду полет фантазии.

— Какие, к черту, фантазии? Я видела труп охранника, а Руслан выставял меня полной идиоткой.

— Допустим, все так и есть, но кто-то перехитрил Руслана и здорово его подставил.

— Это Мстислав, — убежденно заявила я. — Когда я бросила пуговицу, он был рядом и мог ее подобрать. И платок подкинуть запросто мог.

— Конечно, он и голову Любиному мужу мог проломить, — кивнула Женька. — Но если менты ничего не путают и убийство произошло через несколько минут после скандала, то Мстислав здесь ни при чем, он шатался в саду, и я его видела раз пять, не меньше. Потом, правда, исчез куда-то...

— Значит, у него был сообщник. Тот убил Любиного мужа, а Мстислав в это время зарабатывал себе алиби, вертясь под окном, потом передал ему пуговицу, получил платок, подкинул его в комнату Руслана и позвонил в милицию.

— И кто этот помощник? — скривилась Женька. — Парни из охраны, Олимпиада или сам Лев Николаевич?

— Давай попробуем найти дверь, — отмахнулась я.

— Сейчас будем искать или дождемся ночи? — вздохнула Женька. Я злобно на нее покосилась, и она замолчала.

Возвращаться решили через лес, я хотела осмотреть место преступления. Путь наш лежал мимо новостройки, и мы с Женькой принялись высматривать Юру. Мужчины в рабочей одежде ужинали за столом в тени деревьев, но Юры среди них не было.

— Здравствуйте, — громко крикнула я, мужчины взглянули на нас с интересом и недружно

ответили. Я направилась в их сторону, а Женька, постояв немного, припустилась за мной. — А где Юра? — спросила я, подходя ближе.

— Какой Юра? — удивился усатый дядька.

— У вас здесь работал, симпатичный такой, к нему еще Наташа приходила...

— А... наш крутой? Опоздали, девчонки, уехал. И он не Юра, а Коля.

— Почему Коля? — нахмурилась Женька.

— Потому что мама так назвала.

— Когда он уехал? — чувствуя, как засосало под ложечкой, спросила я.

— Вчера вечером сорвался. Позвонил ему кто-то, и он тью-тью... Мужик, что сегодня погиб, и отвозил.

— Куда ему позвонили? — не унималась я.

— На сотовый. Говорю, он у нас парень крутой.

Я плюхнулась на скамейку рядом с усатым.

— А вы его давно знаете?

— Откуда? Мы здесь с весны, паренек у нас руку сломал, да так неудачно, пришлось замену искать. Хозяин дал объявление в газету, вот Коля к нам и прибыл.

— А хозяин с ним как договаривался?

— Не знаю, но хозяин у нас тоже крутой, думаю, что по телефону. Нанял работничка, ошастливил.

— Что, плохой работник?

— Почему, не пьет, не курит, чистое золото, только вот каменщик хреновый... Вы, девчонки, зря его ищите, думаю, он где-то неподалеку зазнобу нашел. Уж больно быстро вчера моторка вернулась.

— Куда же он ездил?

— Теперь не узнаешь, — развел руками усатый. — Мужик-то помер, голову ему проломили.

— А вы милиции рассказали?

— О чем? — удивился он. — Да нас никто и не спрашивал.

Я поднялась и точно во сне побрела по дороге. Юра, который оказался Колей, который случайно встретился нам в универмаге... Я вытасила телефон и принялась нажимать кнопки, а Женька нервничать.

— Ты чего задумала? — спросила она.

— Ищу номер Сашки-мента, я ж его записывала... — Номер нашелся, а я молила бога, чтобы

Сашка по пьяному делу задержался на работе. Сашка не подвел. — Лукьянова будьте добры, — пискнула я.

Он бодро сообщил:

— Лукьянов слушает.

— Саша, это Анфиса. У меня «Фольксваген» угнали, помнишь?

— Еще бы, а я звоню, знаешь, звоню и все на автоответчик натыкаюсь.

— Что, машину нашли? — обрадовалась я.

— Нет. Но ищем.

— А чего ж звонил?

— Беспокоился. Как вы добрались и вообще. А уж как труп нашли...

— Какой труп? — обалдела я.

— Мужика в подворотне придушили. Я ж чего тогда убежал — тип один из тюрьмы свалил и...

— Расскажи мне про труп, — взмолилась я.

— Труп как труп. Лежал за ящиком песка. В собственном дворе придушили из-за паршивых «Жигулей». — Я вцепилась в Женьку, чувствуя, что могу лишиться сознания.

— Послушай, я знаю, где убийца, то есть я знаю, где он был еще вчера... Здесь, на острове.

— На каком острове?

Я попыталась доходчиво втолковать, где мы и по какой нужде, и ничуть не удивилась, когда, назвав фамилию Илларионов, услышала:

— Илларионов? Фонд «Эра милосердия»? Так сбежавший киллер — его бывший шофер. — И тут связь прервалась. Была и нету. Я несколько раз набирала номер, пока приятный женский голос не сообщил мне, что я, то есть мои финансы, находятся у какого-то там барьера, а потому аппарат временно отключен.

— Все, бабки кончились, — ахнула Женька и тут же накинулась на меня: — Нечего было со своим Ромкой без дела болтать, теперь вот понадобилось...

— Заткнись, — рявкнула я, в сердцах едва не выбросив телефон, но вовремя вспомнила, что это чужая собственность.

— Ну дела, — пробормотала Женька, пританцовывая рядом.

— Ты все поняла?

— Дурак поймет. Юра вовсе не Юра, а бывший шофер Льва Николаевича, у него к нему претензии, и он прямиком отправился на этот остров. Но просто так сюда не явишься, здесь каждый на виду, и он заделался каменщиком. Только вот как он это проделал?

— Труп без лица и без рук, — напомнила я. — Чтоб не опознали. Думаю, это и есть настоящий каменщик. Юра болтался в городе, искал способ попасть на остров. Парень он симпатичный, общительный, разговорился с человеком, а потом убил и сюда с его документами. Тогда он еще не знал, что будет Колей, и нам назвался Юрой.

— Так вот почему Наташа погибла, — покачала головой Женька. — Мы ведь парня Юрой назвали, помнишь? Она за нами и бросилась, а у него грандиозные планы, не мог он позволить какой-то девчонке все испортить. Он шантажировал адвоката и скорее всего вынудил его отравить Олега и подставить Руслана.

— Похоже на то, — кивнула я и тут же встала как вкопанная. — Но ведь чепуха получается. Олег в больнице, Руслан в тюрьме, а Лев Николаевич жив-здоров. Вместо того чтобы разделаться с ним, парень вдруг уезжает.

— Боюсь, уехал он недалеко. — Мы с Женькой переглянулись. — Если я ничего не путаю, он придет сегодня.

— Надеюсь, Сашка записал название острова, — запаниковала я.

— Сомневаюсь. Идем в деревню, надо звонить в милицию.

Позвонить оказалось делом невозможным. Телефон молчал и подавать признаков жизни не спешил. Дородная женщина, в доме которой он был установлен, пожалала плечами и заявила, что «на него иногда находит», завтра кто-нибудь поедет в город и сообщит на станцию.

— Пойдем-ка к Любе, — сказала Женька, когда мы вышли на крыльцо. — Приютить она нас не откажется. До прихода милиции я близко к этому чертовому дому не подойду.

— А как же Лев Николаевич?

— Что Лев Николаевич? — возмутилась Женька. — Пусть они без меня разбираются.

— Мы же не можем просто сидеть и ждать, когда его убьют.

— Милиция скоро приедет.

— Ты сама-то в это веришь? — усмехнулась я.

— Не очень, — поморщилась она.

— В милицию надо звонить в любом случае, а для этого придется вернуться в дом, здесь больше нет телефонов.

— Вернуться в дом, зная, что там вот-вот появится киллер? — ахнула Женька.

— Да, и предупредить хозяина.

— Ну его к черту...

— Женя, — серьезно сказала я. — Мы не можем оставаться в стороне, когда тут такое творится.

— Я могу. Честно, и не смотри на меня так.

— Хорошо, иди к Любе, а я пойду одна.

— Слушай, почему бы нам не поднять всю деревню? Мужиков здесь достаточно, кто с вилами, кто с граблями, как на известной картине «Утро на поле Куликовом».

— В наши рассказы никто не поверит — это раз. Илларионова здесь не жалуют — это два. В доме четыре вооруженных охранника, с киллером они должны справиться. Это три. Главное, успеть предупредить их об опасности.

— Хорошо, — морщась, точно от зубной боли, кивнула подружка. — Предупредим Левушку и сразу сматываемся.

Пока мы с Женькой спорили, начало смеркаться, пока дошли до Любы, чтобы взять ключ от калитки, да поднялись по тропинке, и вовсе стемнело. Чем ближе мы подходили к стене, тем меньше храбрости у меня оставалось. В доме ни в одном окне свет не горел, и это по-настоящему нас испугало. Мы прошли через сад, стеклянная дверь была не заперта.

— Посмотри, — шепнула Женька. Я взглянула под ноги: битое стекло. Зубы у меня начали выстукивать дробь, а по спине пошел холодок. — Он уже здесь, — пробормотала Женька, а я отважно вошла в дом, должно быть, в беспмятстве.

Было так тихо, что я едва не хлопнулась в обморок от дурных предчувствий, мы очень осторожно продвигались вперед и вскоре достигли спальни Льва Николаевича. Женька легонько толкнула дверь, и она со скрипом открылась. Из комнаты не доносилось ни звука, горел ночник, и в его свете было видно: постель пуста.

— Его здесь нет, — пробормотала Женька, на цыпочках проходя в комнату, я вошла следом, хотя больше всего мне хотелось бежать отсюда сломя голову. — Может... — начала Женька и вдруг, ткнув пальцем в зеркало прямо перед собой, начала тоненько повизгивать: — И-и-и...

Я взглянула на злосчастное зеркало, и волосы у меня буквально встали дыбом. Лев Николаевич в темно-синем халате сидел в кресле с красным шнурком, обмотанным вокруг шеи. Глаза его были широко распахнуты, он смотрел не мигая, руки бессильно свесились с подлокотников. Я присоединила к Женькиному «И-и-и...» свое громогласное «А-а-а...», и мы вылетели из комнаты.

— Охрана! — завопила я. — Охрана... убийство... Лев Николаевич убит!

Если честно, соображала я туго... Женька тянула меня за руку, мы скатились по ступенькам, и, лишь оказавшись в знакомом коридоре, я поняла: мы бежим к комнате, где обычно дежурила охрана, и порадовалась, что мозги у Женьки работают лучше, чем у меня.

Тут подружка споткнулась и полетела на пол, а я, не удержавшись, хлопнулась рядом, мы зажмурились, вцепившись друг в друга, часто и тяжело дыша. И вдруг раздались шаги, осторожные, едва слышные, кто-то не спеша шел по коридору.

Женька стиснула мне рот рукой, и правильно, между прочим, сделала: я приготовилась орать от ужаса, ужас был столь силен, что держать его в себе не было никакой возможности. Шаги приближались, неожиданно замерли, затем звук возобновился, теперь еще более тихий. Я увидела на стене тень, огромную и страшную, она медленно наползала на меня, а я обрадовалась, что не увижу развязки, потому что умру раньше от разрыва сердца. Я слышала, как стучит Женькино сердце, и чувствовала ее дыхание, и мне хотелось плакать оттого, что я не могла спасти свою глупую, непутевую подружку. Какой ужас! Она погибнет на моих глазах

или я на ее, что уж вовсе никуда не годится.

Тень сместилась, ну вот и... Я могла ожидать чего угодно, но только не того, что произошло в действительности, Женька вдруг со всей силы пнула ногой подставку, на которой стоял бюст неизвестной мне личности мужского пола в лавровом венке, бюст, сорвавшись с постамента, повалил на пол возникшего в коридоре парня, а сама подставка завершила дело, грохнувшись прямо ему на затылок. Он приподнял голову, взглянул мутно и, слабо простонав, отключился.

— Это Юра, — сообщила Женька, стоя на четвереньках, а я ни с того ни с сего начала соображать подозрительно быстро.

— Это убийца, он только что убил Льва Николаевича. Женя, его надо срочно связать, он может прийти в себя в любую минуту.

— Еще чего, — разволновалась Женька, вскочила, приподняла один конец подставки, примерилась и вновь опустила его на затылок парню.

— С ума сошла, — зашипела я. — Ты ж убьешь его...

— А если он очнется? Беги за веревкой.

— Сначала надо его связать.

— Чем, если веревки нет?

— Придумай что-нибудь.

— У меня есть только лифчик.

— У меня он тоже есть.

В общем, мы связали парню руки и ноги своими бюстгальтерами.

— Надо его к чему-то привязать, — волновалась Женька, — чтоб понадежнее, иначе он с нашим бельем убежит. Держи его за шиворот, поволокли в кабинет Льва Николаевича, там есть скотч и стол совершенно неподъемный.

Мы ухватили парня за ворот куртки и поволокли по коридору.

— Надо позвать охрану, — сказала я и приготовилась кричать, но Женька цыкнула:

— Да не ори ты. Вдруг этот очнется.

Я с ужасом покосилась на Юру — мне показалось, или парень в самом деле что-то промычал?

С удвоенным рвением мы затащили его в кабинет. Женька здесь неплохо ориентировалась, скотч нашла сразу, мы прислонили парня к тумбе письменного стола и стали обматывать его скотчем. Ползая под столом и иногда сталкиваясь лбами, потратив шесть мотков скотча, мы выдохлись, плюхнулись на пол, вытянули ноги и устали на парня. Он был похож на мумию. Руки и туловище до самого подбородка замотаны скотчем, мы подумали и на всякий случай замотали ноги. Теперь он мне нравился гораздо больше. Женька похлопала его по щекам, и парень с большой неохотой открыл глаза.

— Девчонки, — вдруг улыбнулся он. — Живые? А я чуть с ума не сошел, не обнаружив вас в

доме.

— Чего? — растерялась я.

— Я за вами пришел. Очень беспокоился.

— Беспокоился он, — разозлилась Женька, а парень с надеждой спросил:

— Вы меня обыскали?

— Нет.

— У меня в кармане удостоверение. Неужели не видели?

— Какое удостоверение? — жалобно спросила Женька.

— Обыкновенное. Я ведь на задании. По нашим сведениям, здесь должен появиться опасный преступник.

— Он уже появился и Льва Николаевича убил.

— Значит, я опоздал? Вот черт. Вы милицию вызвали?

— Какое удостоверение? — жалобно спросила Женька.

— Обыкновенное. Я ведь на задании. По нашим сведениям, здесь должен появиться опасный преступник.

— Он уже появился и Льва Николаевича убил.

— Значит, я опоздал? Вот черт. Вы милицию вызвали?

— Конечно.

— Когда приедут?

— Откуда нам знать? Так ты правда...

— Конечно, правда.

— Это не ты Наташу убил?

— С ума сошли? Она мне помогала, рассказывала о том, что в доме происходит.

— А кто убил Любиного мужа?

— Не знаю. Я думал, Руслан. Девчонки, вы труп осмотрели, он теплый?

— Неужто я до него дотронусь? — разозлилась Женька.

— Соображайте быстрее. Если он теплый, значит, убийца еще в доме, мы не должны дать ему возможность уйти.

— Мы не должны? — ахнула я.

— Ну конечно. Вы и я. Поможете?

— О господи, — захныкала подружка. — Где твое удостоверение? А вдруг ты врешь? Вдруг ты убийца и есть?

— Девчонки, соображайте быстрее, у нас времени почти ничего.

— Это в том коридоре, — с легким заиканием сказала она, уstraиваясь рядом.

Мы вжались в стену и стали ждать. Сначала увидели тень, огромную и жуткую, она походила на гигантскую крысу, кто-то шел, ссутулившись и что-то волоча за собой. Женька вцепилась в мою руку и даже не чувствовала, что ногтями поранила мне кожу, я, правда, тоже не чувствовала... Шаги, вновь этот странный шорох, а потом в коридоре, расположенном перпендикулярно тому, где ждали мы, появилась Олимпиада. Она шла, перегнувшись вперед, сначала мы увидели чьи-то ноги, торчащие у нее из подмышек, а затем голубую пижаму и наконец... Льва Николаевича. Проклятая ведьма волокла его по коридору, ухватив за ноги.

Голова Льва Николаевича время от времени постукивала по полу, руки были раскинуты в стороны. Видение через мгновение исчезло, но и его было достаточно, чтобы спятить.

— Мне требуется помощь психиатра, — жалобно сказала я. Женька на четвереньках устремилась к коридору, в котором скрылась Олимпиада, но я поймала ее за ногу. — Куда?

— Должны же мы...

— Телефон. Ведьма спятила, я боюсь, она разорвет нас на части.

— Или превратит в лягушек, — подсказала Женька, хоть она и храбрилась, но выглядела паршиво, лоб потный, глаза горят, физиономия белая, а губы синие.

— Телефон, — напомнила я, и мы, стараясь не производить лишнего шума, рванули в холл.

Путь наш лежал мимо комнаты Мстислава, и Женька вспомнила об адвокате.

— Надо проверить, жив ли он, — сказала подружка, принялась колотить в дверь и завопила: — Мстислав, ты жив? Ответь, пожалуйста. Тут черт-те что творится.

Он не отвечал, Женька пнула дверь ногой один раз, потом еще несколько, в конце концов что-то треснуло и дверь открылась. В комнате было темно, я щелкнула выключателем и огляделась. Одеядло валяется на полу, рядом открытый чемодан, какие-то вещи, но Мстислава нигде нет.

— Ванная, — догадалась Женька, но и там было пусто.

— Где же он? — растерялась я. — Комната была заперта изнутри.

Мы замерли, прислушиваясь. За моей спиной что-то тоненько звенело. Женька решительно подошла к шкафу и распахнула дверцу. Мстислав сидел на корточках и выстукивал зубами «Марсельезу».

— Вперед, дети Отчизны! — ошалело пробормотала Женька, большой любитель всего французского, уловив знакомый мотивчик. Мстислав поднял на нас глаза и деловито сообщил:

— Я невменяем.

— Мы тоже, — согласно кивнула подружка. — Вылазь из шкафа.

— Нет. Говорю, я невменяем, и оставьте меня в покое.

— А ну вылазь, гад, — рывкнула Женька, ухватила Мстислава за плечо, да еще пинка отвесила. — Охрана — твоя работа?

— Я действовал в состоянии аффекта, — с младенческой улыбкой сказал он.

— Чем ты их траванул?

— Я невменяем, сколько раз повторять?

— Это ты Олегу мышьяка подсунул? И Руслана ты подставил? У... гад. Руслан — сволочь, но ты ж человека убил.

— Я не убивал. Я только подбросил улики. В состоянии аффекта. Меня шантажировали, моей жизни угрожали.

— И Льва Николаевича ты придушил?

— Что делать? — кусая губы, спросила Женька, глядя на меня, и уже протянула было руку, с намерением приступить к освобождению Юры.

— Подожди. Иди проверь Льва Николаевича. Может, он уже давно... может, торопиться не стоит.

— Я одна не пойду, — взвыла Женька. — Лучше ты иди. Нет, лучше вместе.

— Только осторожней, — попросил Юра, когда мы бросились к дверям.

— Ты ему веришь? — зашептала Женька в коридоре.

— Не знаю. А ты?

— Чепуха получается. А если он вправду мент и настоящий убийца уйдет...

Мы достигли дверей спальни и замерли перед ней.

— На счет три, — сказала Женька, хватаясь за ручку двери. — Раз, два, три... — Дверь распахнулась, и мы влетели в спальню, я подняла взгляд на зеркало и охнула: Льва Николаевича в кресле не было.

— Зажги свет, — шепнула я. Женька включила верхний свет, и мы огляделись. Синий халат лежал на кровати, а сам Лев Николаевич исчез.

— Значит, он был жив? — спросила Женька.

— Кто?

— Лев Николаевич?

— Ты что, спятила?

— Тогда где он?

Мы осмотрели комнату, ванную, заглянули в туалет, а также в шкафы и под кровать, клацая зубами от ужаса и каждую минуту ожидая, что откуда-нибудь на нас вывалится труп. Но Льва Николаевича ни живого, ни мертвого так и не обнаружили.

— Я ничего не понимаю, — жалобно сказала Женька. — Надо позвать охрану. Где эти лоботрясы?

Мы бросились в коридор, спустились на первый этаж и вскоре стучали в комнату охраны. Женька треснула по двери кулаком, дверь открылась, а мы... замерли как вкопанные. Четверо парней лежали кто где в самых невероятных позах.

— Мама моя, — ахнула Женька, а я вновь приготовилась орать, но вдруг передумала — один из парней отчетливо храпел. Я бросилась к тому, что спал за столом, уронив голову в тарелку с виноградом. Парень дышал спокойно и ровно. — Он спит? — обалдела Женька.

— Спит, — кивнула я. Остальные трое тоже спали, но радость наша оказалась преждевременной: просыпаться все четверо упорно не желали, единственное, чего мы добились, тормоша их, обливая водой и крича в ухо «подъем!», это невнятного бормотания.

— Им дали снотворное, — проявила Женька чудеса сообразительности.

— Надо вызвать врача, — запаниковала я. — Обычное снотворное так не действует.

Мы уложили парней на диваны, чтоб им удобнее было спать, потратив на это остаток сил.

— Нам нужен телефон, — сказала я. — Сообщить в милицию, вызвать «Скорую», а еще надо узнать, что с Олимпиадой и Мстиславом.

Мы кинулись в холл.

— Идем через правое крыло, — шепнула Женька. — Так быстрее получится. — Свернув, мы прошли метров пять и услышали странный шорох. — Что это? — ахнула подружка.

— Не знаю, — ответила я, сползая на пол. Женькин взгляд метнулся вдоль стен — как на грех, ни одной скульптуры.

Мстислав затрясся мелкой дрожью, затем опять улыбнулся и перешел на шепот:

— Он бессмертен.

— Кто?

— Он... — подняв брови, еще шире улыбнулся Мстислав.

— Какое бессмертие, его удавили красным шнурком.

— Точно-точно, — кивнул Мстислав. — Но это ничего не значит. Говорю, он бессмертен. Сами убедитесь. И оставьте меня в покое. Мне нужен хороший специалист, а главное — покой...

— Этот гад симулирует сумасшествие, — догадалась Женька.

— Ничего я не симулирую. Я посмотрю, что с вами будет, до утра еще долго, очень долго... не каждый встретит его в здравом рассудке. — Он хихикнул, подмигнул, а потом что-то принялся напевать себе под нос.

— Точно свихнулся, — попятилась от него Женька. — Может, это какая-то эпидемия?

— Нам нужен телефон, — боясь, что тоже свихнусь, напомнила я.

На этот раз мы добрались до холла без приключений, я схватила трубку, ожидая самого худшего, но телефон работал. Я торопливо набрала 03.

— У нас отравление, четыре человека, какое-то сильнодействующее снотворное.

— Какие симптомы? — деловито поинтересовались на том конце провода.

— Какие симптомы? Они спят как убитые и просыпаться не собираются.

— Чем отравились?

«Вот тебе раз...»

— Да откуда нам знать? — заорала Женька, выхватив у меня трубку.

— Говорите адрес, — обиделась женщина.

Женька принялась диктовать, а потом глухо простонала:

— Сказала приедут, как только смогут. У них, видишь ли, преждевременные роды на отдаленном острове, а катер всего один.

— Что же делать?

— Промывание желудка. Это не я, это она посоветовала, — торопливо добавила Женька, заметив мой гневный взгляд, и тут же сорвалась на крик: — Мы в милицию звонить будем?

Я быстро набрала номер и обомлела от счастья, когда мне гаркнули в ухо:

— Дежурный слушает.

— Алло, — несколько суетливо начала я, — мы здесь киллера поймали, правда, он утверждает, что сотрудник милиции... а его весь Питер ищет. Мы Сашке звонили, он из питерского отделения, забыла номер, у нас машину угнали на Инженерной, это их участок, Сашка сидит в семнадцатом кабинете, фамилию тоже не помню, так вот, он в курсе, но от него толку мало, потому что он почти всегда пьян. Быстрее сюда, и спецназ, спецназ давайте...

— Девушка, вы сами-то сегодня сколько выпили? — вздохнул дежурный.

— Да вы что? — сатанея, крикнула я. — У нас тут четверо отравленных, один труп, киллер, говорит, что мент, старуха, которая труп стащила, и еще псих, а нам до утра дожиться надо.

— Какие отравленные, какой труп?

— Труп хозяина дома Илларионова Льва Николаевича, а отравленные — его охрана, есть еще псих, то есть адвокат, утверждает, что невменяемый...

— Что вы за чепуху болтаете? — услышали мы гневный окрик, обернулись и увидели Олимпиаду, она стояла в трех шагах от нас, сложив руки на груди и сверкая глазами, и под

этим взглядом я, как под гипнозом, повесила трубку.

— Никакая не чепуха, — рявкнула Женька. — Льва Николаевича убили.

— Да вы спятили, — развела руками старуха. — Я только что от него. В доме бардак, охрана перепилась, и вы орете, точно у вас на закорках черти танцуют.

— Лев Николаевич жив? — растерялась Женька, глядя на меня и как будто ища поддержки.

— Конечно. С чего бы ему умереть?

— Ведьма врет, — ахнула Женька, я кивнула, а Олимпиада, нахмурившись, сказала:

— Все точно с ума посходили.

— Где Лев Николаевич? — пискнула я.

— У себя. Спит, приболел немного.

— Приболел?

— Да, температура поднялась с вечера. А вас где носило? Почему на ужине не были?

— Мы... — начала я и бросилась по коридору, Женька за мной, а за ней Олимпиада, кряхтя и охая.

Я первой ворвалась в спальню — горел ночник, халат валялся в кресле, а на кровати лежал Лев Николаевич. Бледный, постаревший, с обмотанной платком шеей, в нелепом колпаке, но живой, вне всякого сомнения, потому что при нашем появлении открыл глаза и даже поднял голову с подушки.

— Что случилось? — сонно шурясь, спросил он. Внутри у меня что-то булькнуло, и я ухватилась за Женьку, чтобы не грохнуться в обморок.

— Вы живы? — брякнула подружка.

— Да, — удивился он, голос был хриплый и какой-то неживой.

— А что у вас с горлом?

— Должно быть, ангина.

— Ангина? — пятась, пробормотала подружка. — Теперь это так называется? — И нас из спальни точно ветром сдуло.

Олимпиада вышла и плотно закрыла дверь.

— Шли бы вы спать, — проворчала она.

— У нас есть киллер, — вспомнила Женька и добавила с ужасом: — Или мент...

— Какой киллер? — насторожилась старуха, но мы уже неслись в кабинет, и старая ведьма с нами. Юра сидел, примотанный к столу.

— Где вас носит? — спросил он с обидой.

— Слава богу, хоть этот на месте, — причитала Женька и, рухнув перед ним на колени, взмолилась: — Скажи правду, ты мент?

— Конечно, — вытаращил он глаза, а старуха спросила:

— Кто это?

— Мы его в коридоре поймали.

— Хотел что-то украсть? — она тяжело вздохнула, опускаясь в кресло, и как-то разом обмякла, точно из нее воздух выпустили.

— Я сотрудник уголовного розыска. У меня удостоверение в куртке, скажите им, чтоб меня развязали.

— Что делается-то, — заревела Женька и вновь протянула руку с намерением его распеленать.

— Стой, — взвизгнула я. — Помнишь, как мы в Питере встретились?

— Что? — не понял Юра.

— Не переспрашивай. Ты угнал машину, убив ее хозяина.

— Вот-вот, — обрадовалась Женька. — Нас не проведешь.

— Да вы с ума сошли!

— Мы с Сашкой разговаривали. Это ты ему по башке треснул, ты Мстислава шантажировал...

— В этом месте мы замолчали и торопливо переглянулись.

— Мстислав, — пробормотала я.

— Точно, — кивнула Женька. — Давай за ним.

Я бросилась в комнату адвоката — невменяемый все еще сидел в шкафу.

— Ну что, убедились? — весело приветствовал он меня. — Я говорил, он бессмертен.

— А ну-ка иди сюда. Мы твоего дружка поймали. Сейчас милиция приедет.

— Вот приедет, тогда и выйду, — заявил этот гад. Я схватила его за шиворот и попыталась вытащить из шкафа.

— Вставай, симулянт.

— Вы не имеете права так со мной обращаться.

Тут я схватила настольную лампу:

— Вылазь, или я тебя...

— Ладно, — поморщился он. — Но имейте в виду, о ваших противоправных действиях я сообщу в соответствующие инстанции.

— Сообщишь, если я тебя раньше не укою. — Я поволокла его по коридору, а когда мы

вошли в кабинет, подтолкнула к Юре. — Это твой соучастник? Узнаешь?

— Я вообще никого не узнаю, — с достоинством сообщил Мстислав. — И прекратите тыкать меня в спину. Мне нужен покой.

— Это он тебе звонил? Он тебя шантажировал?

— Я невменяем, — строго сказал он и даже глаза закрыл.

— Не дури, — взмолилась Женька. — Тебе же послабление выйдет за помощь следствию. Скажи, это бывший шофер Льва Николаевича, который из тюрьмы сбежал?

— Лев Николаевич, — озарило меня. — Уж он-то знает своего шофера.

Услышав это, ведьма подняла голову, до сей поры она вроде бы дремала.

— Его нельзя беспокоить, — заявила она.

— Да вы что? — рявкнула я.

Старуха поднялась и кивнула:

— Хорошо, я схожу за ним.

— Вот вы дурака валяете, — обиделся Юра, — а настоящий киллер...

— Замолчи, сейчас придет Лев Николаевич, и мы все узнаем.

— Пожалуйста, пускай приходит, мне что...

Раздались шаги, затем вошел Лев Николаевич все в том же нелепом колпаке и синем халате.

— Что происходит? — спросил он растерянно. Юра смертельно побледнел, глядя на него, и вдруг заорал:

— Сука... Как же ты... не может быть... я же придушил тебя, подонок...

Милиция явилась только утром. Сначала приехала «Скорая помощь» и увезла охрану, а уж потом и менты пожаловали. Юру отвязали от стола и, сковав наручниками, увели. Лев Николаевич объяснил, что этой ночью его пытался убить бывший шофер, состоящий в преступном сговоре с адвокатом, тот, по его наущению, опоил охрану, и только благодаря нам Лев Николаевич остался жив.

Я несколько раз пыталась заговорить о трупе, то есть о Льве Николаевиче, но прикусывала язык, боясь, что нас с Женькой тут же отправят вместе с Мстиславом, который продолжал изображать невменяемого.

Когда все бумаги были подписаны и милиция наконец удалилась, Лев Николаевич пригласил нас к себе в кабинет. Чувствовал он себя неважно, говорил с трудом, был бледен до синевы, на голове его красовалась бейсболка, что было очень странно. Мне казалось, что Лев Николаевич гордился своей роскошной шевелюрой, и вдруг эта страсть к головным уборам. Я пригляделась и увидела, что из-под бейсболки выбиваются совершенно седые пряди, в ужасе попятилась и разговор слышала как в тумане.

— Евгения Петровна, — ласково сказал наш хозяин. — После того что произошло, я не вправе требовать от вас... Говоря откровенно, я и сам не в состоянии работать. Разумеется, ваш труд и ваше время будут должным образом компенсированы. Олимпиада Назаровна об этом позаботится. Если вы захотите уехать еще сегодня, катер в вашем распоряжении.

— Да-да, конечно, — промямлила Женька.

— И еще: огромное вам спасибо. Вы спасли мне жизнь. Я буду всегда помнить об этом. — Он отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция окончена, мы вышли, и Олимпиада с нами.

— Вы не хотите вызвать врача? — шепнула ей Женька. — По-моему, Лев Николаевич выглядит очень плохо.

— Он поправится, — заверила ведьма. — Ему нужен покой, месяца через два он оживет, вот увидите.

— Оживет? — прошептала я.

— Да, это нервное, у него такое бывает. Вот вам деньги, — сказала она Женьке. — Пять тысяч. Если мало...

— Хватит, — мотнула головой подружка, с подозрением косясь на конверт, точно в руки ей сунули змею или жабу.

Пока мы собирали вещи, прибыл катер. Олимпиада отправилась нас провожать. Как только катер отошел от пристани, Женька достала конверт. Я едва успела перехватить ее руку — она собиралась выбросить деньги за борт.

— Ты что? — ахнула я.

— Не нужны мне эти упыринные деньги, — пробормотала Женька. — Еще заразишься.

— Не болтай глупости. Если они тебе не нужны, отдай в приют, еще куда-то, топить-то зачем?

— От этих денег одна морока будет, вот помяни мое слово. А ты в приют. Упырей к детям на пушечный выстрел подпускать нельзя.

— Что ты заладила, какие еще упыри?

— А что? Конечно, упыри. Олимпиада эта, и Левушка, и папаша его... Замок себе выстроил с подземельями, просто так? Ничего подобного.

— Женя, ты меня пугаешь, — сказала я. — То есть меня пугает твое душевное состояние.

— И меня оно пугает. Ведь мы видели его с удавкой на шее. Видели? И Олимпиада его по коридору тащила, а башка-то по полу стучалась... Как вспомню, дрожь берет. И вдруг... нате вам, жив... А через пару месяцев будет живее всех живых, ведьма так и сказала. Отлежится где-нибудь в подвале и опять здоров и весел. Не зря мне его замашки не нравились, с виду вроде молодой, а точно с древним старцем беседуешь.

— Прекрати, — зашипела я. — Не можешь ты всерьез в это верить.

— Я своим глазам верю. А ты своим нет?

— Конечно. Он сидел в кресле и вроде был мертвым. Может, он притворился?

— Прекрати, — зашипела я. — Не можешь ты всерьез в это верить.

— Я своим глазам верю. А ты своим нет?

— Конечно. Он сидел в кресле и вроде был мертвым. Может, он притворился?

— Как же. Ты вспомни, что с Юриком делалось, когда он его увидел. Нет, Анфиса, он его убил, киллера не обманешь...

— Послушай, всему должно быть разумное объяснение. И происшедшему с нами тоже. — В этот момент я поняла, что просто так оставить эту историю не получится, мы должны понять, в чем тут дело, иначе всерьез можно с катушек съехать. — Мы разберемся, — заверила я.

— Я туда ни за что не вернусь, — замотала головой Женька. — Мне этой ночи за глаза хватит на всю оставшуюся жизнь.

Тут в моей сумке зазвонил телефон, и мы разом подпрыгнули: я-то про него успела забыть, зато теперь вспомнила, что мне милый женский голос сообщил: «Аппарат отключен». И вот, пожалуйста.

— Ответить? — пролепетала я.

— Ну вот, — побледнела Женька. — Начались упыринные штучки. Сейчас вороны закаркают, черные коты из щелей полезут...

Я схватила телефон, он был включен и настойчиво звонил.

— Значит, я его включила нечаянно, когда в сумку положила.

— Ага.

Я зажмурилась и нажала кнопку.

— Привет, солнышко, — услышала я Ромкин голос и завопила:

— Ромочка, любимый, я так счастлива... Как ты дозвонился?

— Очень просто. Я вчера целый вечер названивал, потом сообразил, что у тебя деньги кончились, звякнул Витальке, он сегодня деньги заплатил, и ты снова на связи. Отгадай, где я?

— Не знаю. Ромочка, где бы ты ни был, я хочу быть с тобой.

— Наши желания совпадают. Я в аэропорту, сажусь в самолет. Через два часа буду в Питере. Где там твой остров? Жди к вечеру в гости.

— Рома... ты... ты просто чудо. У нас тут такое... На остров не надо, мы тебя встретим.

— Что у вас «такое»? — посуровел муж. — И почему на остров не надо?

— Мы оттуда уже уехали. Я тебе сейчас объясню, как от Питера добраться, и буду тебя ждать. Я тебя очень жду, любимый. — Ромка подобрел, и я объяснила, куда ему надлежит приехать.

— Услышал бог мои молитвы, — истово перекрестилась Женька, когда я закончила разговор. — Ромку упырями не проймешь.

Роман Андреевич должен был потратить на дорогу несколько часов, их следовало как-то убить. Я предложила просто погулять по городу, но Женьку распирала жажда деятельности: то она тащила меня в гостиницу, то предлагала выехать навстречу Ромке.

— Гостиница нам может и не понадобится, — увещевала я подружку. — А выезжать навстречу вовсе глупо, чего доброго, разминемся и только дольше получится.

— Ну не на скамейке же сидеть, — возмущалась она.

— Кто говорил, что прогулки полезны? Вот и гуляй. Смотри на озеро, красота-то какая.

— Хорошо, — вздохнула Женька. — Буду смотреть на озеро.

Следующие сорок минут она вела себя вполне прилично, пока не увидела серое здание с колоннами.

— Смотри, художественный музей, давай зайдем.

— У меня аллергия на музеи, — обиделась я.

— Да брось ты. К тому же мы без машины. Пойдем, Анфиса.

В конце концов я согласилась.

Музей был совсем маленький, я обошла несколько залов, и тут взор мой привлек небольшой пейзаж. Огромные валуны, деревушка на холме... да это же наш остров!

Я подошла ближе и в углу увидела подпись: «Вересов». Тот самый художник, что написал портрет матери Льва Николаевича. Конечно, он же из местных, Лев Николаевич рассказывал... Пейзаж художнику удался ничуть не хуже портрета. В зале были представлены шесть его картин, и все мне понравились.

Подошла Женька и тоже обратила внимание на пейзаж с изображением нашего острова. Женщина, до той поры со скучающим видом сидевшая возле окна, заметив наш интерес, сказала:

— Очень хороший художник. Наш земляк. Вырос здесь неподалеку. Сейчас в Питере преподает в училище.

— Так он жив? — спросила я, а женщина вроде бы обиделась.

— Конечно.

— Извините, — покраснела я. — Я хотела сказать, он ведь уже пожилой человек?

— Да что вы, ему лет тридцать, может, чуть больше.

— А другого художника с такой фамилией у вас нет?

— Нет. То есть художников у нас тут каждый год пруд пруди, но из местных...

— Спасибо, — пробормотала я и, схватив Женьку за руку, потянула на улицу.

— Ты чего? — удивилась подружка.

Я извлекла телефон и позвонила Ромке.

— Ромочка, ты где?

— В Питере, заехал в одно место, сейчас возьму машину и к вам.

— Любимый, никуда ехать не надо, мы сами приедем.

— В Питер? — не понял муж.

— Конечно. Встретимся на Васильевском острове, возле биржи. И вот еще что. Пожалуйста, узнай, где живет художник по фамилии Вересов, он преподает в художественном училище.

— А что случилось? — насторожился Ромка.

— Я тебе все объясню, только найди этого художника.

— Ты что, с ума сошла? — возмутилась Женька. — Дался тебе этот художник, когда у нас на острове упыриное семейство, с которым надо срочно разобраться.

— Этот Вересов написал портрет матери Льва Николаевича. Так?

— Ну...

— Каким образом он мог это сделать, если ему немногим больше тридцати лет?

— А маменька наша представилась годков сорок пять назад, — присвистнула Женька.

— Вот-вот, я хочу знать, кто изображен на картине, то есть кого я в окне видела?

— Анфиса, ты сама говоришь, что привидение толком не разглядела, и Вересов мог написать портрет по фотографии... А что такого, обычное дело.

— Вот это мы и выясним. Меняй баксы, лови такси.

Ромка ждал нас на «девятке» темно-зеленого цвета с питерскими номерами. Как выяснилось, он одолжил ее у приятеля, с которым свел знакомство в Моздоке. Первым делом муженек повел нас в кафе и попытался довести до моего сознания мысль о том, что он меня любит. Не то чтобы я его совсем не слушала, скорее поторапливала. Ромка нахмурился и заявил:

— Ну, рассказывай... — И мы с Женькой, перебивая друг друга, начали излагать. Муж мрачнел, криво ухмылялся, взирал на нас с недовольством, после чего заявил: — Вы все это выдумали. Анфиса, такую чушь не напечатают, вот увидишь...

— Да ты с ума сошел, — возмутилась я. — Все это правда, можешь узнать по своим каналам: мы киллера поймали, Мстислав отправился в тюрьму, а еще Руслан, но Руслана не мы, и в тюрьму его незаслуженно, то есть он-то заслужил, но Любиного мужа вовсе не он убил, а Юра.

— То есть ты отдыхала на острове, где полно киллеров и...

— Ромочка, я тебя умоляю...

— Я тебя сколько раз просил, — простонал он. — Ведь просил же? Ну почему, где ты, там непременно убийство?

— Ты на что это намекаешь? — обиделась Женька, я всплакнула, а Ромка расстроился и принялся меня утешать. — Мы должны распутать этот клубок, — зашептала Женька, перегнувшись к Ромке, после того как все понемногу успокоились и он перестал рычать на нас.

— Отчего бы этим не заняться ментам? — съязвил муженек.

— Ментам, — фыркнула Женька. — Да они который день машину найти не могут, где уж им упырей ловить. В общем, как хочешь, а мы не успокоимся, пока не пойдем, в чем там дело.

— Ясно, — вздохнул Ромка, сверля меня взглядом. Я на всякий случай еще раз всплакнула, он тяжело вздохнул и спросил: — Все, что вы здесь нагородили, правда?

— Конечно.

— Тогда еще раз и очень подробно.

Ромка выслушал наш рассказ, хмыкнул, покачал головой и взглянул на часы:

— Что ж, поехали к Вересову.

— Ты узнал адрес? — обрадовалась я.

— Узнал, конечно, раз ты просила.

Вересов жил на набережной Фонтанки, мы въехали во двор, оказавшийся на редкость опрятным, и я, посмотрев на окна, сказала с сомнением:

— Надо было ему позвонить и договориться о встрече. Вдруг его нет дома или он вовсе не захочет с нами беседовать.

— Уже звонили, — кивнул Ромка и уверенно набрал код подъезда. Мы с Женькой посмотрели на моего мужа с уважением и вошли в подъезд.

Дверь нам открыл мужчина средних лет, впрочем, возраст ему скорее всего прибавляла борода, совершенно седая. Несколько седых нитей украшали и его шевелюру, а вот глаза были молодые, пытливые и веселые.

— Жду вас с большим нетерпением, — заявил он. — Гадаю, зачем я мог понадобиться правоохранительным органам. Прошу... Чай, кофе? Могу коньяк предложить.

— Нет-нет, спасибо. Мы вас надолго не задержим, — затараторила я. — У нас всего один вопрос. Мы видели портрет, написанный вами, — женщина в темно-синем платье с белым воротничком. Мать Льва Николаевича Илларионова.

— Вас портрет интересует или сам Лев Николаевич? — усмехнулся Вересов.

— А вы его хорошо знаете?

— Нет, зато здесь неподалеку живет человек, который знает о нем все. Если есть желание,

можем сходить к ней. Это сестра Лидии Дмитриевны, покойной жены брата Льва Николаевича, Кости. Она живет в соседнем дворе, в это время почти всегда дома, кстати, она мой бывший педагог, отличный человек и милая женщина. Ну так как, идем?

— Конечно, — кивнула я, и мы отправились в соседний двор.

— Конечно, — кивнула я, и мы отправились в соседний двор.

— Сколько гостей, — хлопнув в ладоши, засмеялась женщина, пропуская нас в прихожую. — Игорек, это твои друзья?

— Да, Мария Дмитриевна, и я вас очень прошу ответить на их вопросы.

— А что случилось? — насторожилась она.

— Действительно, что случилось? — вроде бы удивился Вересов, поворачиваясь к нам.

— Мы хотели кое-что выяснить о Льве Николаевиче Илларионове.

— Вот оно что, — кивнула женщина и поджала губы. — Проходите. Вы из милиции?

— Нет, — поспешно ответила я, потому что врать мне не хотелось.

— Мне из прокуратуры звонили, — вмешался Вересов. — Хороший знакомый. Очень просил помочь.

— Разумеется, если смогу. Вы садитесь, пожалуйста.

Мы с Женькой сели на диване. Вересов предпочитал бродить по комнате, на что хозяйка не обращала внимания. Ромка, с подозрением взглянув на кресло, устроился в нем, а хозяйка выбрала стул с высокой прямой спинкой, она сидела на нем, как королева на троне, а я подумала, что женщина очень хороша, несмотря на возраст. Ей было лет пятьдесят пять, возможно, чуть больше, светлые волосы, большие голубые глаза, приветливая улыбка.

— Так что там Лева? — невесело усмехнулась Мария Дмитриевна.

— У него в доме завелось привидение, — брякнула Женька немного невпопад. — Если честно, там вообще бог знает что творится. Мы даже решили, что они с этой его Олимпиадой упыри.

— Как здоровье у Олимпиады Назаровны? — спросила хозяйка. — Давно мы с ней не виделись. Я ведь ее к себе звала, после того что случилось с Костей, но она решила остаться с этим мерзавцем, надеялась хоть чем-то Косте помочь. Разумеется, не помогла. Все ее старания напрасны, что неудивительно, Левушка об этом позаботился.

— Пойдите, — нахмурилась я, слегка сбита с толку услышанным. — Ваша сестра была женой Константина Илларионова, и он ее убил?

— Лида была его женой, и они безумно любили друг друга. Костя ее не убивал. Ее убил его брат, Лев Николаевич Илларионов.

— Но как же так? — растерялась я.

— Как он это проделал, не знаю. Но то, что убийца он, а вовсе не Костя... Вы поймите, Костя

никого не мог убить, просто не мог. Даже муху. У него было такое уважительное, такое восторженное отношение к жизни... Они с Лидочкой познакомились, когда учились в художественном училище, и сразу полюбили друг друга. Потом появился Лева. В день, когда он увидел Лиду... Вы знаете, она произвела на него такое впечатление... Лева утверждал, что она очень похожа на его мать, а тут еще имя: Лида. В общем, он стал за ней ухаживать. Он считался завидным женихом, очень перспективным, молодой человек пошел по стопам отца, служил в КГБ, получил квартиру здесь, в Питере. Одно время я даже боялась, что Лида может предпочесть его, но моя сестра была умным человеком и прекрасно понимала, что представляет собой любимец женщин Левушка, оттого и вышла замуж за его брата, нищего художника с золотым сердцем. Свадьба была на студенческий манер, веселая, шумная, а потом Лева предложил им поехать в отцовский дом: романтика, возможность побыть наедине. В общаге, где они жили, на это рассчитывать не приходилось. Молодые согласились. Лева отвез их на служебной машине, на лодке вместе с ними прибыл на остров... Говорят, они много выпили. Очень может быть, художники, знаете ли, никогда пуританством не страдали, Лева уехал, а утром... утром моя сестра была мертва, а Костя в шоке. Он ничего не мог вспомнить, а тем более объяснить. Его признали невменяемым, что вполне могло быть правдой — он так любил мою сестру, что мог лишиться рассудка, узнав о ее гибели...

— И вы уверены, что убийство сестры дело рук Льва Николаевича? — с сомнением спросила я.

— У меня нет доказательств, если вы это имеете в виду, — усмехнулась женщина. — Одно я знаю точно: Костя был человеком редкой доброты и обаяния, и он никогда, никогда и пальцем бы не тронул мою сестру. А вот Лева... он соперников не терпел, даже если соперник — родной брат.

— Если вы правы, то, выходит, Костя все это время...

— Лева свалил убийство на брата и отправил его в психушку, где и держит до сих пор. Я несколько раз пыталась увидеться с Костей. Куда там... Впрочем, за эти годы он мог... — Женщина поспешно отвернулась. — У Льва Николаевича были прекрасные возможности осуществить задуманное и выйти сухим из воды. Сначала связи отца, потом деньги. Знаете, он ведь приезжал ко мне лет пять назад. Вспоминал Лидочку, сказал, что так и не смог встретить женщину, способную заменить ее... В первое мгновение я хотела выставить его за дверь, а потом мне стало даже интересно. Мы долго разговаривали. Я думаю, он сумасшедший. — Женщина замолчала, и мы сидели, точно воды в рот набрав. История потрясла меня: неужели такое может быть правдой? Вересов метался по комнате, и я наконец вспомнила, зачем хотела его увидеть.

— Простите, вы писали портрет матери Льва Николаевича по фотографии?

— Как вам сказать... — нахмурился он. — Фотографии он показывал, но позировала мне девушка, Лев Николаевич утверждал, что она очень похожа на его мать. В самом деле, тип лица тот же. В общем, я придал портрету сходство, воспользовавшись фотографией. Заказ был необычным и заинтересовал меня. Если честно, была еще причина взяться за эту работу. Я надеялся, что у меня будет возможность кое-что выяснить.

— Что? — влезла Женька.

— Видите ли... — Вересов вроде бы смутился. — Меня очень интересовала гибель его матери. Вы знаете, что она погибла при весьма таинственных обстоятельствах?

— Если верить слухам, ее убил муж, у нее был роман с местным учителем...

— Муж ее не убивал, — покачал головой художник. — Это совершенно точно. Он в тот момент был в Москве.

— Но откуда вы можете знать наверняка?

— Был человек, который много лет пытался разобраться в этой истории.

— И кто этот человек? — нетерпеливо спросила Женька.

— Мой отец. Тот самый учитель. Видите, как все переплелось, — невесело усмехнулся Вересов. — Да-да. Мой отец был любовником его матери. В день ее гибели они виделись, а через несколько дней отец узнал, что она застрелилась.

— Но ведь это могло быть правдой?

— Возможно, только отец в это не верил. Он очень любил ее. Оттого я и согласился написать портрет. Я приехал на остров немного поработать, Лев Николаевич как раз занимался строительством своего замка, и я добился, чтобы нас познакомили. Разумеется, я умолчал об истинной причине своего интереса, а потом ему в голову пришла мысль о портрете. Вот и все.

— А что за женщина вам позировала?

— Его подруга. Он был в то время занят ее карьерой и...

— Карьерой? Чем она занимается?

— Кажется, она певица. Да, точно, певица. Он устроил ее в театр...

— Что? — ахнула я, и все взглянули на меня с удивлением. — Боже мой, — пробормотала я.

Женька испуганно спросила:

— Ты чего, Анфиса?

— Заметка в газете, помнишь? Бесследно исчезла солистка музыкальной комедии. Что, если...

Наступила жуткая тишина, и в этой тишине Мария Дмитриевна со вздохом сказала:

— Он уничтожает всех, кто его отвергает. Такой уж он человек...

— Ты хочешь сказать, девчонка послала его подальше, а он ее похитил? — вытаращив глаза, спросила Женька, когда мы ждали Романа Андреевича в машине.

— Если окажется, что пропавшая девушка была знакома с Илларионовым...

— Господи, да что ж это делается? Девчонку похитили и держали в этом жутком каземате?

— Боюсь, не просто держали. Если учесть, как любил развлекаться Руслан с охраной...

— Постой, убитый охранник, ножницы...

— Конечно, она смогла отвинтить болты на решетке и нашла эти ножницы. Когда ее мучители явились...

— Ударила охранника? Оттого Руслан и принялся пудрить нам мозги, что якобы отправил

Сашку и он пропал по дороге, а Левушка ему подыграл, боялся, что ты сможешь узнать девушку, и услужливо преподнес нам всю эту чушь о привидениях. Годовщина смерти матери пришлась весьма кстати. В общем, разыграл все как по нотам.

— Она смогла вырваться, и они ее убили, — пробормотала я. Вернулся Ромка, сосредоточенный и бледный.

— Все так и есть, — сказал он мрачно. — Вашим Илларионовым милиция интересовалась, разумеется, без всякого толку. Мать девушки говорит, что они расстались за три месяца до ее исчезновения. Леву считает замечательным человеком, помогавшим ее дочери. Он ей звонил, утешал, последний раз всего несколько дней назад, предлагал свою помощь в розыске дочери.

— Ну, сволочь, — рывкнула Женька, я стиснула кулаки, чувствуя, как по моим щекам катятся слезы.

— Анфиса, — обнял меня муж. — Пожалуйста...

— Я могла ее спасти. Она увидела меня в окно... если б я не испугалась, как последняя дура...

— Наше счастье, что испугалась, — покачал головой Ромка. — Не то трупов было бы не один, а три.

— Но почему труп? — возмутилась Женька. — Может, она еще жива? Вдруг она где-то в подземелье...

Ромка покачал головой:

— Очень жаль, но это невероятно. Они просто не могли оставить ее в живых. Скверно то, что, пока труп девчонки не найдут, прижать эту сволочь мы не сможем. А труп найти не так просто, возможно, придется перерыть весь остров. Есть еще озеро. Одно хорошо: вряд ли они смогли ее вывезти с острова. Поехали.

— Куда? — ахнула Женька.

— На остров, естественно, — пожал плечами Роман Андреевич. — Я позвонил кое-куда, нас ждут.

И мы поехали. Сидя на заднем сиденье, обхватив свои колени руками и глядя в окно, я в который раз перебирала все обстоятельства происшедшего и где-то через пару часов сказала тихо:

— Я знаю, где ее искать.

Ромка нахмурился, а Женька схватила меня за руку.

— Шутишь?

— Нет. Все очень просто. Собака. Добрейший Ник, с чего бы ему кусать своего хозяина? Собаку пришлось убить. Для того Руслан и выдумал историю с его неожиданным бешенством. Если б я не была такой дурой, поняла бы это раньше. Ведь когда мы вошли в комнату Льва Николаевича той ночью, повязки на руке не было и никаких следов укуса, только я в тот момент не обратила на это внимание. Все очень просто: труп девушки зарыт прямо напротив моста под большой сосной, Ник разгребал в том месте землю и очень волновался. Мы с

Русланом это видели. Оттого перед нами и разыграли очередной спектакль, а бедного пса застрелили.

— Подожди, — забеспокоилась Женька. — Если девушку зарыли под сосной, то почему труп охранника в подземелье оставили?

— Не знаю, — пожала я плечами. — Возможно, просто не успели...

— Может быть другая причина, — заметил Ромка, с сочувствием глядя на меня. — Девчонке, которую держат в подземелье на воде и хлебе, не так легко убить ножницами дюжего мужика. Скорее всего парень умер не сразу, а похоронить его живьем даже чертов Руслан не смог.

Мы были правы. Прибывшая на остров милиция обнаружила труп девушки, который вскоре опознали. Однако, несмотря на это, арестовать Льва Николаевича оказалось делом непростым: из дома он исчез, впрочем, как и Олимпиада Назаровна. Никто их не видел и сообщить, куда они скрылись, не мог.

— Давайте-ка прогуляемся по дому, — решил Роман Андреевич.

Поначалу мы с Женькой ушам своим не поверили, но отказываться не стали. Переночевали у Любы и с утра отправились в пустовавший замок.

Ромка без труда открыл стеклянную дверь и присвистнул:

— Да... Показывайте свою шахту и кладовую.

Женька провела экскурсию. Муженек немного побродил, подумал и весело хмыкнул:

— Все проще простого. Бочка.

— Что бочка? — нахмурилась я.

— Ход в бочке. Ты ж сама говорила — охрана появлялась из кладовой. Никого нет и вдруг есть. Конечно, может, ход замаскирован полками, но мне больше нравится бочка. Особенно вот эта, из которой вино течет тонким ручейком.

— Почему же эта, а не пустая? — разозлилась Женька.

— Потому что я кино люблю, историко-приключенческое.

Ромка долго бродил вокруг бочки, тщательно осмотрел ее, убрал с соседней полки всю снедь и вновь принялся насвистывать и рассматривать, потом вдруг протянул руку... что-то щелкнуло, и бочка медленно отодвинулась в сторону, а мы увидели дверь, запертую на внушительного вида засов.

— Что я говорил? — довольно потирая руки, спросил Роман Андреевич и тут же нахмурился. — Вы вот что, вы меня наверху подождите...

— Еще чего? — возмутилась Женька. — Открывай быстрее.

— А ну марш вверх, — рявкнул Ромка, и я, само собой, бросилась к выходу, но Женька, набычившись, осталась стоять на месте. — До чего ж ты упрямая, — вздохнул Роман Андреевич.

— Упрямая, — согласно кивнула подружка.

— Ну что ж, пошли, тебе же хуже.

Ромка отодвинул засов, открыл дверь и вошел первым, а за ним Женька. Только я собралась последовать их примеру, как подружка заорала, а я хлопнулась на ступеньки, ожидая самого худшего.

Через минуту Женька явилась моим очам бледная, с дрожащими губами. Потом показался Роман Андреевич и буркнул:

— Звони ментам.

— Что там такое? — пискнула я.

— Труп вашего Льва Николаевича, разумеется. Вы ведь всерьез не верите, что он бессмертен?

— Но как же...

— Анфиса, от ваших тайн ничего не осталось, или почти ничего. Вот, взгляни. — Ромка протянул мне два листка бумаги. Пока Женька объяснялась с милицией, я торопливо прочитала их.

— Так брат Льва Николаевича бежал из клиники? — ахнула я.

— Бежал. Это и была та самая «неприятность», о которой говорил ваш хозяин. А теперь взгляни на даты рождения. Ну, как?

— Двадцать седьмого сентября и год... Они близнецы.

— Конечно. Киллер свое дело сделал.

— Но куда он делся? То есть куда они с Олимпиадой сбежали?

— Не знаю, — пожал плечами Ромка. — Не думаю, что для них было разумно оставаться здесь. Даже если бы менты не нашли труп, есть еще друзья Льва Николаевича, их-то они провести бы не смогли.

— Помнишь, племянница Олимпиады говорила, что у той где-то дом есть? — почесав в затылке, спросила Женька. — Проверим?

— Проверим, — кивнула я.

Деревушка была совсем крохотной, притулилась в трех километрах от шоссе. К ней вела песчаная дорога, вдоль которой росли сосны.

Дом даже не пришлось искать: только мы въехали в деревню, как увидели мужчину, сидящего возле палисадника. Совершенно седой, лицо бледное, на губах улыбка. Услышав, как мы подъехали, он повернулся, кивнул нам и вновь предался созерцанию, а я поразились, как могла перепутать его со Львом Николаевичем, они ведь совсем не похожи. Впрочем, нет, похожи, конечно, только...

Мы вышли из машины, тут же открылась дверь дома, и показалась Олимпиада.

— Нашли? — спросила она грозно, косясь на Ромку.

— Мы... мы просто хотели... — начала я.

— Оставьте человека в покое. Ему и так досталось, не приведи господи.

— Я думаю, ему ничего не грозит. Льва Николаевича нашли...

— И теперь скажут, что его Костя убил. — Олимпиада заплакала, вытирая лицо передником. — Дайте ему хоть на старости лет на белый свет полюбоваться.

— Олимпиада Назаровна, мы никому не сообщили, что сюда едем. Только если вас будут искать...

Она горестно вздохнула:

— Куда же нам податься?

— Я думаю теперь, когда Лев Николаевич погиб, в милиции разберутся... Вы про девушку знали? — тихо спросила я.

— Нет, пока Наташка про крики не сказала. А когда сказала, додумалась. И за Наташку испугалась. Она ведь дурочка доверчивая, вон Люба, взрослый человек, да и то... Оттого и велела держать язык за зубами. Да разве послушает... Я за охраной следила, думала, если в подвале правда кого держат, они знать должны. А тут еще вы. За вас-то вся душа изболелась, ведь Левка — вылитый папаша, для него жизнь человека дешевле копейки, камень на шею, и нет человека. Он ведь меня каждый день выпрашивал, что вы да как. Ну а я, конечно, — дуры девки, привидений им подавай. Вот так... Костя из клиники сбежал и на остров прибыл на ворованной лодке, куда ж ему, бедному, деваться, только ко мне. А жил через комнату от вас, он тихий, его и не слышно. С Ником сразу подружился, чтоб пес ненароком не выдал. Уж очень Косте погулять хотелось, вот он ночью-то и вышел, с вами возле озера столкнулся. Я его у себя спрятала. Надо было сразу уходить, да нет нам с ним нигде места, Левка из-под земли достанет. А когда я Левку мертвым нашла, подумала... глупость, конечно, я надеялась время выгадать, чтоб мы с Костей смогли уехать, вот и сбросила труп в шахту... Неужто Костю опять в клинику? Он ведь ни в чем не виноватый.

— Я ее не убивал, — тихо сказал Костя и улыбнулся.

— Конечно, не убивал, — всхлипнула Олимпиада. — Где ему... Он с детства точно ангелочек, вылитая Лидочка, царство ей небесное. А она-то его любила, только ради деток и жила. А вот Левка щелгуновской породы оказался, точно зверь лютый.

— Мать застрелил Лева?

— Конечно. Увидел ее с Васей, дождался, когда тот уйдет, взял отцовский пистолет и выстрелил. Три раза, в грудь. Лидочка у меня на руках умерла и все шептала: «Прости его, господи, дитя неразумное»... Святая была...

В Питер мы вернулись на следующий день. Ромка клятвенно обещал помочь Косте и, высадив нас на Невском, куда-то умчался, сказал, чтоб мы его ждали через два часа на этом же месте.

Делать нам с Женькой было нечего, и мы решили зайти в отделение, узнать, что там с моей машиной. В семнадцатом кабинете грустный и совершенно трезвый Сашка переключивал

какие-то бумаги.

— А, девчонки, привет. Киллера-то нашли...

— Да знаем мы.

— А меня с работы поперли. Вы чего ж не сказали, что у вас тут такие знакомые? Мне за машину по шапке, а у меня и так два предупреждения.

Мы с Женькой так застыдились, что даже про «Фольксваген» спрашивать не стали, зато Романа Андреевича я ждала, пылая гневом, и, как только оказалась в его машине, принялась выговаривать:

— Зачем на Сашку настучал?

— На какого Сашку?

— Не прикидывайся. Его с работы выгнали.

— А-а-а. Ясно. Ничего, твой Сашка немного грузчиком поработает, ему на пользу пойдет. Менты такой народ, без пенделя как без пряника. Не дашь по шапке, шевелиться не заставишь. Короче, у меня две хорошие новости. Первая: с Костей обещали разобраться, и есть надежда, что действительно разберутся. А вторая: не зря я Сашкино начальство потревожил, нашли твой «Фольксваген».

— На какого Сашку?

— Не прикидывайся. Его с работы выгнали.

— А-а-а. Ясно. Ничего, твой Сашка немного грузчиком поработает, ему на пользу пойдет. Менты такой народ, без пенделя как без пряника. Не дашь по шапке, шевелиться не заставишь. Короче, у меня две хорошие новости. Первая: с Костей обещали разобраться, и есть надежда, что действительно разберутся. А вторая: не зря я Сашкино начальство потревожил, нашли твой «Фольксваген».

— И вещи? — обрадовалась Женька.

— Ну, Евгения Петровна, имейте совесть...

— Где машина? — заволновалась я.

— На стоянке. Поехали.

Через полчаса мы были на стоянке, я горела нетерпением увидеть родное железо. И вскоре увидела. Колеса почему-то сняли только задние, зато сиденья все целы. Дверь тоже кому-то понадобилась, а также аккумулятор и еще много других вещей, незначительных, но, должно быть, необходимых.

— Это что же такое? — рывкнула я, пытаюсь удержаться на ногах.

— Да, — вздохнул Роман Андреевич, почесав в затылке, и тут же добавил удовлетворенно: — Но ведь нашли...